

Кристофер Бакли, Джон Тирни Господь — мой брокер

«Брат Зап, а также Кристофер Бакли и Джон Тирни «Господь — мой брокер»»: Б.С.Г.-Пресс, Азбука-классика; Москва; 2003
ISBN 5-93381-107-6

Оригинал: Christopher Buckley, "God is my broker"
Перевод: Виктор Коган

Аннотация

Остроумная пародия на литературу, предлагающую «легкий путь к успеху», написана уже известным у нас Кристофером Бакли (автором бестселлера «Здесь курят») в содружестве с Джоном Тирни. Герой романа, спившийся биржевой маклер-неудачник, волею судеб оказывается в обнищавшем монастыре. Там в один знаменательный день, воспользовавшись брокерскими услугами Самого Бога, он открывает семь с половиной законов духовно-финансового роста.

Брат Зап, а также Кристофер Бакли и Джон Тирни Господь — мой брокер

От автора

В конце каждой главы данной книги вы найдете один из Семи с половиной законов духовно-финансового роста. После каждого закона приводится рыночная медитация, рассчитанная на то, чтобы вы лучше уяснили себе Закон. Эти «медитации» главным образом принадлежат перу Кристофера Бакли и Джона Тирни, которых издатель в самом конце привлек к работе над книгой в попытке, по их словам, «оживить материал». Сотрудничество было не из самых приятных. Я ничуть не сомневаюсь в компетентности и профессионализме господ Бакли и Тирни, однако для общедоступного истолкования божественных принципов требуется некоторая деликатность. Мы не всегда сходились во мнениях относительно формулировки «медитаций», но издатель не раз объяснял, что «на современном рынке литературы по самосовершенствованию» требуется именно такая редакция. Эти слова я расценил как намек на то, что в противном случае книга не будет издана. Я согласился, однако надеюсь, читатель

поймет, что приведенные в этих «медитациях» термины и примеры — не говоря уже о мнениях — принадлежат не мне.

По причинам, которые станут ясны позднее, в данном повествовании я вольно обращаюсь кое с какими фактами. Историки расходятся во мнениях относительно мелких подробностей жизни и творчества святого Тадеуша Фессалийского. Можете не сомневаться, однако, что все цитаты из произведений Дипака Чопры и других современных авторов приведены слово в слово, хотя в это и трудно поверить.

Брат Зап, монастырь Каны

АББАТУ, с сознанием того, что доброта и милость Господни беспредельны

Глава первая

Кризис в монастыре...

Аббат обретает духовного наставника...

Информация с небес

День начался так же, как и все дни в монастыре Каны — с перезвона колоколов и шарканья обутых в сандалии ног по потрескавшемуся линолеуму. В свое время это был полированный мраморный пол, но мрамор уже давно продали, чтобы расплачиваться за предметы первой необходимости в период тяжелых испытаний. С нищетой мы к тому времени уже свыклись, но мало кто из нас представлял себе в то прохладное сентябрьское утро, насколько угрожающим становится наше положение.

Начинался второй год моего послушания, и я был глубоко взволнован: после традиционного годового молчания мне было вновь разрешено говорить.

Весь этот год я — молча — задавался вопросом о том, что думают обо мне братья монахи. Жизнь биржевого маклера с Уолл-стрит я променял на жизнь, посвященную молитвам и покаянию, свой портфель — на четки, гул операционного зала фондовой биржи — на григорианские песнопения. Как-то раз, когда я, стоя на коленях, тщательно мыл линолеум (стараясь не слишком сильно нажимать на щетку, чтобы тот не потрескался еще больше), до меня донеслись слова брата Фабиана, сказанные брату Бобу: «Сдается мне, „брат Заправила“ покупал втридорога, а продавал по дешевке!» Эта обидная колкость упала на благодатную почву, и все монахи стали звать меня братом Запом. Никогда еще мне не было так мучительно тяжело не нарушить обет молчания, как в ту минуту, но потом я напомнил себе, по какой причине искал убежища, пытался скрыться от алчного мира. К тому же, надо признаться, эти двое были не так уж и далеки от истины. Как сказал мне мой директор-распорядитель в тот день, когда я был уволен из фирмы: «Сейчас наблюдается одна из самых благоприятных тенденций к повышению курсов за всю историю биржи. Как же вы ухитрились потерять так много денег наших клиентов?» Мне нечего было ответить. Я вышел и направился по Уолл-стрит в бар Слаттери.

— С добрым утречком, — сказал Слаттери. — Как обычно?

Как обычно? Сколько же времени я уже сижу здесь по утрам, читая «Джорнал» и накачиваясь «кровавой Мэри»?

— Слаттери, — ответил я, — позвольте задать вам один вопрос, по-дружески: как по-вашему, я уже превратился в пьяницу?

Он задумчиво посмотрел на меня и спросил:

— А что, это мешает вам на работе?

— Уже нет, — признал я.

Это почти все, что сохранилось у меня в памяти о том дне. Очнулся я в подсобке, лежа на животе рядом с ящиком, полным бутылок с надписью «Кана 20-20» на этикетках. С большим трудом, приложив немало усилий, я встал на колени и тщательно осмотрел одну из бутылок, в которой, судя по виду, было красное с оранжевым оттенком вино. Я отвинтил крышечку и выпил глоток. Внезапно я пришел к убеждению, что жидкость, находящаяся сейчас у меня во рту, сильно отдает смесью виноградного напитка «Кул-Эйд» с аккумуляторной кислотой, хотя

сам этой смеси ни разу в жизни не пробовал. Я выплюнул жидкость на пол и, шатаясь, поплелся в туалет прополоскать рот от скрипевшего на зубах осадка. Когда меня нашел Слаттери, я, уставившись в зеркало, сковыривал с зубов пятнышки, подозрительно напоминавшие частицы ржавчины. Слаттери уже закрывал заведение на ночь, но я, чувствуя неприятный вкус во рту, принялся молить о чашечке кофе. Он налил мне чашку за стойкой бара.

— Знаете что, — оказал он, когда я, обжигаясь, пытался отхлебнуть кофе, — наверно, вы не созданы для Уолл-стрит. Гляжу я на вас тут по утрам и думаю, что хотите вы только одного: удрать с биржи. А ведь это можно и без выпивки сделать.

Его слова обожгли меня сильнее, чем кофе, хотя и не так сильно, как вино. Возможно, я и вправду не был создан для работы на бирже.

— Удирайте отсюда, — настаивал Слаттери. — Поезжайте за город. Помните, как выглядит трава?

Он показал на календарь, на котором было запечатлено нечто, похожее издавелека на сельскую местность — какое-то поле с коровами. А может, и с овцами. Я был не в состоянии отличить одних от других на яркой, красивой фотографии.

— Это овцы или коровы? — пробормотал я.

— Это монахи, пьянь слепая.

— Ах да, верно.

Это была пасторальная сценка. Монахи, занимающиеся чем-то пасторальным. Возможно, с овцами. Я по-прежнему был не в состоянии разобрать.

— Почему монахи? — спросил я. Он пожал плечами:

— Это они делают «Кану 20-20».

Я вздрогнул и глотнул кофе.

— Я пролил немного в подсобке. Прошу прощения. Я вытру.

— Отвратное пойло, — сказал Слаттери. — Здесь им торговать нельзя. Я отдаю его пропойцам. Зато там чудесные места, добрейшей души создания, да и причина, черт возьми, уважительная, не правда ли?

— О чем это вы? — спросил я. — Об овцах или о монахах?

Туман в глазах, этом древнем зеркале души, рассеялся уже настолько, что я сумел наконец разглядеть изображение на календаре. На заднем плане, на покрытом зеленью холме над монахами в винограднике, возвышались кирпичное здание и церковь.

— А места там, похоже, и вправду чудесные.

— Я был там после смерти жены, — сказал Слаттери. — У них есть комната для гостей — без особых изысков, одна только койка. Отродясь так спокойно не отдыхал. Вам, наверно, там понравится. Правда, судя по всему, винодельня для вас сейчас — не самое подходящее место.

— Слаттери, — сказал я, — даже если это пойло будут подавать в Центре Бетти Форд, его и то никто пить не станет.

Слаттери улыбнулся, а я выпил еще один глоток кофе.

— Ну что ж, — сказал он, — возможно, вам и стоит поехать в Кану.

— А далеко это от Уолл-стрит?

— Миль двести, — сказал Слаттери. — Если попадете в Канаду, значит, проехали.

В Канаду я не попал. А неделька в Кане, в монастырском доме для гостей, растянулась на два года. Отдых от профессиональной деятельности превратился в профессию, в призвание свыше.

Когда я пел в то сентябрьское утро вместе с остальными монахами, приятно и покойно было чувствовать себя таким далеким от материального мира со всеми его приобретениями и утратами, со столь редким достижением согласия между людьми.

Когда я уже собрался было, как обычно, пойти проверить, не побило ли за ночь морозом виноградную лозу, Аббат сделал внеочередное объявление.

— Прежде чем приступить к выполнению своих обязанностей, — произнес он

нараспев, — все соберитесь в калефактории¹. Я должен вам кое-что сообщить.

Мы расселись вокруг раскладных ломберных столов, сдвинутых вместе так, чтобы с виду они напоминали великолепный флорентийский стол пятнадцатого века — тот, что мы продали, когда пришла пора ремонтировать крышу.

Брат Боб, сидевший рядом со мной, прошептал:

— Очередное сообщение. Что еще тут осталось продать? Нас?

Перед нами стоял Аббат, воплощение крайней усталости. Человек лет пятидесяти пяти с богатырской грудью, как правило, он говорил густым баритоном и был весьма энергичен, что придавало нам бодрости в течение долгих зим. Наверняка благодаря именно этому качеству он и стал когда-то капитаном футбольной команды «Крест Господень». Однако этим утром, в предрассветном сумраке, жизнерадостное обычно лицо казалось перекошенным и осунувшимся. Явно давало себя знать переутомление, вызванное попытками отделаться от кредиторов и наблюдением за тем, как монастырь буквально разваливается на части. В последнее время он вел себя странно. Некоторые из старших монахов шушукались, утверждая, что он частенько невнятно, непристойно ругается по-латыни. В глазах его появилось то, чего я никогда раньше не видел: безумное выражение.

— Братья, — сказал он, обращаясь к нам, — я начну с хорошей новости. Не может быть почти никаких сомнений в том, что мы живем в строгом соответствии с данным нами обетом нищеты. — Он показал нам пригоршню купюр. — У нас триста четыре доллара. На нашем счете в банке пусто. Наш кредит исчерпан. Не осталось ничего ценного на продажу. — Он вздохнул. — Разве что торговцы антиквариатом проявят вдруг интерес к нашему старинному линолеумному полу. У нас остался один исправный автомобиль, и бак заполнен бензином только на четверть. Нет ни малейшей надежды на то, что нам удастся завлечь в гости отшельников, пока мы не сделаем что-нибудь с водопроводом и — я далек от того, чтобы в чем-то винить брата Тома, — нашим питанием.

В течение последних четырех месяцев мы оставались в живых лишь благодаря льготным продуктовым талонам да коробкам с консервами — свеклой и зеленой кукурузой с бобами, — которые, как сообщил нам даритель, выпали из кузовов каких-то полугрузовых автомобилей на границе штата.

— Я вновь обратился с прошением в Ватикан, к главам нашего ордена.

Наш монастырь был последним оплотом некогда процветавшего ордена святого Тадеуша. Основатель наш, пылкий духом кающийся грешник, живший в двенадцатом веке и в конце концов преданный мученической смерти по приказу султана Омара Великодушного, передал орден в непосредственное подчинение Папы Римского. Однако после прискорбного случая десятилетней давности наши отношения со Святым Престолом стали натянутыми. Монахи, по традиции, послали Папе первый ящик молодого вина. Его святейшество выпил бокал за обедом и вскоре после этого занемог. И хотя неопровержимых доказательств того, что его сильное недомогание было вызвано именно нашим вином, так и не нашлось, химический анализ выявил ряд «посторонних примесей».

— Ватикан вновь не выразил желания оказывать финансовую помощь, — сказал Аббат. — Мое предупреждение о том, что нам, вероятно, придется закрыть винодельню, было встречено без всякой тревоги. Впрочем, откровенно говоря, едва ли их можно винить.

Аббат говорил так, словно ему было очень трудно сдерживать свои чувства.

— Наше винодельческое оборудование безнадежно устарело. Из-за проблем с контролем качества от марки «Кана» отказались уже все оптовые фирмы по сбыту вина, кроме той, которой владеет дядюшка брата Теодора. Да и его рвение и преданность теперь под вопросом. Дядюшка Лео позвонил мне вчера, после того, как попробовал «Кана нуво». Он человек деликатный. У меня сложилось впечатление, что его доброжелательность подвергается серьезному испытанию.

— Что он сказал? — спросил брат Тео.

---

¹ Калефактория — от лат. «теплая комната», место, где, по традиции, собираются монахи, чтобы побеседовать у камина (здесь и далее — прим. автора).

— Он довольно подробно описал те трудности, с которыми столкнулся, пытаясь выпить глоток. У него нет желания бросать нас в беде, однако он сказал, что в Америке, даже в самых неблагополучных районах, да и вообще в промышленно развитых странах, вряд ли найдется хоть один винный магазин, который мог бы купить у него «Кану», какой бы низкой ни была цена. Он спросил, не рассматривали ли мы когда-нибудь возможность реализации этого вина в качестве промышленного растворителя. Я заверил его в том, что он, должно быть, получил недоброкачественную партию. Как бы там ни было, на будущей неделе он приезжает дегустировать вино нового урожая, и я думаю, что злоупотреблять его доверием больше нельзя. Господь не требует, чтобы мы превращали воду в вино, но нам следует научиться делать вино из винограда. Если не сумеем, лучше найти себе другое занятие, потому что, когда кончатся эти триста четыре доллара, Кане тоже придет конец.

Воцарилась глубокая тишина, даже более глубокая, чем та, что обычно царит в монастыре. Заговорил брат Алджернон:

— То есть придется закрыть монастырь?

— Согласно уставу ордена святого Тадеуша, мы должны быть экономически самостоятельными. Вряд ли святой Тад обрадовался бы, узнав, что мы живем на льготные продуктовые талоны. На носу зима. Я еще не оплатил прошлогодний счет за горючее и смазочные материалы. Если у вас нет никаких соображений по поводу альтернативных источников тепла, нам грозит зима без отопления — перспектива не из приятных, если учесть, что при здешнем климате температура, как правило, падает до десяти градусов ниже нуля. Обета невеняемости никто из нас не давал. Как и обета гипотермии.

Я попытался развеять мрачное настроение:

— Возможно, мы могли бы топить печь вином.

Моя попытка бездумно пошутить была встречена молчанием. Некоторые братья неодобрительно посмотрели на меня.

— А получится? — с надеждой в голосе спросил брат Джером.

Брат Джером, который ухаживал за свиньями и курами, пользовался репутацией не только благочестивого монаха, но и простодушного человека.

Аббат тяжело вздохнул — так же, как вздыхал всякий раз, когда брат Джером вносил очередное полезное предложение.

— Этот вопрос мы рассмотрим со всей серьезностью. Думаю, брат Зап пытался нас развеселить. Вероятно, одного года молчания ему маловато. — Он пристально посмотрел на меня. — Брат, зайдите, пожалуйста, ко мне в кабинет. После того, как поможете брату Джерому навести чистоту в свинарнике.

После короткой общей молитвы он велел нам приступить к исполнению своих обязанностей. Храня покаянное молчание, я отправился чистить хлев, а разделившись с этим, зашел к Аббату.

Он сидел, углубившись в чтение, за своим рабочим столом — старой дверью, лежащей на двух грязноватых желто-коричневых шкафчиках для хранения документов.

— А, брат Зап!

Закрыв книгу, он заметил, что я прочел название:

НАКОПИТЬ И ЖИТЬ В ДОСТАТКЕ

Сознание богатства в поле безграничных возможностей

Дипак Чопра, доктор медицины

— Слыхали когда-нибудь об этом парне? — Аббат стал читать вслух текст на суперобложке: — «С присущей ему строгой, ясной мудростью Дипак Чопра раскрывает глубокий смысл сознания богатства, а также предлагает поэтапный план обогащения и реализации потенциальных возможностей на всех уровнях нашей жизни». Его книги расходятся миллионными тиражами. Я слышал, он постоянно выступает по телевидению, по учебному каналу.

— Надеюсь, вы не всерьез... — Я осекся. У бедняги на лице было написано, что он и вправду настроен серьезно. Он дошел до ручки. Я решил, что лучше ему не перечить. — Ну и

как, цветут лилии в этом поле безграничных возможностей?

— До поля я еще не дочитал. Он разработал систему под названием «Шаги к обогащению от "А" до "Я"». То ли это чрезвычайно сложный метод, то ли...

— Полнейшая чушь?

— Честно говоря, Фома Аквинский показался мне более доступным. Я понятия не имею, о чем толкует этот парень. Потому я вас и пригласил. На Уолл-стрит вы имели дело с богачами. Насколько мне известно, у Чопры множество последователей. А вы о нем какого мнения?

— Ну, — сказал я, попытавшись увильнуть от прямого ответа, — вряд ли у него тут много полезных советов по виноделию.

— Советов? Посмотрим-ка букву «С», — сказал Аббат, возбужденно листая книжку. Потом прочел вслух:

«Буква "С" символизирует Сознание богатства без забот. Сознание богатства предполагает отсутствие денежных забот. Истинные богачи никогда не боятся потерять деньги, поскольку знают, что там, откуда берутся деньги, их запас неисчерпаем.

Однажды, когда я и мой учитель Махариши Махеш Йоги обсуждали план установления всеобщего мира, кто-то спросил его: «Где же взять столько денег?» И он ответил без колебаний: «Там, где они находятся в данную минуту»».

Аббат с видом человека, доведенного до отчаяния, взглянул на ярлык с указанием цены на корешке книги:

— Я заплатил за нее четырнадцать долларов. Эти деньги уже отправлены Дипаку Чопре. Вот где находятся мои деньги в данную минуту.

— Возможно, вам следовало бы истратить эти четырнадцать долларов на бутылку вина, — сказал я. — По крайней мере выпили бы что-нибудь, не содержащее частиц ржавчины.

— Наверно, вы правы. Надо было зайти не в книжный магазин, а в винный. Несомненно, именно там находится в данную минуту хорошее вино.

Внезапно он переменялся в лице и вновь напряженно взгляделся в текст:

«Там, где они находятся в данную минуту... Там, где они находятся в данную минуту».

Он встал:

— У меня для вас поручение, брат Зап.

Въезжая в город на пикапе ффорд семьдесят восьмого года, я неожиданно для себя принялся ломать голову над смыслом невнятных бормотаний Аббата. Он вручил мне последние триста четыре доллара Каны, велел поехать в винный магазин и истратить их на шесть ящиков «доброго чилийского столового вина». Я то и дело твердил себе, что, скорее всего, он хочет подвергнуть вино анализу, дабы повысить качество нашего собственного пойла. Но пока шасси вибрировало на проселочной дороге, мне не давал покоя один вопрос: если это так, то зачем ему понадобилось столько вина? «Там, где они находятся в данную минуту». Это напоминало слова Уилли Саттона, сказанные судьбе в ответ на вопрос, зачем он грабит банки: «Так ведь там же деньги лежат».

Едва ли Аббат замышлял что-либо предосудительное. Настоятель монастыря, названного в честь первого чуда Христова, не стал бы превращать одно вино в другое. Несомненно, нам следовало пытаться повысить качество нашего собственного вина, а не наливать в свои бутылки чужое — лишь бы одурачить дядюшку Лео. Да и вряд ли у нас хватило бы средств на покупку такого количества «доброго чилийского столового вина», чтобы длительное время вводить в заблуждение своих покупателей. Я вновь и вновь уверял себя в том, что Аббат — истинный праведник, порядочный, благочестивый человек, который отказался от сулящей большие перспективы карьеры профессионального футболиста, дабы вести жизнь, наполненную религиозным созерцанием. Принявшись размышлять о своем обете послушания, я

постепенно успокоился.

На вершине холма я услышал громкий скрежет где-то возле коробки передач, после чего появился дым. Я съехал на обочину. Проезжавший мимо автомобилист любезно согласился позвонить по своему сотовому телефону в гараж. Час спустя я уже понуро сидел в гараже Кларка, а Кларк, вытирая замасленное лицо, уверял меня в том, что новая коробка передач обойдется в шестьсот пятьдесят долларов. Я показал ему свои триста четыре доллара и объяснил, что эта сумма представляет собой денежный эквивалент общей стоимости Каны. Он сжалился надо мной и приступил к работе.

— Я постараюсь, — сказал он, — но не могу гарантировать, что нам удастся найти запчасти для такого антиквариата.

Я позвонил в монастырь и рассказал обо всем Аббату. Эту весть он воспринял неважно. Он то и дело повторял: «А как же вино? А как же вино?» Я оказался не на высоте.

Внезапно он испустил поток выражений, подобных которым я не слышал с тех пор, как перестал появляться в операционном зале на Уолл-стрит. Я сочувствовал этому человеку от всей души. Стресс явно не шел ему на пользу. Я сделал все возможное, чтобы его успокоить, даже попытался состричь:

— По крайней мере теперь мы знаем, где находятся в данную минуту наши деньги.

Он не рассмеялся. Раздался грохот — судя по звуку, телефон упал на линолеумный пол.

— Алло! — сказал я. Тишина. — Алло!

Спустя минуту я услышал голос брата Феликса, весьма встревоженный:

— Что вы сказали Аббату?

Я объяснил, что случилось с коробкой передач и суммой в триста четыре доллара.

— Сегодня я бы не стал его больше беспокоить, — прошептал брат Феликс. — Он неважно воспринял ваше сообщение.

— Что он сейчас делает?

— Снял свою синктуру² и бичует ею какую-то книгу.

— Кажется, я знаю, какую.

— Пойду-ка я, пожалуй, за ним присмотрю, — сказал брат Феликс и повесил трубку.

Кларк позвонил в фирму, торгующую запчастями, минут пять подождал ответа, а потом, так и не дождавшись, включил блок громкой связи и вновь залез под капот. Из телефонного громкоговорителя доносилась надоедливая музыка одной из тех радиостанций, которые именуют себя прогрессивными. В наши дни мучить американского потребителя тишиной в трубке уже не принято.

Дело шло к полудню — часу, когда следует доставать требник — молитвенник, который мы всегда носим с собой. Семь раз в день, в одно и то же время, мы читаем вслух уставные молитвы из повседневно цикла: «Утреню», «Первый час», «Третий час», «Шестой час», «Девятый час», «Вечерню» и «Последний час». Я достал свой требник, нашел сегодняшней полуденный текст и попробовал прочесть его про себя. Из-за назойливого шума громкоговорителя сделать это было довольно трудно.

Это мгновение я запомнил отчетливо. Я пытался сосредоточиться на строках о том, как Господь изгоняет бесов из одержимого человека (тут мне вспомнился бедняга Аббат), как вдруг из громкоговорителя раздался глубокий, низкий голос радиодиктора. Это был голос из прошлого, голос Уолл-стрит, очень настойчивый:

«Сегодня днем, после доклада Министерства сельского хозяйства об объеме сельскохозяйственного производства, возможны некоторые колебания курсов на бирже при особой изменчивости спроса на свиную требуху».

Я старался не обращать внимания на голос, звучавший по телефону. «Изыди, Сатана!» — приказал я ему. Потом вновь обратился к своему требнику и прочел об изгнании бесов из одержимого. Передо мной была страница со следующими словами:

---

² Синктура — кусок толстой веревки, используемый в качестве пояса.

«И нечистые духи, выйдя, вошли в свиней, и устремилось стадо с крутизны в море, а их было около двух тысяч; и потонули в море».³

И тут в меня самого словно бесы вселились.

— Можно от вас позвонить? — спросил я Кларка.

Когда я позвонил за счет абонента своему старому приятелю Биллу, тот был, мягко выражаясь, удивлен.

— Боже правый! — почти вскричал он. — Ты что, и вправду ушел в монастырь?

Я сказал, что это правда. Он извинился за свои выражения. Я сразу перешел к делу:

— Билл, я знаю, что ты никогда не скупился на пожертвования. Так вот, у тебя появилась возможность оказать помощь старой Матери-Церкви. — Я рассказал о финансовом положении Каны. Потом: — Мне стало известно, что свиная трюха скоро свалится с обрыва — сведения верные, из первых рук.

Билл явно пришел в волнение. Он зевнул.

— Такие же верные, как и все прочие твои сведения?

— Билл, — оказал я, — я знаю, послужной список у меня не из лучших. Но это информация из особого источника.

— Ты что, снова запил?

— Билл, я уже два года не пью ни капли. То пойло, что мы производим, никто пить не станет. В том-то и дело.

— Что ты имеешь в виду?

— Не важно. Клянусь тебе в двух вещах. Во-первых, я трезв. Во-вторых, для монастыря это единственный шанс. Мне нужны две штуки взаймы, до вечера.

— Две штуки?!

— Билл, для тебя это деньги на завтрак.

Наступила долгая пауза. Наконец он сказал:

— Будем считать, что это досрочное рождественское пожертвование. Значит, ты хочешь на две тысячи сыграть на Понижение свиной трюхи без покрытия?

— Да.

Я постарался придать своему голосу нотки уверенности, и мы обговорили детали ставки на то, что цена свиной трюхи на товарной бирже резко упадет.

— Отлично, — сказал Билл. — По рукам. Как с тобой связаться?

Когда Кларк отыскал наконец нужные запчасти, день уже клонился к вечеру. Ремонт грузовичка затягивался до завтра, и потому в Кану я возвращался автостопом. Я довольно быстро поймал попутку. Большинство людей тормозят, увидев голосующего на дороге монаха.

Приехав, я тотчас же направился к келье Аббата. У двери стояла группа монахов, и вид у них был весьма озабоченный. Они сказали мне, что за время, прошедшее после моего звонка, состояние Аббата ухудшилось. По их словам, подвергнув книгу бичеванию, он с криком «Ego te expello!»⁴ швырнул ее в камин. Потом едва не бросился в огонь вслед за книгой — его еле удержали. Тогда монахи и решили вызвать доктора Кука, симпатичного психиатра, который работал в одной из ближайших тюрем. Он уже находился у Аббата в келье. Брат Феликс сказал:

— Доктор Кук употребил выражение «отрыв от действительности». По-моему, раньше это называлось у нас нервным расстройством.

Вместе с братьями я дежурил возле кельи, вознося свои скромные молитвы о выздоровлении Аббата. Я корил себя за то, что не вполне сознавал, какое нервное напряжение он испытывает, и за то, что не предвидел последствий своего звонка.

³ Марк, 5:13

⁴ «Я изгоняю тебя!» (лат.) — выражение, по традиции употребляющееся в католической церкви при изгнании нечистой силы или сожжении еретиков.

Наконец доктор Кук вышел из кельи.

— Я сделал ему инъекцию лекарства, — сказал он. — Аббат — человек сильный, так что советую вам не спускать с него глаз. Он уже успокоился, но продолжает твердить одно и то же: «Вот где они находятся в данную минуту». Это что, слова одной из ваших молитв?

Монахи покачали головами. Я решил, что истолковывать мысли Аббата не стоит.

И тут появился брат Алджернон, который сказал, что меня срочно просят к телефону. Звонил Билл.

— Ну, брат, источники у тебя там в монастыре и вправду надежные. Свиная требуха резко упала в цене, как ты и говорил.

— Насколько резко?

— В общем, по итогам торгов ты наварил двадцать семь тысяч. На чье имя, по-твоему, нужно открыть счет? — Он помедлил. — По-прежнему намереваешься поделиться с монастырем?

Ошеломленный, я повесил трубку. Впервые я получил правдивую конфиденциальную информацию о состоянии курсов акций, и источником ее был... Бог. Господь внял нашим молитвам — и принял меры. К слову «чудо» я всегда относился с осторожностью, но как еще можно объяснить то, что произошло в этот день в гараже Кларка?

Я бросился сообщать эту добрую весть Аббату, надеясь, что она поможет ему выбраться из пучины отчаяния.

— Отец настоятель! — Я вошел в его келью. Он сидел в постели со странным безжизненным выражением на лице. — Как вы себя чувствуете?

— *Vene. Ettu?*⁵

Никогда еще я не слышал, чтобы он употреблял латынь в разговоре. Я сделал неуклюжую попытку ответить:

— *Dominus vobiscum*⁶.

Некоторое время Аббат говорил — то ли о погоде, то ли о коробке передач. С моим знанием латыни я только и мог, что сочувственно кивать да изредка вставлять «*Certe!*»⁷. В конце концов я сказал ему:

— Святой отец, у меня прекрасные новости.

— *Quid?*⁸

— Не могли бы мы поговорить по-английски? Хотя бы минуту?

— *Lingua Latina lingua Dei est*⁹.

— В этом нет сомнения, но я не знаю, как будет по-латыни «свиная требуха».

— *Abdomina porcorum*.

— Пожалуй, лучше всего сразу перейти к делу, — сказал я. — Знаю, возможно, это прозвучит как богохульство, но когда я в полдень читал уставную молитву в гараже, мне было ниспослано наитие: надо сыграть на бирже. Я позвонил одному бывшему коллеге и уговорил его поставить две тысячи долларов на то, что свиная требуха резко упадет в цене. А теперь угадайте, что было дальше... Так оно и вышло!

— *Quid?*

— Мы заработали двадцать семь тысяч.

— *Quid?*

---

⁵ Хорошо. А ты? (лат.)

⁶ Да пребудет с вами Господь (очень упрощенная латынь).

⁷ Конечно! (лат.)

⁸ Что? (лат.)

⁹ Латынь — язык Божий (лат.)

Рыночная медитация первая

Сколько раз Бог вынужден был ждать, когда я подойду к телефону?

Заставлял ли Бог когда-нибудь ждать меня?

Может ли Бог находиться за пределами досягаемости сотового телефона?

Как мне «заблокировать» звонки Сатаны? Будет ли работать определитель номера?

Может ли Бог связаться со мной другим способом, не по телефону?

Что, если Бог позвонит за счет абонента?

Вы задаете очень хорошие вопросы. А теперь, в качестве упражнения, которое должно помочь вам лучше уяснить данный Закон, составьте перечень тех случаев, когда Бог устанавливал с вами связь. (Подсказка: пользовался ли Он при этом телефоном?) На каждый такой случай заполните розовый бланк для сообщения («ПОКА ВАС НЕ БЫЛО НА МЕСТЕ»), изложив цель Его звонка. Вы перезвонили? Или решили, что это можно отложить до завтра? Подсчитайте, насколько больше денег вы получили бы, если бы перезвонили Ему сразу.

Теперь спросите себя, сколько денег вы *потеряли*, отвечая на звонки Сатаны. Подумайте о том, насколько богаче вы были бы сейчас, если бы «заблокировали» его звонки или попросту сказали ему: «Я вам перезвоню. Мы вместе пообедаем».

Ну, и каковы результаты ваших вычислений? Вы потеряли кучу денег, да? Если у нас на земле время — деньги, вообразите, какова его цена на небесах! Подсказка: если вы и *это* захотите подсчитать, вам понадобится довольно большой калькулятор!

Не отчаивайтесь. В конце концов, вы же купили эту книгу, не правда ли? Разве вы не начинаете понимать, что перезванивать Ему нужно не мешкая?

Молитва блудного абонента

О Господь, Создатель небес и кабелей, опутывающих землю,
Творец телефонной связи, дай мне возможность всегда быть у
аппарата,

дабы отвечать на Твои звонки, а если я вдруг отлучусь,
дай мне достаточно благоразумия, чтобы тотчас же Тебе
перезвонить.

При этом сделай так, чтобы я никогда не болтал с Тобой о
пустяках.

Научи меня устанавливать очередность всех моих телефонных
разговоров,

деловых и личных, дабы за день я успевал позвонить всем, с кем
нужно срочно связаться.

И да будет номер Твоего личного телефона навсегда сохранен в
памяти моего блока ускоренного набора!

Глава вторая

Только первым классом...

Необычный отпор...

Второй звонок от Брокера нашего

В течение недели Аббат пребывал в уединении, изучая собрание сочинений Дипака Чопры. Несмотря на это странное обстоятельство, в остальных помещениях монастыря царило радостное настроение. Впервые за целую вечность у Каны появились деньги в банке. В перерыве между григорианскими песнопениями брат Боб шепотом спросил у меня:

— Как Аббат распорядится такой кучей денег?

Мне и самому было интересно. Для небольшой группы монахов, живущих на льготные продуктовые талоны, двадцать семь тысяч долларов — целое состояние, но для винодельни, все оборудование которой крайне нуждается в усовершенствовании, это жалкие гроши.

Наконец Аббат вышел к нам. Он выглядел отдохнувшим и производил впечатление трезво мыслящего человека, однако в его облике появилось нечто новое. Всем своим видом он стал излучать уверенность.

Если раньше он поистине стоически мирился с возникавшими проблемами — пока эти проблемы не выбивали его из колеи, — то теперь казался исполненным решимости не пасовать перед превратностями судьбы. Кроме того, он начал крепко нас обнимать, что слегка выводило из равновесия брата Боба.

За первым ужином после своего возвращения к нам Аббат быстро поел и перешел к аналою, чтобы, как было заведено, почитать нам вслух. Мне не терпелось услышать новые главы из книги, которую он читал нам до своего отрыва от действительности — из замечательной биографии святого Фомы Аквинского «Молчаливый увалень», написанной Г. К. Честертоном.

— Святой Фома учит нас: «Вера имеет отношение к вещам незримым и к упованию на вещи недоступные». — Аббат умолк, погрузившись в свои мысли. — «К упованию на вещи недоступные». Как выяснилось на прошлой неделе, это чистая правда. Мы должны надеяться, что обретем желаемое, где бы оно ни находилось.

При этих словах у меня чуть кусок в горле не застрял.

Загадочно улыбаясь, Аббат сунул руку под рясу и достал обугленную книжку:

— Сравним блестящие мысли святого Фомы о надежде с таковыми, принадлежащими доктору Чопре. Послушайте, что он говорит о вещах, которые пока недоступны, но в конечном счете достижимы.

Брат Боб бросил быстрый взгляд на меня. Он тоже перестал жевать свою тушенку. Аббат начал читать:

«Буква "Л" символизирует лучшее и самое лучшее. Развитие предполагает непрерывное улучшение во всех отношениях, а в конечном счете получение всего самого лучшего. Люди, наделенные сознанием богатства, соглашаются только на самое лучшее. Это также называется принципом лучшего места в первом классе. Путешествуйте только первым классом, и в ответ на это космос даст вам все самое лучшее»¹⁰.

Дочитав этот отрывок, Аббат перевел взгляд на монахов. Теперь уже все перестали есть.

— Так давайте же помнить эти слова, исполняя свои повседневные обязанности.

Когда мы выходили, брат Боб шепнул мне:

— Ну что ж, вот вам и развитие учения о морали — от Фомы Аквинского до Дипака Чопры.

На следующее утро Аббат вызвал меня к себе. Я исполнял свои обязанности в винодельне — пытался извлечь из чанов скопившиеся там посторонние примеси. Аббат сидел за своим рабочим столом, заваленным всякой всячиной: там стояли бутылки чилийского каберне-совиньона и банка салатной приправы «Секрет Ньюмана», лежали несколько номеров журнала «Уайн спектейтор» и новые книги Дипака Чопры и других специалистов в области самосовершенствования.

— Вы хотели видеть меня, святой отец?

— А, брат Зап! — Он встал, вышел из-за стола и крепко обнял меня. — Ну, как дела?

— Мы очень много работаем, ведь до приезда дядюшки Лео на дегустацию нужно сделать новую партию вина хотя бы годной для питья. Но из-за этих ржавых чанов по-прежнему кажется, будто в вине содержатся какие-то бурые водоросли. Возможно, мы могли бы

---

¹⁰ «Накопить и жить в достатке» (1993), стр. 28

истратить часть этих двадцати семи тысяч на...

— Забудьте об этих чанах, — весело сказал Аббат. — Сделать «Кану» годной для питья сейчас даже Господу нашему не по силам. Все это время мы совершали одну и ту же ошибку, брат. К чему пытаться сделать отвратное вино чуть менее отвратным? Истинное развитие предполагает стремление к самому лучшему. — Он постучал ладонью по книжке Чопры. — К первоклассному! К лучшему месту в первом классе!

— Какого рода развитие вы имеете в виду? — спросил я. — Всемогущий Бог создал небеса и землю за семь дней, но... — я смахнул со своего фартука какую-то мерзкую корку, -...в Своей работе Ему не приходилось пользоваться этими чанами.

Аббат протянул мне рюмку красного вина:

— Выскажите свое мнение вот об этом, только откровенно.

Я принял. Запах был обескураживающе хорош.

— Восхитительно, — сказал я. — Но пробовать лучше не буду. Еще, чего доброго, понравится. Явно не из нашего виноградника.

— Долина Майпо, — сказал Аббат. — Дивный чилийский край. Солнце, плодородная почва, великолепный дренаж. Гораздо больше подходит для виноградарства, чем север штата Нью-Йорк. Просто поля возможностей, брат!

— Я не совсем понимаю. Вы что, предлагаете переместить Кану в долину Майпо? На двадцать семь тысяч долларов?

— Нет, — с лукавым видом сказал Аббат. — Мы перенесем долину Майпо в Кану.

Он протянул мне листок бумаги. На первый взгляд мне показалось, что это копия страницы из старой иллюминированной рукописи. Это было великолепное произведение искусства, выполненное лично братом нашим Алджерноном в ярких цветах золота и бургундского, с изображением старинного каменного здания, неясно вырисовывающегося над виноградником, где ухаживают за лозой упитанные фигуры в рясах. В верхнем углу была изображена чья-то веселая физиономия, показавшаяся мне знакомой.

— Бахус? — спросил я.

— Прочтите этикетку, брат.

Я разобрал надпись, сделанную средневековым каллиграфическим почерком, рядом с физиономией:

СЕКРЕТ АББАТА

Отборное марочное каберне-совиньон из монастыря Каны

— А, так это вы, отец настоятель! Сходство довольно большое. — Я уставился на снабженные бойницами каменные стены на этикетке. — Но я не узнаю монастырь. Насколько мне известно, Кана была построена не в четырнадцатом веке. Да и крепостного рва я что-то ни разу здесь не замечал.

— Частности, — сказал он тоном, не допускающим возражений.

— В частностях пребывает Бог, как сказал Мис ван дер Роэ, — попытался было возразить я.

— О частностях позаботится космос, как сказал Дипак Чопра. Всю минувшую неделю я изучал его труды и теперь ясно представляю себе, что надо делать. Как глупо с моей стороны посылать вас в город за парой ящиков чилийского вина! Какое пренебрежительное отношение к практическому опыту, приобретенному вами на Уолл-стрит! Что нам нужно здесь, так это торговый оборот!

Аббат вручил мне билет на самолет:

— На сей раз вы и вправду отправляетесь туда, где находится вино.

Женщина за стойкой авиакомпании «Лан-Чили» подняла голову и взглянула на меня с удивлением, а может, и с чем-то еще — с некоторым презрением? Лишь после того, как она вернула мне посадочный талон, до меня дошло, что Аббат купил билет до Сантьяго в салон первого класса.

— Наверняка это какая-то ошибка, — сказал я. — Орден никогда не стал бы покупать

билет в первый класс.

— Нет, — сказала она, быстро постучав по клавишам перед экраном компьютера, — оплата произведена по полному тарифу — пять тысяч пятьсот восемьдесят долларов.

— Но этого просто не может... — пробормотал я, пораженный ужасом. И тут мне вдруг вспомнились слова из книжки Дипака Чопры: «Путешествуйте только первым классом, и в ответ на это космос даст вам все самое лучшее».

Отлично, подумал я. Ближайшие восемь часов мне предстоит сидеть в салоне первого класса и объяснять всем и каждому, что обет послушания важнее обета нищеты. И все по милости Аббата!

Я крадучись направился в зал ожидания для пассажиров первого класса. Как ни странно, я оказался там единственным монахом. Чтобы не привлекать внимания, я углубился в чтение своего требника. В тот час уставным текстом был отрывок из второй главы «Песни песней»:

«Что яблоня между лесными деревьями, то возлюбленный мой между юношами. В тени ее люблю я сидеть, и плоды ее сладки для гортани моей. Он ввел меня в дом пира, и зная его надо мною — любовь. Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками...»

Читая именно эти слова, я невольно услышал, как у меня за спиной один коммерсант говорит своему попутчику:

— Сегодня я выбросил на биржу все свои акции «Яблока».

— А я думал, акции компьютерных компаний нынче в цене, — сказал его собеседник.

— Только не «Эппла». Завтра появится их квартальный отчет. На Уолл-стрит все убеждены, что это будет настоящая Хиросима. Цены сбивают так, что компанию, того и гляди, объявят банкротом.

Я перечитал текст: «*Освежите меня яблоками...*» Для меня это звучало, как совет «покупать». Господь склонен верить в квартальный отчет компании «Эппл компьютерс» в большей степени, чем этот малый.

Я бросился к ближайшему телефону, позвонил в Кану и сказал Аббату, что, по моему мнению, Брокер наш играет на повышение акций «Эппла».

— Возможно, Он хочет, чтобы мы вложили свои двадцать семь тысяч в акции «Эппла», заключив сделки с премиями.

— Возьмите книжку, — спокойно сказал Аббат, — и найдите тридцать седьмую страницу.

Я покорно раскрыл свой требник. Всю тридцать седьмую страницу занимали подробные инструкции святого Тада по умерщвлению плоти.

— Ну вот, я на тридцать седьмой странице. Святой Тад о купании в ледяной воде? О хождении босиком по раскаленным углям?

— Не эту книжку. Ту, что я дал вам вместе с билетом.

Я покорно достал «Накопить и жить в достатке», открыл тридцать седьмую страницу и шепотом, чтобы никто не услышал, прочел в трубку:

«Буква "Ц" символизирует цель и целеустремленность. Они необходимы для принятия твердых решений, от которых невозможно отказаться».

— Садитесь на этот самолет, — сказал Аббат. — И забудьте о яблоках. От яблок одни неприятности. «Не ешьте их и не прикасайтесь к ним». Бытие, глава третья, стих третий. Всего хорошего, брат Зап!

Я вернулся на свое место. Несколько минут спустя по радио объявили:

«К сожалению, должны сообщить нашим пассажирам первого класса, вылетающим рейсом сороковым в четыре тридцать, что вылет задерживается по техническим причинам. На данный момент предполагаемое новое время вылета... двенадцать часов».

Сидевший позади меня коммерсант, который выбросил на биржу все свои акции «Яблока», вскочил и исчез. Спустя минуту стало слышно, как он читает обслуживающему персоналу зала ожидания нотацию по поводу недостатков чилийской технологии и характера

чилийцев:

— Если mañana к десяти утра я не буду в гостинице «Сантьяго Хилтон», я потеряю больше денег, чем вы за всю жизнь заработаете, и тогда подам в суд и на компанию «Лан-Чили» и на вас лично. COMPRENDE, SENORITA?

Вернувшись, он пинком опрокинул низкий столик.

Пытаясь утешить его, я сказал:

— Вероятно, таким образом Бог хочет сообщить вам, что встреча в «Хилтоне» на самом деле не так уж и важна. Быть может, Он держит для вас про запас нечто еще более важное.

Не веря своим ушам, парень посмотрел на меня. Потом перевел взгляд на мою монашескую рясу.

— Отьебись, святой отец! — сказал он.

Пока необычное выражение «Отъебись, святой отец» резонировало у меня в ушах, я решил, что этот зал ожидания — не самое лучшее место, в котором можно провести ближайшие восемь часов, а потому взял такси и направился в центр города, намереваясь ненадолго заглянуть к Слаттери.

Когда машина остановилась у входа в заведение, некогда служившее мне прибежищем, я вспомнил, сколько раз приходил туда рано утром с дрожащими руками, чтобы опрокинуть первый за день стаканчик.

Слаттери был на месте. Билл тоже. Когда я вошел, все повернули головы.

— Ну, чем не Второе пришествие! — сказал Слаттери.

Я сел, заказал сельтерской и спросил у Билла, что новенького.

— Все выбрасывают на биржу акции «Яблока», — сказал он.

— Я тоже об этом слышал, — сказал я.

Мы немного поболтали о том о сем, я заказал бутерброд, а потом попросил у Слаттери разрешения оставить свой чемодан в подсобке. Когда я вошел туда, где два года назад началась моя новая жизнь, у меня возникло ощущение дежа-вю. Там по-прежнему стояли штабелями ящики «Каны 20-20».

И тут меня осенило: «Кана»... вино. Бар «У Слаттери»... дом пира... Я достал свой тревник и прочел еще раз: «Он ввел меня в дом пира... Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками...»

Я поспешно вернулся в бар и сел рядом с Биллом. Потом достал чек на двадцать тысяч долларов, подписанный кассиром банка и предназначенный для покупки чилийского вина, а также свой билет в первый класс туда и обратно стоимостью в пять тысяч пятьсот восемьдесят долларов.

— Билл, — сказал я, — мне нужны опционы «Эппла» на двадцать пять тысяч¹¹.

Билл недоверчиво посмотрел на меня. Почему это я вдруг собрался сделать ставку на то, что курс акций «Эппла» повысится, когда все на Уолл-стрит считают, что он будет стремительно падать?

— Да не нужны они тебе, — сказал он.

— Нет, нужны.

— Слушай, нам стало известно, что их завтрашний квартальный отчет будет просто ужасен. Опционы «Яблока» тебе нужны сейчас меньше всего.

«...освежите меня яблоками...» Я знал, что, хотя Господь велит мне покупать акции «Эппла», свежести они мне точно не придадут.

Я посмотрел Биллу прямо в глаза и сказал:

— Это надо сделать. Сведения из того же источника, что и конфиденциальная информация насчет требухи.

Казалось, Билл колеблется.

— Неужели этот парень знает толк не только в свиной требухе, но и в акциях компьютерных компаний?

— Этот Парень знает толк во всем на свете, — ответил я.

---

¹¹ Приобретая «опцион покупателя», вы делаете ставку на то, что курс акций повысится.

Билл наклонился поближе и шепотом спросил:

— Как ты нашел этого парня? Он живет на севере штата?

— У Него там есть дом, — сказал я.

Билл покачал головой:

— Наверно, у него много домов. Только не обижайся, но почему он обо всем сообщает тебе? Он что, какой-нибудь влиятельный католик?

— Очень влиятельный. Достаточно, к примеру, сказать, что Он взял на Себя заботу о процветании монастыря.

Я вручил ему чек на двадцать тысяч.

— Ты хочешь все двадцать тысяч вложить в опционы «Эппла»?

— Плюс вот это, — сказал я, протянув ему билет на рейс «Лан-Чили». Билл уставился на него.

— Ты что, собирался в Чили? Первым классом? — Вид у него был растерянный. — Неужто у этого парня и там есть дом?

Переночевал я в баре «У Слаттери», в своей бывшей комнате, среди ящиков «Каны» — «Подкрепите меня вином!», — а следующий день провел в церкви. В уставные часы я истово читал молитвы, с тревогой проверяя, нет ли в тексте неприятных упоминаний о гнилых фруктах. В полдень я испытал сильное искушение выйти, позвонить Биллу и расспросить его об отчете компании «Эппл», но решил отдать себя в руки Господа и положиться на Его рыночное чутье.

И все же мне не давала покоя одна мучительная мысль: верно ли я истолковал Его сообщение?

В четыре часа я поднялся с колен и, с некоторым трудом передвигая онемевшие ноги, вышел на улицу. Как контрастировала Уолл-стрит с умиротворяющей атмосферой церкви! Дойдя до ближайшего телефона, я набрал номер Билла. Его секретарша сказала, что он на совещании, но когда я назвал себя, она воскликнула:

— О, брат Зап, не вешайте, пожалуйста, трубку, я сейчас его позову!

У меня сосало под ложечкой. Прежде чем Билл взял трубку, прошла целая вечность.

— Боже правый, — сказал он, — кто же такой этот парень?! Квартальный отчет как громом всех поразил! Компания сократила свои убытки, доходы стабильны. Курс акций подскочил на шесть пунктов. В настоящее время твои опционы оцениваются в... — я услышал, как он стучит по клавиатуре компьютера, -...четырееста шестьдесят две тысячи долларов.

Я позвонил Аббату.

— Вы еще в Нью-Йорке? — спросил он.

— Да, — сказал я, — но, думаю, вы меня простите. У нас на счете стало чуть больше денег — если точнее, четырееста шестьдесят две римских цифры «М».

Аббат закричал от радости:

— Мы купили билет в первый класс, и космос дал нам все самое лучшее!

Я решил пока не рассказывать ему о подлинном источнике этой конфиденциальной информации. В тот момент спорить с ним не было никакого смысла. Он был слишком взволнован, и, кроме того, даже мне пришлось признать, что Богу, по-видимому, было угодно, чтобы я оказался в зале ожидания для пассажиров первого класса. Я усвоил Второй закон духовно-финансового роста:

II. БОГ ЛЮБИТ БЕДНЯКОВ, НО ЭТО НЕ ЗНАЧИТ, ЧТО ОН ВЕЛИТ ВАМ ЛЕТАТЬ ВТОРЫМ КЛАССОМ.

Рыночная медитация вторая

Занимал ли я хоть раз в жизни место, где можно «вытянуть ноги»?

Пытался ли я просить Бога перевести меня в салон первого класса?

В первом нет мест? А как насчет бизнес-класса? В бизнес-классе тоже нет мест?

Может, Бог не очень хочет, чтобы я летел этим рейсом?

Можно ли слова «пункт назначения» истолковать как «предназначение»?

Не испытываю ли я трудности «по техническим причинам»?

Входит ли Бог в мою «бригаду технического обслуживания»?

Ладно, значит, ни в первом, ни в бизнес-классе, ни во втором нет мест, и к тому же возникли трудности по техническим причинам. Алло!

Неужели Бог пытается мне что-то сообщить?

(Подсказка: помните Первый закон относительно того, что надо брать трубку?)

Превосходно — вы задаете отличные вопросы. Как сказал когда-то один умный человек: «Если вылет отложен, не всегда пассажир встревожен». Вспомните хотя бы, как тот придурок в зале ожидания первого класса выбросил на биржу все свои акции «Эппла» и вышел из себя, потому что не успевал добраться до гостиницы «Сантьяго Хилтон» к десяти утра. **ВЕЛИКА ВАЖНОСТЬ!** Он разгорячился, а Зап сохранил хладнокровие — и нажил добрых пол-лимона. Если жизненный путь делается тернистым, возможно, это значит, что Бог велит вам «умерить пыл». Возьмите ручку и листок бумаги. Запишите следующий Важный вывод™, непосредственно вытекающий из Второго закона™, и положите этот листок в бумажник:

ЕСЛИ ВЫ ИДЕТЕ ПО НЕПРАВИЛЬНОМУ ПУТИ — ПОВЕРНИТЕ НАЗАД!

Молитва пассажира, испытывающего неудобства

О Господь, Верховный транспортный агент,
который указал Моисею путь через Красное море
и нашел Деве Марии и Иосифу пристанище в канун Рождества,
когда они не заказали заранее номер в гостинице,
помоги мне вознестись в неземной мир, где достаточно места для
ног,
где напитки бесплатны, а бортпроводники реагируют на нажатие
кнопки вызова.

Глава третья

Приезд Филомены...

Аббат обновляет интерьер...

Монахи снимают рекламный ролик

Мы вкусили от «Яблока», — сказал брат Боб, — и вот приехала Ева. Прошел месяц. Аббат с головой ушел в изучение трудов Дипака и поручил монахам штудировать книги всех прочих специалистов по работе над собой. Отложив мою поездку в Чили за вином, он сосредоточился на том, что назвал «изменением положения» Каны. Пора начинать «мыслить масштабно», заявил он перед отъездом в какой-то калифорнийский курортный городок, на семинар с участием самого Дипака Чопры. Я был потрясен стоимостью этого «ухода от мира», как назвал его Аббат. В буклете Чопры все это было официально названо «Путешествием в беспредельность», и смысл этого названия я понял лишь тогда, когда внимательно изучил счет к оплате: билет на самолет в салон первого (разумеется) класса, плата за курс обучения и «учебные пособия», четырехдневное пребывание в курортном пансионате «Экстраваганца» — итого восемь тысяч триста двадцать четыре доллара девятнадцать центов. Приблизительно столько же мы истратили за весь минувший год на продукты питания. Но еще больше я был потрясен, когда Аббат вернулся на роскошном длинном лимузине в обществе весьма привлекательной особы.

Звали ее Филомена. Ей было тридцать с небольшим. Огромные, красивые карие глаза, короткие, как у мальчишки, волосы и фигура, на которую людям моего призвания лучше не засматриваться. Будучи родом из Ричмонда, штат Вирджиния, она обладала не только шармом

и акцентом южанки, но и, как вскоре выяснилось, твердым характером, унаследованным от конфедератов.

Аббат познакомился с ней на семинаре Чопры. Она работала консультантом по вопросам управления в «Биллз-Бабб», международной фирме, базирующейся в Нью-Йорке. Встретив на семинаре Чопры аббата, она была заинтригована, а он был заинтригован, встретив последовательницу учения Чопры, поднаторевшую в вопросах организации сбыта. Он тут же нанял ее — предложив гонорар, сумму которого мне даже сейчас стыдно назвать, — дабы «максимизировать признание названий марок „Кана“ и „Секрет Аббата“, придавая особое значение определению потенциала экономического роста». Как я заметил, в договоре не было ни единого слова о повышении качества нашего вина.

Во время дневной трапезы Аббат официально представил ее монастырской общине. Старшие монахи, недовольные присутствием женщины, принялись было роптать. Филомена выступила с кратким и, нужно признаться, увлекательным отчетом о своем опыте работы. Она входила в группу экономических советников, которая втрое увеличила объем сбыта автомобилей «крайслер» в Японии.

— Японские агенты по продаже автомобилей «крайслер» неохотно мирились с тем, что в группе есть женщина, — заметила она, — но потом привыкли — особенно после того, как увидели, каким образом наш план организации сбыта повлиял на объем их продаж.

Я был восхищен ее ловкостью. Этими словами она тактично выразила следующую мысль: «Я знаю, то вы не привыкли к юбкам в монастыре, но дайте мне шанс». Слушая ее, Аббат одобрительно кивал.

— Если она сумела уговорить японцев ездить на американских машинах, — сказал он, — то наверняка сумеет убедить американцев в том, что «Кана» пригодна для питья.

Брат Боб поднял руку:

— Выходит, согласно плану, вино должно стать пригодным для питья?

— Безусловно, мы рассматриваем эту проблему, — сказала она.

— Правильно, — сказал Аббат, — не будем вдаваться в подробности. Послушайте, Филомена, во время трапезы кто-нибудь обычно читает нам вслух. Не хотите ли выполнить эту обязанность? Быть может, подойдет один из тех текстов, что мы изучали на семинаре? Например, «Семь духовных законов преуспевания»?

— Если не возражаете, — сдержанно сказала она, — мне бы хотелось прочесть нечто другое — отрывок из книги, которая до сих пор много для меня значит. — Она порылась в своем портфеле и достала книжку в бумажной обложке, с загнутыми уголками страниц. — Вот она. «Поющие в терновнике».

Аббат явно был поражен:

— А-а! Прекрасно! Вам нравится эта книга?

— Я прочла ее восемь раз.

— А-а!

Монахи переглянулись.

В отрывке, который выбрала Филомена, говорилось о финансовой дилемме героя, красивого священника: то ли принять чрезвычайно крупную сумму денег, завещанную ему и Церкви одной пожилой женщиной, то ли передать эти деньги ее родственникам, работающим в поте лица. Филомена прочла нам о выстраданном решении священника принять деньги. Аббат был так очарован этим нравственным уроком, что попросил ее прочесть следующий эпизод. Филомена принялась было возражать, но Аббат настаивал, и тогда мы услышали историю о том, как этот страдалец священник и одна из родственниц, лишенных наследства, красивая юная племянница по имени Мегги, отправились на прогулку верхом.

Когда стало ясно, что юная особа подвергает испытанию данный священником обет безбрачия, все почувствовали себя неловко. Медоточивый голос Филомены сделался сдавленным, когда она читала обращенные к девушке увещания священника:

«Тебе ни в коем случае не следует приобретать привычку мечтать обо мне на какой-либо романтический манер. Я никогда не смогу относиться к тебе, как настоящий супруг. В таком аспекте я о тебе даже не думаю, Мегги, ты меня

понимаешь? Говоря, что люблю тебя, я не имею в виду, что люблю тебя как мужчина. Я священник, а не мужчина».

Затем Филомена прочла о том, как священник попытался утешить девушку, обняв ее:

«Хотя он обнял ее, у него не было намерения ее поцеловать. Лицо, обращенное к нему, было почти невидимым, ибо луна зашла и стало совсем темно. Он чувствовал, как касаются его груди ее маленькие острые грудки — странное, волнующее ощущение. Но еще более странным и волнующим было то, что так легко, словно ее всю жизнь каждый день обнимали мужчины, она обвила руками его шею и крепко сцепила пальцы».

Аббат негромко откашлялся и встал:

— Очень мило. Спасибо, Филомена. Ну, а теперь нам всем пора заняться делами.

Поселившись в ближайшем мотеле, Филомена ежедневно встречалась с нами, чтобы обсудить свой план организации сбыта. Наши совещания проходили в тесном, ветхом кабинете Аббата, который Филомена однажды в шутку назвала «президентскими апартаментами». На мой взгляд, это было просто брошенное вскользь остроумное замечание, но оно навело Аббата на одну мысль.

— А знаете, — сказал он мне спустя некоторое время, — Филомена права.

— В чем?

— У нас должны быть «президентские апартаменты». Взгляните на это. — Он показал на гнилую дверь, служившую ему рабочим столом, на ржавые шкафчики для хранения документов, механическую пишущую машинку, осыпающуюся штукатурку стен. — Это не первоклассная обстановка, брат Зап.

— А мне нравится, — возразил я. — Вряд ли Филомена сказала это серьезно.

— По-моему, ей хотелось бы работать в помещении более внушительных размеров.

— Я не совсем понимаю, — сказал я, осторожно подбирая слова. — Это Филомене нужен большой кабинет или большой кабинет нужен вам? А может, вам нужен большой кабинет для Филомены?

— Вы вдаетесь в подробности. — Он погрозил мне пальцем. — Разве можно достичь «Поля неограниченных возможностей», сидя в этом... чулане?

Я опасался, что Аббат готов даже пойти на некоторые ухищрения, лишь бы произвести впечатление на Филомену — времяпрепровождение, становившееся в те дни в Кане все более популярным. В последнее время монахи стали внимательнее относиться к своему внешнему виду: гладить рысы, элегантно подпоясываться синктурами. Даже у брата Джерома были правильно подобраны носки. Как-то раз, когда во время службы в церкви мы пели хором сочиненную святым Тадом хвалу страданиям, «De Doloribus Extremis»¹², брат Боб слегка подтолкнул меня локтем и показал на передний ряд монахов:

— Не замечаете изменений?

Продолжая петь стих святого Тада о том, как полезно валяться в колючих кустах куманики, я посмотрел. Чего-то явно не доставало — но чего? И тут меня осенило: характерные лысины на макушках у монахов — именуемые тонзурами — почти исчезли.

— Смотрите-ка, зачес в стиле «Кана», — прошептал брат Боб.

Когда Аббат сообщил Филомене, что хочет расширить свой кабинет, и попросил посоветовать, с чего начать, та, казалось, была озадачена. Она принялась протестовать:

— Проектирование интерьера не совсем мой профиль. Если бы вы посмотрели на мою квартиру... — она рассмеялась, — то не стали бы советоваться со мной по поводу декора.

Аббат осторожно коснулся ее руки:

— Я ценю каждый ваш совет. Благодаря вашим усилиям Кана будет переживать

---

¹² «О безмерных страданиях» (лат.)

экономический подъем. Нам с вами здесь еще долго работать. И я хочу, чтобы вы были довольны.

Филомена зарделась. Я нарушил молчание, принявшись мурлыкать мелодию «De Doloribus». Мне показалось, что Аббату не помешало бы хорошенько поваляться в колючих кустах.

— Посмотрим, возможно, я смогу вам кого-нибудь порекомендовать, — сказала Филомена.

Вот почему случилось так, что неделю спустя в нашу жизнь вошел Эллиот.

Приехал Эллиот на черном седане, с головы до ног одетый в черное, включая очки в массивной черной оправе, причем, как я заметил, лишенные стекол.

— С таким лицом, как у меня, — объяснил он, — приходится тщательно подбирать аксессуары.

Лицо показалось мне вполне нормальным, но, возможно, я пользовался более размытыми эстетическими критериями, нежели он. Незадолго до этого его компания по проектированию интерьера переехала из Сохо, той части Нижнего Манхэттена, где полным-полно художественных галерей и мастерских, в другой район Нью-Йорка. По-видимому, для Эллиота это окружение стало уже недостаточно престижным.

— Сохо, — объяснил он, — это плохо, настоящая дыра.

Теперь его компания обосновалась в бывшей скотобойне, в районе мясокомбинатов.

— Люблю необычные места, — заявил он. — Когда Филомена пригласила меня в монастырь, я сразу пообещал быть тут как тут.

Теперь, когда он был «тут как тут», его возбуждение казалось уже не таким радостным.

Кану он осмотрел молча. Потом мы перешли в кабинет Аббата выпить чаю.

— Ну что ж, — сказал Эллиот, глубоко вздохнув, — здесь есть кое-что интересное.

— Очевидно, — сказал Аббат, — мы недостаточно сосредоточивались на вопросах текущего ремонта.

— Вы занимались другими вещами, — сказал Эллиот, внимательно разглядывая потрескавшийся линолеумный пол.

— Раньше пол был мраморный, — сказал Аббат.

— Люблю старый линолеум, — сказал Эллиот. — Но в работе его не использую.

После этих слов на минуту воцарилось молчание. Потом Аббат сказал:

— Понятно.

— Отлично, — сказал Эллиот, поставив свою чашку на картонную коробку, служившую нам столиком. — Начнем с хорошей новости. — Он выглянул в окно. — Здесь много места для расширения. У меня есть клиенты, которые ради такого пространства и на убийство пошли бы. Стены можно снести — наверно, отбойным молотком. Много места для... а о чем идет речь? Начнем с главного — приемная, кабинет. Конференц-зал. Зал с экраном — для совещаний. Атриум? Можно сделать и атриум. При таком освещении без атриума не обойтись. Ничто так не успокаивает, как фонтан. Может, фонтан лучше всего соорудить в молельне или где вы там молитесь? В общем, — сказал он, не дожидаясь ответа, — в молельне это было бы довольно интересно.

— Думаю, Аббат имел в виду нечто менее масштабное, — отважился вставить я.

— Минутку, — сказал Эллиот. — По-моему, мы что-то забыли.

— Да, — сказал я, — стоимость.

— Винный погреб! Вы ведь вино производите, да? Именно этим здесь все занимаются... то есть, очевидно, не только этим. Но это ваше... основное занятие. Так о чем это я? Ах да... как там в Библии сказано?... Не прячут фонарь под спудом.

— Под сосудом, — сказал я. — Не ставят свечу под сосудом.

— Брат, прошу вас! — сказал Аббат. Он обратился к Эллиоту: — Какого рода общую... атмосферу вы намерены создать?

— Уютной простоты и аскетизма, — сказал Эллиот. — Все должно свидетельствовать о «нищете», но не о «дешевизне».

О «дешевизне» явно ничто не свидетельствовало. Присланная смета на Аббатовы

президентские апартаменты — а скорее уже на целый президентский комплекс — составляла 1,3 миллиона долларов.

Я указал на то, что такой суммы у нас нет. Меня сурово осудили за неумение мыслить масштабно и обязали найти деньги, где бы они ни находились.

Аббат показал мне книгу Дипака Чопры «Семь духовных законов преуспевания», подчеркнув особую важность Четвертого — «Закона наименьшего усилия»: «В конце концов вы достигаете такого положения, когда добиваетесь всего, ничего не делая».

Поскольку это потрясающее откровение оставило меня равнодушным, Аббат достал и другие книжки: «Семь привычек людей, умеющих добиваться успеха» Стивена Кови и «Пробуди титана в душе» Энтони Роббинса.

— Возможно, вам будет небезынтересно узнать, брат, что президент Соединенных Штатов недавно¹³ пригласил обоих этих джентльменов в Кемп-Дэвид выступить перед высокопоставленными сотрудниками Белого дома с речью о том, как надо руководить правительством, — сказал Аббат.

Поскольку я продолжал стоять на своем, он вручил мне «Силу позитивного мышления» Нормана Винсента Пила.

— Быть может, эта книжка не вызовет у вас такого раздражения, — сказал он. — Это одно из самых популярных учебных пособий. Разошлось уже более пяти миллионов экземпляров.

Я взял книжку с собой в келью и попытался прочесть. Там была вдохновляющая история о ходившей из дома в дом продавщице, которая сказала себе: «Если Бог будет на моей стороне, я знаю, что с Божьей помощью смогу продавать пылесосы». На этом я и прекратил чтение, решив оставаться верным нашему требнику.

Получив от Брокера нашего новые конфиденциальные сведения о положении дел на бирже, я постепенно сумел увеличить наш портфель акций. Я звонил Биллу на Уоллстрит и разговаривал с ним целыми часами. Наш банковский счет он стал называть Канским фондом страхования от потерь.

Филомена наконец разработала свой грандиозный план организации сбыта. В основном он был рассчитан на «признание названия марки „Кана“». Она предложила снять телевизионный рекламный ролик с участием самих монахов.

— Зрители хорошо реагирует на достоверность, — объяснила она, пытаясь перекричать шум бульдозеров, которые рыли котлован под фундамент Аббатова винного погреба. — Они любят «правдивость», а кто может быть правдивее монахов?

Филомена наняла режиссера по фамилии Brent. Brent приехал в куртке с множеством карманов на молнии и привез с собой молодую ассистентку.

— Сам-то я, строго говоря, неверующий, — сказал он, вместо того чтобы представиться, — но к тому, чем вы тут занимаетесь, отношусь с уважением.

Дабы мы почувствовали себя еще спокойнее, он сказал, что ему очень нравится «Имя Розы».

Brent получил премию «Кли» — «Оскар» в области телерекламы — за имевшую успех рекламу средств для ухода за газонами, в которой фигурировал носорог. Поначалу его немного раздражало то, что мы не видели этот ролик, но потом Филомена объяснила, что в Кане нет телевизора.

— Нет телевизора?! — воскликнул он. — Это ужасно!

Из Нью-Йорка приехала съемочная группа. Филомена с Brentом пригласили монахов на кинопробы. Некоторые сомневались в том, что им следует играть главные роли в фильме, уже получившем в калефактории название «Имя Розы». Вряд ли помогали обрести уверенность и вопросы, которые Brent задавал монахам, когда те сидели перед ним, изнемогая от жары и щурясь от яркого света: «Расскажите немного о себе. Почему вы все-таки стали монахом? Может, перенесли в юности какую-нибудь травму?» Не помогло и то, что через несколько дней, в разгар этой изнурительной процедуры, молодая привлекательная ассистентка привезла из Нью-Йорка монашеские рясы, точь-в-точь похожие на те, которые носили актеры в «Имени

---

¹³ 30 декабря 1994 года.

Розы».

— Что же, строго говоря, — резко спросил я Брента, — плохого в наших рясах?

— Они мне не подходят, — сказал он.

— Сожалею, что вы их не одобряете, — сказал я, — но нашему ордену эти рясы «подходят» с тысяча сто девяносто третьего года.

— Ну ладно! — сказал Brent своей группе тоном усталого, терпеливого режиссера, столкнувшегося лицом к лицу с примадонной. — Перерыв пятнадцать минут!

Стуча каблуками кожаных ботинок, он вышел покурить вместе со своей ассистенткой.

Филомена, словно продавщица в магазине готового платья, приложила ко мне одну из ряс:

— Она вам к лицу.

— Помните, вы сказали, что зрители хорошо реагируют на достоверность. Что же «достоверного» в этих голливудских костюмах?

— Зрители будут просто реагировать на иную реальность. На реальность, показанную в фильме.

— Бросьте!

— Сами подумайте, многие ли в Америке хоть раз видели монаха? Монахи не из тех, на кого можно запросто наткнуться на прогулке в парке. — Она положила руку мне на плечо. — Может, вы успокоитесь, если вспомните, что Брента считают Сиднеем Поллаком¹⁴ тридцатисекундной рекламы?

Я признался, что думаю не о Бренте. Уже очень давно ко мне не прикасалась ни одна женщина. Филомена смотрела на меня кокетливо. Не сказал бы, что непристойно — нет, она была не из таких женщин. Она просто старалась угодить мне и помочь режиссеру закончить работу, и все же в ее взгляде мне почудилось нечто особенное. В конце концов, это была женщина, которая восемь раз прочла «Поющих в терновнике».

— Очень хорошо, — пробормотал я. Предоставив ей и Бренту заниматься кинопробами, я удалился, чтобы прочесть размышления святого Тада об очищении души при помощи купания в студеных реках Каппадокии.

Несколько дней спустя Филомена с Брентом приступили к съемкам своего рекламного ролика. Меня не удивило то, что Аббат ухитрился заполучить главную роль. Brent заявил, что он «излучает властность», но в то же время «остаётся доступным» (что бы это ни значило). Роль второго плана досталась нашему свиноводу, брату Джерому, обладающему качеством, которое Brent охарактеризовал как «бесхитрость».

— Мотор! — скомандовал Brent.

Брат Джером, стоя по колени в огромном чане, давил виноград, а Аббат стоял неподалеку и что-то записывал в книгу гусиным пером. Из портативного магнитофона рядом с чаном звучало григорианское песнопение.

Аббат вышел из комнаты. Брат Джером нажал кнопку магнитофона, и оттуда полилась песня «Остаться в живых» группы «Би Джиз». Замысел состоял в следующем: брат Джером начинает отплясывать в чане «диско», подняв руку а-ля Джон Траволта. Перед самым возвращением Аббата с новым гусиным пером он опять нажимает кнопку. Звучит «Храни Господь королеву», и он вновь принимается с серьезным видом давить виноград.

Голос диктора: «"Кана", каберне на любой вкус».

Потом Аббат говорит: «Коль мы подали вино, то божественно оно».

По моему мнению — которого, впрочем, никто не спрашивал, — в этом ролике мог бы сняться и носорог.

Съемка протекала неважно. Брат Джером то и дело отплясывал «диско» под церковное песнопение, а под музыку диско с серьезным видом давил виноград. Потом он по собственной инициативе — несмотря на требования Брента прекратить самодеятельность — принялся подпевать «Би Джиз». На «Остаться в живых» его фальцет в духе «Би Джиз» звучал довольно неприятно, но когда он заголосил под песнопение тринадцатого века «Храни Господь

---

¹⁴ Постановщик фильмов «Из Африки», «Тутси» и др.

королеву», стал и вовсе невыносимым.

— Стоп! — скомандовал Brent. В течение четырех съемочных дней это слово мы слышали часто. Однажды было снято сто двадцать шесть дублей.

Аббат так разволновался, что начал безбожно перевернуть свой текст:

— Коль мы выпили вино...

— Стоп!

— Коль свинья не пьет давно...

— Стоп!

Brent то и дело подходил к Филомене и помощникам, толпившимся у видеомонитора, и хмурился — а я, как монастырский казначей, понимал, что это обходится недешево.

Люди уже переставали владеть собой. Аббат с отвращением швырял на пол гусиные перья. Филомена с Brentом громко спорили. Лишь брат Джером, по двенадцать часов в день стоявший по колено в виноградной жиже, оставался невозмутимым.

Да и мое терпение было на исходе. Я приехал в Кану с намерением удрать от окружающего мира, а тут окружающий мир сам заявился в Кану, да еще и с криками «Черт подери!». Когда Brent в очередной раз чертыхнулся, я не выдержал и ринулся в атаку.

— Стоп! — вскричал я.

Все повернули головы. Казалось, Brent потрясен тем, что я присвоил себе его роль. Я размашистым шагом вышел на середину съемочной площадки.

— Послушайте! — строго сказал я перепуганной группе. — Подобные выражения здесь неуместны. Это вам не Голливуд. Это монастырь, названный в честь первого чуда Господа нашего на земле.

— Ну, тогда извините, — сказал Brent. — Я и понятия не имел. Это что, тот случай, когда он ходил по воде? Может, продемонстрируете нам это чудо? У вас же тут имеется озеро. Может, прогуляетесь по нему?

— В Библии вы разбираетесь не лучше носорога, — ответил я. — К вашему сведению, чудо в Кане не имеет никакого отношения к хождению по воде. Позвольте мне вас просветить.

Я раскрыл свой требник и прочел:

«На третий день был брак в Кане Галилейской, и Мать Иисуса была там. Был также зван Иисус и ученики его на брак.

И как не доставало вина, то Мать Иисуса говорит Ему: вина нет у них.

Было же тут шесть каменных водоносов... вмещавших по две или по три меры.

Иисус говорит им: наполните сосуды водою. И наполнили их до верха.

И говорит им: теперь почерпните и несите к распорядителю пира. И понесли.

Когда же распорядитель отведал воды, сделавшейся вином — а он не знал, откуда это вино, знали только служители, почерпавшие воду, — тогда распорядитель зовет жениха и говорит ему: всякий человек подает сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее; а ты хорошее вино сберег доселе»¹⁵.

Я поднял глаза и увидел полдюжины невыразительных лиц. Все пристально смотрели на меня. Филомена сказала:

— Выходит, наша рекламная формула должна быть такой: «"Кана" — вино, которое подают, когда гости уже слишком пьяны, чтобы уловить разницу»?

— Я бы с удовольствием пригласил его на свадьбу своей дочери, — сказал Brent, — но, откровенно говоря, мне не понятно, в чем суть. Мы же тут рекламу снимаем.

— Минутку, — сказала Филомена. — Чудо в Кане...

Два месяца спустя мы собрались в калефактории, чтобы посмотреть готовый рекламный ролик. Аббат с гордостью включил первый в монастыре видеомагнитофон, подсоединенный к новому телевизору с экраном в сто двадцать восемь дюймов. На экране появилась надпись

¹⁵ Иоанн, 2:1 — 10.

«ЧУДО В КАНЕ, 30 сек.», после чего начался отсчет продолжительности ролика.

Первые кадры представляли собой сцену современной свадьбы. В бальном зале большого особняка веселилась и танцевала толпа удивительно привлекательных, хорошо одетых людей — актеров для этого ролика Brent подбирал за пределами монастыря.

К хозяину, который непринужденно беседовал со своей дочерью-невестой, с мрачным видом подошел представитель фирмы, обслуживающей свадьбу, и прошептал: «В вашем погребке больше нет вина».

Невеста выглядела встревоженной. Хозяин сунул руку в карман и достал сотовый телефон. Потом набрал номер.

Действие перенеслось к фасаду старого, напоминающего крепость монастыря, прилепившегося на крутом, неровном утесе. Башенки монастыря четко вырисовывались на фоне гряды остроконечных снежных вершин. Изнутри донеслось пение монахов, прерванное телефонным звонком. «Монастырь Каны», — ответил знакомый голос.

Филомена, сидевшая среди зрителей рядом с Аббатом, слегка подтолкнула его локтем.

Внезапно дубовые двери монастыря распахнулись, и по подъемному мосту с грохотом пронесся грузовик, в кузове которого стояла огромная деревянная винная бочка с маркировкой «Кана», а по бокам, словно пожарные, уцепились за борта монахи. Машина помчалась вниз по извилистой горной дороге.

Грузовик с визгом затормозил у входа в особняк, где уже ждала обеспокоенная прислуга. Шестеро монахов подняли бочку, вытащили ее из кузова и быстро понесли в дом.

Аббат стукнул по бочке деревянным молотком, и оттуда хлынуло вино. Появились официанты с подносами, уставленными полными бокалами.

Представитель фирмы, обслуживающей свадьбу, с наслаждением пригубил вино и похлопал хозяина по спине: «Ах вы, хитрец! Приберегли самое лучшее напоследок!»

Хозяин просиял, посмотрел в сторону и подмигнул.

Аббат, стоявший возле бочки, подмигнул в ответ и повернулся лицом к камере. Подняв бокал за здоровье зрителя, он весело сказал: «Нет, самое лучшее мы приберегли для... тебя!»

Камера постепенно приблизилась вплотную к бокалу, и на экране появилась надпись «1-800-ПЕЙ-КАНУ». Раздался голос Аббата, который произнес нараспев: «Новое чудо в Кане!»

После того как экран погас, мы несколько секунд сидели молча. Потом Аббат встал и принялся аплодировать. К нему присоединились многие монахи. Некоторые из старших монахов склонили головы и перекрестились. Я услышал, как один у меня за спиной бормочет:

— Прости их, Господи, ибо не ведают, что творят.

Не сумев сдержать своих чувств, я тоже зааплодировал. Я достаточно хорошо был знаком с деятельностью рекламщиков с Медисон-авеню, чтобы по достоинству оценить отлично выполненную работу. Да, тактика Филомены вызывала у меня раздражение, однако я не мог не восхищаться ее дарованиями — сообразительностью, гибким умом. А какими грациозными были ее движения, когда, уступив настойчивому требованию Аббата, она раскланивалась в ответ на аплодисменты! Когда же Аббат принялся хвалить ее как «первоклассную жницу в поле неограниченных возможностей», она вежливо перебила его:

— Я не заслужила такой похвалы. Идею подал брат Зап.

Вид у Аббата был недовольный. Я не мог понять почему — не ревновал же он ко мне? Его досада не осталась без внимания Филомены.

— Но в основном, — сказала она, — идея принадлежит вам, отец настоятель.

Лицо Аббата озарилось улыбкой. К моему великому удивлению, теперь был раздосадован я. Я знал, что только тщеславный человек может напрашиваться на похвалы за поданную идею, знал и то, что глупо завидовать Аббату, если его хвалит Филомена, и все же мне было неприятно смотреть, как она с ним нежничает. Что их могло связывать?

После просмотра, пока монахи упорно пытались научиться пользоваться пультом дистанционного управления, подошел Brent и неожиданно заключил меня в объятия.

— Вы с этой вашей книжечкой, по существу, всех нас спасли. Благодаря вам мы поднялись на совершенно новую ступень, старина... брат.

— Спасибо, Brent, — сказал я. Он говорил искренне. Я попытался придумать ответный комплимент. — Эти ваши ряссы... они неплохо смотрятся. Мне они подходят.

Брент пошел обнимать кого-то еще. Я увидел, что Филомена с Аббатом оживленно беседуют в углу. Аббат наклонился к ней так близко, словно хотел сообщить что-то по секрету. Внезапно мне в голову пришла мысль о том, что в канонических книгах Чопры почти ничего не сказано о безбрачии. Едва ли я имел право оставлять Аббата одного в ситуации, чреватой совершением греха. Я подошел к ним и сердечно поздравил обоих с окончанием работы над рекламным роликом.

Филомена улыбнулась. Аббат, по-видимому, был не в восторге от того, что я пришел ему на выручку. Я упорно продолжал, стараясь быть как можно тактичнее:

— Ролик сделан блестяще. Башенки и горы смотрятся великолепно.

— Брент умело использовал спецэффекты и компьютерную графику, — сказала Филомена.

— Люди наверняка подумают, что это Кана, — сказал я. — Как по-вашему, они не будут разочарованы, когда выяснят, что наш монастырь расположен... строго говоря... не в Альпах?

— Ну...

— Но это далеко не самое главное. Есть и более интересный вопрос. Как они будут реагировать, когда выяснят, что у нас... строго говоря... нет вина? То есть вина, пригодного для питья. Такого, к примеру, которое вы стали бы подавать на свадьбе.

Аббат вздохнул:

— Где бы ни собирались ограниченные умы, брат Зап, вам там место найдется.

Он повернулся к Филомене:

— Пойду-ка я к себе в кабинет, надо проанализировать медийную сделку. Не могли бы вы зайти ко мне через несколько минут?

Когда Аббат ушел, я спросил у Филомены, давно ли он стал употреблять выражение «медийная сделка».

— О, ему страшно нравится вся эта терминология! — сказала она. — По правде говоря, сделка будет отнюдь не крупная — у нас осталось всего двести тысяч. Будет нелегко добиться эффекта. Лучше всего, наверно, приобрести дешевое эфирное время в передачах религиозного кабельного канала.

— Значит, вы не собираетесь размещать рекламу во время демонстрации «Звуков музыки»? — спросил я, старательно придавая своему голосу язвительные нотки.

— Как же я об этом не подумала! Ведь фильм показывают в самое подходящее время! — сказала она, схватив меня за руки и крепко сжав их.

— Филомена... — Я предпринял еще одну попытку. — Как мы сможем продавать то, чего у нас нет? Все наши деньги мы тратим на рекламу. А как же вино? Откуда вино-то возьмется?

— Зап, — сказала она, — успокойтесь. Будет у нас вино. Вино — не проблема. Весь мир залит вином. Главное — не утратить веру. Вы же сами прочли нам о том, что произошло в Кане. Помните жениха? Разве жених отменил свадебный пир только потому, что у него не было вина? Разве он сказал гостям: «Короче, подойдите-ка все ко мне, хочу сообщить вам, что у меня возникли проблемы с запасами»? Нет, ему помогла вера в то, что все утрясется.

— Нет, — сказал я, — ему помог Иисус, которого пригласили на свадьбу.

— Вот именно! Иисуса потихоньку проинформировали о наличии проблемы. Все было проделано с величайшей осторожностью, гости остались довольны, все утряслось.

— Вы меня не так поняли. — Я вздохнул. — Неужели вы предлагаете выпустить этот ролик в эфир, взять у людей деньги, а потом рассчитывать на то, что обо всем остальном позаботится Иисус? А когда покупатели позвонят, чтобы предъявить претензии, они услышат объявление, записанное на автоответчик: «За информацией относительно состояния запасов вашего вина просим обращаться непосредственно к Иисусу... и не забудьте указать свой восьмизначный порядковый номер! Всего хорошего и будьте здоровы!»

— Я всего лишь предлагаю сперва позаботиться о продаже, а уж потом — о поставке. А пока будем надеяться, что, когда понадобится, Бог даст нам вина.

Филомена устремила на меня взгляд своих карих глаз. Спорить с ней я был не в состоянии. Так или иначе, в тот миг ее истолкование истории из моего требника казалось вполне разумным. Она открыла мне Третий закон духовно-финансового роста:

III . ПОСКОЛЬКУ БОГ ЗНАЕТ ПРАВДУ, НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ, ЧТО ВЫ

ГОВОРИТЕ СВОИМ КЛИЕНТАМ.**Рыночная медитация третья**

И все-таки, кто важнее — Бог или мои клиенты?

Получал ли я когда-нибудь прибыль благодаря тому, что лгал покупателю? (Сейчас врать не надо!)

Знал ли Бог, что я лгу?

Приостановил ли Он торговлю?

Неужели Бог тоже занимается коммерцией?

Вхожу ли я в число Божьих торговых агентов?

И, наконец, чего Бог требует от меня — чтобы я (а) говорил правду или (б) помогал группе выполнять плановое задание по реализации продукции?

Судя по вашим вопросам, вы и вправду начинаете «улавливать» значение Каны. А теперь, чтобы еще лучше во всем разобраться, возьмите свой калькулятор и листок бумаги. Рассмотрим следующие вопросы: Какое вино подавали в Кане? Белое или красное? Если в тридцатом году нашей эры мера неплохого вина — такого, которое вы стали бы подавать на свадьбе своей дочери, — стоила 0,42 сребреника, сколько денег — в нынешних долларах — сэкономил жених, пригласив на свадьбу Иисуса? (Не забудьте учесть затраты на то, чтобы накормить апостолов!) Вопрос на засыпку: что такое мера?

Как по-вашему, часто ли стали приглашать Иисуса на свадьбы после чуда в Кане?

Молитва лживого торговца

Всемогущий Господь, Главный Торговый Агент Вселенной,
Мастер презентаций и распродаж,

сделай так, чтобы я перевыполнял свою норму и чтобы правда не удерживала язык мой от выполнения отведенной ему работы.

Сделай и так, чтобы покупатель узнал о моей проблеме с запасами не раньше,

чем переведет мне нужную сумму, дабы тогда, когда мы будем отмечать сделку,

мой бокал, да и Твой тоже, был до краев наполнен вином столь же крепким, бодрящим и соблазнительно недорогим,

как то, которое Ты, проявляя беспредельное радушие Свое, подавал в тот день в Кане Галилейской.

Глава четвертая

In vino veritas...

Нежданный гость...

Новая Нагорная проповедь

Филомене удалось договориться, чтобы рекламу «Каны» показали в самый подходящий момент демонстрации фильма «Звуки музыки»: сразу после сцены бракосочетания. Вместе с тридцатью миллионами других американцев мы смотрели, как Джули Эндрюз клянется в верности Кристоферу Пламмеру. Когда в кадре появились монахини, наблюдающие за церемонией из своего монастыря, зрители, сидевшие в обители святого Тада, приветствовали своих единоверок аплодисментами. Потом мы устроили овацию нашему рекламному ролику.

Почти сразу после того, как на экране мелькнула надпись «800-ПЕЙ-КАНУ», наши телефоны начали звонить, словно церковные колокола после торжественной мессы в

Пасхальное воскресенье. Филомена установила у нас многоканальный телефон и проинструктировала монахов. Десятки монахов сидели в своих кабинках, надев головные телефоны, словно телефонистки, и говорили каждому звонившему: «Да благословит вас Господь... разрешите принять ваш заказ». Аббат предложил добавлять фразу в духе Чопры: «Благодарим вас за первоклассный выбор», — но Филомена ухитрилась запретить ее на том основании, что она звучит не совсем по-монашески. Это все, что мы могли сделать для удовлетворения спроса. За несколько недель мы получили заказы на миллион бутылок вина «Кана» по восемь долларов за бутылку. Рекламный ролик покорила не только телезрителей, но и прессу. К нам стали приезжать репортеры общенациональных газет и телеканалов. Они были несколько разочарованы, когда вместо высокогорного монастыря-крепости обнаружили приземистое кирпичное строение без подъемного моста и виднеющихся в вышине снежных вершин. Устраивая им экскурсии, Аббат начал называть находящийся неподалеку холмик горой Кана. (Он забывал упомянуть о том, что на самом деле это была куча мусора. Во времена тяжелых испытаний монастырь сдал этот участок земли в аренду предприятию по удалению отходов для использования в качестве свалки.) Однако репортерам и продюсерам, проделавшим такой большой путь, не хотелось, чтобы факты становились помехой для волнующего репортажа. Их операторские группы, подходя к делу творчески, старались, чтобы Кана выглядела как можно внушительнее. Производя съемку с уровня земли, они даже ухитрились превращать холмик в высокую гору — пусть и без снежной вершины, — на которую взбирался Аббат а-ля Джули Эндрюз. Как-то раз, приведя Диану Соьер из Эй-би-си на экскурсию в винодельню, Аббат так увлекся, что предложил ей отведать вина из новой партии. Филомена мертвой хваткой вцепилась мне в руку и прошептала:

— Если Диана Соьер выплюнет наше вино на глазах у миллионов телезрителей, будет грандиозный скандал, что отнюдь не пойдет на пользу нашей репутации.

Прежде чем Аббат успел откупорить бутылку, содержимое которой отличалось характерным для «Каны» оранжевым оттенком, Филомена сделала шаг вперед.

— Послушайте, святой отец, — вкрадчиво сказала она, — помните, вы всегда говорили нам, что коль подали вино, «то божественно оно»? Быть может, лучше предложить мисс Соьер что-нибудь из аббатских секретных запасов?

— Позвольте мне! — вставил я и, ринувшись в кабинет Аббата, принялся рыться в ящиках с французским вином, которое он заказал ранее — по его словам, «для научных исследований и опытных разработок». Я схватил бутылку какого-то французского вина урожая восемьдесят второго года под названием «Шато Фижак» и быстро перелил содержимое в пустую бутылку с этикеткой «Секрет Аббата», довольно много при этом расплескав. Потом наполовину впихнул пробку в бутылку и поспешил обратно.

Мисс Соьер выпила глоток перед камерами.

— Потрясно! — воскликнула она. — Я слыхала, что качество вина в штате Нью-Йорк повышается, но понятия не имела, что настолько! Как вам это удастся?

— Нет уж, — сказал Аббат, — как бы ни любил Господь щедрых на дары, выдавать секреты Каны мы не можем. В конце концов, и Иисус на брачном пиру в Кане оставил Свой секрет при Себе, не правда ли?

Мой взгляд случайно упал на пробку, которую Аббат держал в руке. К ужасу своему, я отчетливо увидел на ней штамп с надписью «ШАТО ФИЖАК». Однако мисс Соьер закончила интервью, так ничего и не заметив, за что я молча вознес благодарственную молитву.

Потом Аббат поздравил меня с удачным вмешательством. По дороге в свой кабинет он спросил:

— Это было «Фижак», да?

Я кивнул.

— Приятное на вкус, немножко отдает ежевикой и фисташками. Дивный букет. Вероятно, урожая восемьдесят второго года.

— Я вижу, научные исследования и опытные разработки отца настоятеля приносят плоды, — сказал я. — По какой же цене продается бутылка «Шато Фижак» восемьдесят второго года?

— Дороже, чем бутылка «Каны» восемьдесят второго года, уверяю вас. К тому же его не

так-то просто достать. Правда, в Чикаго у меня есть знакомый, у которого еще осталось несколько бутылок меньше чем по две сотни за штуку. У него даже есть немного вина шестьдесят первого года.

В кабинете Аббат увидел на линолеумном полу лужицу пролитого «Фижака» и нахмурился:

— Вот это я и называю грехом.

Он налил остаток вина из бутылки в бокал и протянул его Филомене.

— Восхитительно! — сказала она. — Вы бесподобно сыграли роль официанта, ведающего винами, брат Зап.

— Благодарю, — ответил я, — но вряд ли подобная долгосрочная стратегия окажется эффективной. Мы получили заказы на миллион бутылок. Если мы и впредь будем разливать вино стоимостью в двести долларов по бутылкам, которые продаем по восемь зеленых... — я потянулся за Аббатовым калькулятором, — то наша чистая прибыль составит... минус сто девяносто два миллиона долларов. Конечно, только у вас есть степень магистра в области управления частными компаниями, но такой план торговых операций не кажется мне блестящим.

Аббат явно ужаснулся:

— Отдавать мой «Фижак» людям, которые покупают вино по восемь долларов? Numquam!¹⁶

— Ни в коем случае! — Филомена застенчиво улыбнулась Аббату. — Самое лучшее вы бережете для себя!

Оба захихикали так, что это вызвало у меня раздражение.

— Что же в таком случае, — спросил я, — мы планируем подавать гостям на свадьбе?

— Чилийское вино, — сказал Аббат. — То вино, за которым вы собирались лететь, когда брат Дипак изменил ваш маршрут.

Опять он за свое!

— Вы хотите сказать, когда Брокер Наш Небесный передал информацию относительно компании «Эппл»?

И тут, стремясь предотвратить жаркий богословский спор, вмешалась Филомена.

— Нельзя торговать только чилийским вином, — сказала она. — С точки зрения потребителя, привлекательность «Каны» состоит в том, что монахи именно здесь выращивают и давят виноград, а потом разливают вино по бутылкам. Если на этикетке будет написано «Произведено в монастыре Каны», то, согласно букве закона, мы должны делать вино здесь.

— Вот именно! — сказал я. — А это значит, что нам необходимо новое оборудование для производства вина. Нашего собственного вина. Вина без ржавчины. Без оранжевого оттенка.

— Частности! — надменно произнес Аббат. — Мы будем разливать по бутылкам чилийское вино и немного своего — только совсем немного, чтобы не портить букет.

— Хорошо, но нам все равно нужно новое оборудование! — сказал я. — Мы положили на свой счет деньги, выплаченные за миллион бутылок вина. Теперь мы должны поставить миллион бутылок. Хоть чего-нибудь!

Аббат неохотно согласился выделить средства на новое оборудование для разлива вина по бутылкам, хотя он, по-видимому, уже утратил интерес к любому вину отечественного производства. В то время все его помыслы были сосредоточены на других проектах. Строительные работы в его президентских апартаментах были в самом разгаре, и теперь он, как это ни прискорбно, стремился к осуществлению еще более грандиозного плана.

После репортажей в средствах массовой информации к нам еженедельно приезжали десятки посетителей, просивших показать им винодельни и, само собой, покрытую снегом «гору Кана». Брату Джерому, недавно назначенному директором по связям с паломниками, удавалось с успехом морочить им голову. Тем временем Аббат увидел в экскурсантах новый потенциальный источник дохода. Они с Эллиотом строили планы возведения горы Кана в натуральную величину.

---

¹⁶ Никогда! (лат.)

— Раз уж они приезжают, — заметил он, — можно ее и соорудить.

Начали приходиться первые гневные письма. Прошло уже много времени с тех пор, как был показан рекламный ролик, и покупатели желали знать, где их вино. Аббат, увлеченный реконструкцией кабинета и возведением горы, назначил меня директором-распорядителем. На мою долю выпало объяснять недовольным массам, что «наше скромное предприятие завалено заказами», но монахи, мол, трудятся круглые сутки, стремясь их выполнить. По иронии судьбы, мои неубедительные отговорки оказали благотворное влияние на спрос. Едва стало известно, что «Кана» недоступна, как мы стали получать еще больше заказов. Филомена тут же повысила цену с восьми до пятнадцати долларов за бутылку. А я получил возможность уверять покупателей, предъявляющих претензии, что они заключили сделку «на выгодных условиях». Аббат начал говорить о том, что пора продавать канское вино на срок.

Однажды утром брат Джером привел ко мне посетителя.

— Я сводил его на экскурсию, — прошептал он. — Даже своих свиней ему показал. Но у него какой-то жетон. Он говорит, что хочет видеть того, кто заведует винодельней.

Жетон действительно был, и на нем значилось: БЮРО АЛКОГОЛЯ, ТАБАКА и ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ.

— Не думаю, — сказал я, стараясь ничем не выдать своего волнения, — что вы приехали насчет табака или огнестрельного оружия.

Вскоре стало ясно, что он не расположен вести шутливую беседу. БАТО получало жалобы от покупателей и главных прокуроров нескольких штатов по поводу невыполненных заказов. Он приехал, чтобы провести расследование. Я объяснил, что у нас огромное количество заказов. Записав сведения о заказах, он принялся выспрашивать меня о том, каковы площадь под виноградниками и производительность винодельни. Потом спросил, почему из нашего сверкающего новенького оборудования не льется рекой вино.

— Ах, — сказал я, — право же, об этом вам лучше поговорить с Аббатом.

Мы нашли его на совещании с участием Эллиота и архитектора — специалиста по тематическим паркам, приглашенного для работы над проектом горы Кана. Аббат снисходительно поздоровался с федеральным агентом и даже предложил ему бокал вина.

— Пока еще я никакого вина не видел, — сказал агент.

— Ах-х! — сказал Аббат. — Ну, об этом вам, право же, лучше поговорить с братом Запом. Вот он, наш директор-распорядитель.

— Может, вы оба со мной поговорите? — спросил агент.

Он указал на очевидные факты: мы выращиваем гораздо меньше винограда, чем нужно для выполнения всех заказов, а в настоящее время и вовсе ничего не производим. Потом указал на нечто не столь очевидное:

— То телеинтервью, которое вы дали Диане Сойер. Один из моих ребят — а он в винах разбирается, — внимательно просмотрел ту видеозапись, где она дегустирует ваше вино. Он заметил на пробке слово «Фижак».

— Ах-х-х! — сказал Аббат. — Ну, если и дальше так пойдет, скоро «Кана» будет, наверно, стоить не дешевле «Фижака».

— Дело не в этом, — сказал агент. — Федеральное законодательство запрещает выдавать одно вино за другое.

Аббат гордо выпрямился во весь рост:

— «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу». Законы нашей страны мы уважаем. Между тем советую вам уважать законы Божьи. У нас бедный орден...

К несчастью, Аббатова сентенция была прервана шумом бульдозера, делавшего выемку в грунте для нового винного погреба. Агент отпустил ехидное замечание по поводу большого объема работ, и разговор был скомкан. В заключение Аббат напомнил агенту, что среди американских «налогоплательщиков есть и сто миллионов католиков».

— Интересно, какие чувства они испытывают, узнав, что эти налоговые поступления расходуются на преследование Матери-Церкви, — сказал Аббат. — Я уверен, что Диана с удовольствием сделает дополнительный репортаж: «Большой Брат подвергает гонениям братьев малых».

Диана?

Уведя агента подальше от Аббата, я сделал все возможное, чтобы его успокоить. Я пообещал ему, что путем смешивания нашего вина с другими сортами скоро будут выполнены все заказы и что этикетки будут приведены в строгое соответствие со всеми правилами.

Проводив агента БАТО до выхода, я поспешно вернулся к Аббату. Он вновь вежливо заверил меня в том, что чилийское вино было заказано еще «несколько недель тому назад», после чего они с Эллиотом и проектировщиком тематических парков продолжили дискуссию о фальшивой горе.

Я позвонил директору винного завода в долине Майпо и справился, когда прибудет вино. Испанский язык я уже забыл, но все-таки сумел понять, что «cheque»¹⁷ на полтора миллиона долларов, который им прислал Аббат, оказался «mal»¹⁸. Кроме того, насколько я понял, они уведомили об этом Аббата, а он заверил их, что это просто недоразумение и что будет отправлен новый чек. Однако «cheque» так и не поступил.

Почувяв надвигающуюся катастрофу, я позвонил в банк, чтобы выяснить, сколько денег у нас на счете. Мне ответили, что осталось тридцать шесть тысяч долларов. Неудивительно, что чек на полтора миллиона, отправленный на чилийскую винодельню, не был оплачен. При той скорости, с которой Аббат тратил деньги — на свои апартаменты, на свой винный погреб, а теперь и на эрзац-гору, — их должно было хватить еще примерно на неделю. Но стоило нам промедлить с началом выполнения заказов на вино «Кана», и тот агент БАТО неминуемо появился бы вновь, причем с неприятными правовыми документами.

Уговаривать Аббата сосредоточить мысли на этих чрезвычайных обстоятельствах было бесполезно. Он отделялся от меня, изрекая банальности в духе Чопры: мол, космос найдет какой-нибудь выход. Однако привлечь внимание Филомены мне все-таки удалось. Мы с ней изучили Аббатовы сметы на строительные работы — Эллиотовы счета оказались просто астрономическими, а счета проектировщика тематических парков можно было охарактеризовать как «вызывающие тревогу», — и подсчитали затраты на выполнение заказов на вино. В конце концов мы пришли к выводу, что нам нужно раздобыть пять миллионов долларов, причем как можно скорее.

Я решил воспользоваться нашим счетом на Уолл-стрит. Благодаря конфиденциальной информации о биржевых операциях, которую Господь наш, проявив мудрость и беспредельное великодушие, счел нужным даровать мне посредством моего истолкования текстов требника, Канский фонд весьма значительно пополнился и принес неплохие дивиденды другим Билловым клиентам, вложившим в него деньги. Мало того: Билл сообщил мне, что благодаря прибыльности фонда, а также подтвердившейся информации относительно свиной требухи и компании «Эппл», служащие моей бывшей фирмы стали считать меня кем-то вроде гуру. По его словам, они решили, что у меня есть «связи». Если бы они только знали!

Я позвонил Биллу и спросил, какова наша доля в фонде. «Чуть больше лимона», — сказал он; отнюдь не достаточно, чтобы нас спасти.

В ту ночь я беспокоюсь ходил взад и вперед по всему монастырю. Вечерним текстом в требнике был знакомый отрывок из Евангелия от Марка (10:25): «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие». Если принять во внимание переплет, в который мы попали, эта сентенция звучала довольно ядовито. Сперва я расценил ее как укоризненную весточку от Бога, напоминание о том, что богатство, ниспосланное монастырю, препятствует нашему духовному развитию. Потом меня осенило: Брокер наш снова позвонил мне, дабы объяснить, как спасти монастырь — а заодно и души нескольких богачей.

Мое появление в фирме, к тому же в монашеской рясе, привлекло всеобщее внимание. Когда я шел через операционный зал к кабинету Билла, все поднимали и поворачивали головы.

---

¹⁷ чек.

¹⁸ плохим — то есть недействительным.

Старые знакомые подбегали, чтобы пожать мне руку, и даже те, с кем раньше я не особенно ладил, почтительно со мной здоровались.

— Эй, святой отец! — крикнул кто-то. — А где же горячие новости?

— В аду, — ответил я. — И другой информации вы, грешники, сегодня от меня не дождетесь.

Я намеренно прошел мимо стола Джерри. В фирме Джерри прославился тем, что воровал самую свежую конфиденциальную информацию у других брокеров. В былые времена меня он попросту не замечал — моя информация никого не интересовала. Лишь однажды он обратил на меня внимание — когда принялся злобно упрекать за пьянство.

Он наверняка меня увидел. Правда, только слепой не заметил бы монаха в операционном зале биржи на Уолл-стрит. Повысив голос так, чтобы Джерри услышал мои слова, я сказал Биллу:

— Надо поговорить с глазу на глаз!

Я пришел перед самым обеденным перерывом, рассчитывая на то, что Джерри сможет уйти с работы и незаметно последовать за нами. Когда мы спускались на лифте, я даже сделал ему комплимент по поводу его (отвратительного) галстука.

Я заранее попросил Слаттери не занимать две соседние кабинки. Мы с Биллом сели в одной из них. Минуту спустя в соседнюю, «случайно» оказавшуюся свободной, потихоньку прокрался Джерри и сделал вид, будто углубился в чтение «Уолл-стрит джорнал».

И, вновь повысив голос, чтобы меня было слышно, я сказал:

— Билл, тебе известны слова из Библии о том, что легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царствие Божие?

Он недоверчиво посмотрел на меня:

— Надеюсь, ты привел меня сюда не для того, чтобы... ты же не пытаешься завербовать меня в свой орден?

— Тебя до второго пришествия не завербуешь. Нет, ничего подобного. Просто послушай. Что, если тут имеется в виду игла от швейной машинки «Зингер»?

— О чем это ты?

— Верблюд, — подсказал я ему. — Игольное ушко.

— Все равно не понимаю.

— Я о том, что одна корпорация приобретает другую корпорацию.

Недоуменное выражение его лица сменилось на удивленное:

— Ты хочешь сказать... что Эр-Джей-Эр собирается купить «Зингер»?

— Наоборот. Компания «Швейные машинки Зингера» собирается покупать акции Эр-Джей-Эр.

Он сказал, что продать их оказалось проще простого.

— А свои продал? — Я услышал в его голосе нотку неуверенности. — Билл?!

Он пообещал продать.

Наутро Эр-Джей-Эр и «Зингер» заявили, что никакого слияния не планируется — ни по взаимному согласию, ни принудительного. Курс акций Эр-Джей-Эр снова упал до прежней отметки.

Когда я возвращался в Кану, Билл позвонил мне в машину на сотовый и сказал, что Джерри сгорел «синим пламенем». Поначалу я укорял себя за то, что рад это слышать, но потом пришел к выводу, что, превратив земную жизнь Джерри в ад, я в то же время облегчил ему путь в Царствие Божие.

Деньги с нашего счета потекли в Чили, и вскоре из нашего нового оборудования потекло рекой каберне «Долина Майпо». В душистый летний вечер мы собрались, чтобы посмотреть, как монастырское вино «Секрет Аббата» польется в первую бутылку. Перед самой машиной для закупоривания ее поджидал брат Тео. В своей новой должности главного смешивателя он стоял над конвейером с пипеткой, наполненной вином из нашего собственного винограда. В горлышко каждой бутылки, двигавшейся мимо, он выдавливал одну каплю. По мнению Аббата, это ничтожное количество нашего собственного отвратного пойла обеспечивало правомерность надписи «Произведено монахами монастыря Каны» на этикетке. Лично я не стал бы доводить

подобную правовую оценку до сведения Бюро алкоголя, табака и огнестрельного оружия.

На глазах у всех Аббат налил первый бокал себе. Он поднес вино к свету, слегка взболтал, понюхал, а потом пригубил. Мне показалось, что от этой дешевой бормотухи он поморщился, как от боли, но, с другой стороны, к тому времени вкус у него, по его собственному выражению, уже «полностью сформировался». Как бы там ни было, он улыбнулся и заявил, что вино «в высшей степени пригодно для питья».

Аббат произнес трогательную речь, похвалив всех монахов за мужество, проявленное в период тяжелых испытаний. Потом провозгласил тост в честь «нашей феноменальной Филомены» и ее «чудодейственного вмешательства в дела Каны» — и налил второй бокал ей. Филомена подняла бокал, поблагодарила Аббата, а потом повернулась ко мне.

— Если кому-то и удалось сотворить чудо в Кане, — сказала она, — так это брату Запу.

Она отдала бокал мне.

Филомена не имела ни малейшего понятия о моем былом пристрастии к выпивке. Прошло уже почти три года с того дня, как в баре «У Слаттери» я в последний раз выпил спиртное. Но это был самый неподходящий момент, чтобы пускаться в пространные объяснения. Отказ от одного бокала вина в такой торжественный день мог бы показаться невежливым. К тому же мне было интересно узнать, что за вино нам удалось раздобыть с таким трудом. Каково оно — в конце-то концов — на вкус?

Ответ был таким: в высшей степени пригодно для питья. Мне было бы еще приятнее, если бы наши покупатели платили шесть долларов за бутылку, а не те пятнадцать, которые мы стали требовать. Но зато в этом вине не было ни частиц ржавчины, ни разнообразных оттенков оранжевого цвета. В общем, вино оказалось отменным. Когда начался пир на свежем воздухе, устроенный Аббатом по случаю торжества, я позволил себе еще один бокал.

Так мы еще никогда не пировали. Эллиот нанял обслуживающий персонал из нью-йоркской фирмы. На столах, рядом с каждым прибором, лежало иллюминированное меню в стиле средневековых рукописей, старательно проиллюстрированное монахами. Пока вино согревало мне нутро, я принялся изучать написанный красивым почерком текст:

«ПИР В КАНЕ»

Новейшая интерпретация галилейского свадебного пира

Шеф-повар: Патрик О'Нил

Курган оливок

Ватрушки «Свитки Мертвого моря»

Манна небесная вареная

Свиное филе по-гадарински, начиненное винными ягодами Амаретто

Вареный морской ангел в пергаменте

Падший ангельский бисквит «Магдалина»

Кофе «Лазарь»

Монастырское каберне «Секрет Аббата» в мерных кувшинах

В центре главного стола, за которым сидели Аббат с Филоменой — меня туда почему-то не пригласили, — возвышалось громадное ледяное скульптурное изображение нового комплекса «Гора Кана», куда входил и самый последний плод Аббатова воображения — гигантский Паломнический центр.

— На первом настоящем пире в Кане, — сказал брат Боб, тыча вилкой в свой кусок свиного филе по-гадарински, — наверняка было нелегко сохранить ледяную скульптуру, когда она начала таять. А может, Богоматерь попросила Иисуса решить и эту проблему?

Меня больше занимало то, что происходило рядом со скульптурой. Аббат, пребывавший в приподнятом настроении, наливал себе и Филомене бокал за бокалом — из бутылки, показавшейся мне знакомой. Несмотря на то, что уже смеркалось, я сумел разобрать на этикетке слово «Фижак». Они были увлечены беседой. Аббат время от времени касался то локтя, то рукава Филомены, дабы придать выразительность высказанной мысли — не иначе, очередной нетленной премудрости из канона Чопры, поклонниками которого были оба. Когда же он протянул руку и на минуту обнял Филомену за плечи, мое терпение лопнуло. Я схватил со стола кувшин «Каны» и удалился в виноградник.

Я взобрался на гору Кана — то есть на первую «гору Кана», холмик над бывшей мусорной свалкой — и прислушался к доносившемуся снизу шуму праздника. За каркасом новой горы Кана вошла луна. Зрелище было просто нелепое: стальные балки, соединенные сваркой в гору высотой с пятнадцатизэтажное здание. Что случилось с нашим монастырем?

И самое главное: что случилось со мной? Ну и ну: сижу на мусорной свалке, пью поддельное вино и терзаюсь ревностью к настоятелю своего монастыря. Несмотря на хмельной туман в голове, я попытался представить себе, какой способ умерщвления плоти прописал бы против этого душевного состояния святой Тад. Валяться в колючих кустах тут наверняка было бы бесполезно. Я осушил кувшин и швырнул его в новую гору Кана. Потом откинулся назад и испытал полузабытое ощущение — опьянение до потери сознания.

Следующее, что всплывает у меня в памяти, это голос:

— Зап! Что с вами?

Это была Филомена! Она стояла надо мной, и луна сияла над ней, как нимб. Точнее, два нимба. Я прищурился, чтобы не двоилось в глазах.

— Святая Филомена, — пробормотал я.

— Брат Боб сказал мне, что вы потопали прочь с бутылкой. Простите, — сказала она. — Если бы я знала о вашем... я не предложила бы вам тот бокал вина.

— Я жалею лишь о том, что это было не «Фижак», — сказал я. — Но его вы, наверно, бережете, чтобы выпить в минуты близости с моим духовным наставником.

— Не будь вы так пьяны, — сказала она, — я бы обиделась.

Я презрительно фыркнул.

— Зап! Если вы подозреваете Аббата в грязных помыслах, это ваше дело. Но могу вас заверить, что у меня они ответного чувства не вызывают.

— Ну, тогда это, наверно, просто духовная близость между двумя фанатами Чопры.

— Чопры? О чем это вы?

— Вы же познакомились на съезде фанатов Чопры, не правда ли?

Она саркастически рассмеялась:

— Да. Фирма послала меня туда для привлечения клиентуры. Неужели вы думаете, что я принимаю эти книжки всерьез? Меня восхищает предприимчивость этого парня, но читать его книжки бесплатно я бы не стала.

Так вот, значит, в чем дело! Я тут же проникся безграничным уважением к Филомене. Пригладив росистую траву рядом с собой, я сказал:

— Посидите немного.

Она села.

— Ну что ж, — сказал я, — выходит, в Дипака вы не верите. Не верите и в продажу вина с правдивыми надписями на этикетке. Во что же вы тогда верите?

— Возможно, вы будете потрясены, — сказала она, — но я верю в католические ценности.

— В католические ценности?! — сказал я. — Кажется, в сто первом церковном догмате нет упоминания о чем-либо подобном. А входит ли в число «католических ценностей» использование Священного Писания в целях создания лживой рекламы? Неужели, по вашему мнению, Богу и вправду угодно, чтобы мы быстро разбогатели благодаря Его чуду? Вы сами-то верите, что Он сотворил чудо в Кане?

— Да будет вам известно, ваше преосвященство, — ответила она, — что я прочла кое-какую литературу по этому вопросу. Я всегда основательно готовлюсь к съемкам рекламных роликов. И вот что я усвоила для себя насчет Каны: может, Он сотворил чудо, а может, и нет. Этот эпизод описан только в Евангелии от Иоанна, а богословы считают, что из всех четверых Иоанн заслуживает доверия в наименьшей степени. Остальные трое вообще не упоминают об этом чуде. Вывод? Возможно, не имеет значения, сотворил Он чудо или нет. Важно лишь то, что люди в это верят.

— Понятно. Евангелист Иоанн — консультант по организации сбыта.

— Собственно говоря, так оно и есть. А каким образом, по-вашему, католичество получило распространение во всем мире? Благодаря блестящей организации сбыта.

— Почему вам непременно нужно быть такой циничной?

— Если тебя зовут Филомена, это нетрудно.

— Почему? — спросил я. — Красивое имя. Оно значит «любимая». Я не ошибся?

— В тысяча восемьсот втором году в римских катакомбах нашли скелет молодой женщины. Люди решили, что это останки замученной в древности девственницы по имени Филомена. Мощи были переданы одной из церквей Неаполя. В церковь толпами повалили паломники — с Пожертвованиями. А сто лет спустя вдруг выясняется, что эти кости все-таки не принадлежат Филомене. Никто не знает, чьи это останки. Быть может, она не была мученицей. Да и девственницей тоже. Короче, католическая церковь отменяет ее канонизацию. Приверженцы культа встречают это решение в штыки — особенно священники всех разбросанных по свету церквей, носящих имя святой Филомены. Тогда Папа Павел Шестой и говорит: ладно, мол, так и быть, молитесь ей на здоровье.

— И не забывайте о жертвованиях, — добавил я.

Филомена рассмеялась:

— Да, я немного цинична. Если тебя назвали в честь «святой» Филомены, ты имеешь право на некоторый скептицизм. Короче, ваше святейшество, вы можете сидеть здесь, как английский король — защитник веры, и обвинять мой рекламный ролик в богохульстве, но он позволяет добиваться того же, что и останки той юной особы — зарабатывать деньги на благое дело.

— Под «благим делом» вы случайно не подразумеваете строительство аббатского винного погреба? Или... — я жестом показал на залитый лунным светом каркас, — горы Кана?

— Я и не говорю, что деньги не разворачивают. Аббатский винный погреб — не первое сооружение в истории католической церкви, построенное на побочные доходы. Вы не бывали в последнее время в Ватикане?

Филомена, сидевшая на мокрой траве, казалась прекрасной. У меня пропало всякое желание вести богословскую дискуссию. Теперь мне хотелось знать только одно: что произошло дальше в том эпизоде из «Поющих в терновнике». На другой день после того, как Филомена прочла нам отрывок, я решил купить этот роман и отправился в книжный магазин. Едва я вошел, как продавец сказал: «Сейчас угадаю: „Поющие в терновнике“. Извините, но все экземпляры уже расхватили». Он объяснил, что я уже четырнадцатый монах, пришедший в этот день за книгой.

— Филомена, — сказал я, — можно задать вопрос, не имеющий ни малейшего отношения к богословию? Он уже давно не дает мне покоя.

— Да, — сказала она.

— Что происходит дальше в том эпизоде из «Поющих в терновнике»? После того как Мегги обнимает священника?

Филомена улыбнулась:

— Странно, что вы об этом упомянули.

— Почему?

— Я как раз думала о том, что сейчас, при свете луны, вы немного похожи на Ричарда Чемберлена¹⁹.

— А-а, — сказал я.

Филомена захихикала. Как выяснилось, она и сама была слегка навеселе:

— Можно задать вам вопрос?

— Валяйте.

— Живя в миру, работая на Уолл-стрит, вы когда-нибудь были близки к тому, чтобы жениться? А может, вы...

— Я не голубой — если вы это имеете в виду. Я встречался с девушками, но почему-то так ни разу ничего и не... даже не знаю...

— Не вышло? Я знаю.

Мы сидели при свете луны, испытывая некоторую неловкость.

— Значит, вы хотите узнать, что происходит дальше? — спросила Филомена.

¹⁹ Актер, сыгравший роль священника (впоследствии кардинала) Ральфа де Брикасара в телевизионном мини-сериале «Поющие в терновнике».

Я кивнул. Она обняла меня одной рукой за шею и поцеловала.

Когда мы вернулись во внутренний двор, празднество уже постепенно сходило на нет. К счастью, оставшиеся там монахи были не в состоянии заметить, что мы пришли вместе. Одна из свиней брата Джерома, вырвавшись на волю, копалась рылом в чем-то похожем на остатки бисквита «Падшая Магдалина». Брат Алджернон храпел, тяжело навалившись на стол. Вокруг ледяного скульптурного изображения горы Кана уже образовалась лужа, и холодная вода капала на распростертого ниц брата Тома. Брат Джером, не обращая внимания на сбежавшую свинью, подпрыгивал и раскачивался, слушая свой новый «Уокмен». Проходя мимо, мы слышали звуки, доносящиеся из его наушников: «Остаться в живых!... Остаться в живых!»

Я похлопал его по плечу, чтобы сообщить о свинье.

— ЧТО?! — вскричал он. Я жестом показал ему, чтобы он снял наушники.

— Свинья, — сказал я.

— Сами вы свинья! — ответил он и захихикал.

— Да нет. Ваша свинья! — Я показал на животное. — Она сбежала. Лучше сделайте что-нибудь, пока она не начала жрать брата Тома.

— Грандиозная вечеринка! — сказал он. — Правда, здорово, что мы сейчас так преуспеваем?

— Вот молодец! — сказала Филомена. — А я как раз пытаюсь доказать брату Запу, что ему не следует чувствовать себя виноватым из-за того счастья, которое нам привалило.

— Да, — сказал брат Джером, — мы на славу потрудились, и наши усилия не пропали даром.

Он снова надел наушники и пошел загонять свою свинью в хлев. Потом остановился, обернулся, широко улыбнулся нам и, пытаясь перекричать «Би Джиз», громко произнес фразу, которую я не забуду никогда. Это был, как я понял впоследствии, Четвертый закон духовно-финансового роста:

IV. ДЕНЬГИ ЕСТЬ БОЖИЙ СПОСОБ СКАЗАТЬ «СПАСИБО!».

Рыночная медитация четвертая

Сколько раз я видел своими глазами, как верблюд не может пройти сквозь игольное ушко?

Сколько раз я видел, как богач не может войти в Царствие Божие?

Если Богу угодно, чтобы никто не был богат, зачем Он создал так много денег?

Слова «манна» и «монета» звучат похоже, не правда ли?

А как насчет слова «мало»?

Разве хороший коммерческий директор не выплачивает своим служащим премию?

Разве Бог — не хороший коммерческий директор?

Если человек преподнесет мне приятный подарок, будет ли учтиво с моей стороны швырнуть его этому человеку в лицо?

А разве можно поступать так по отношению к Богу?

Неужели в том случае, если я нанесу Богу оскорбление, мне будет легче войти в Царствие Божие?

Превосходные вопросы! Возьмите листок бумаги. Проведите посередине вертикальную линию. С левой стороны составьте список всех хороших вещей, которые вы имеете. С правой стороны точно изложите, каким образом вам досталась каждая из них. (Например, напротив телевизора с экраном в тридцать пять дюймов: «Я расплатился за него при помощи карточки Мастеркард»²⁰.)

Видите, какая закономерность обнаруживается во второй колонке? Как вам достались эти

²⁰ Если вы точно не помните, какой кредитной карточкой воспользовались, ничего страшного. Бог знает.

вещи? За каждый отдельный предмет *вам пришлось заплатить деньги!*

Теперь переверните листок бумаги и перечислите все, чего вы не имеете, но хотите. (Например, «телевизор с экраном в сорок два дюйма»²¹.)

Отлично: каким образом вы собираетесь раздобыть все эти вещи? Вот именно. *Опять деньги!*

Где же взять эти деньги? Откуда вообще берутся все хорошие вещи? Вот именно. Бог дает.

Теперь возьмите свой листок бумаги. Сложите его один раз вдоль. Теперь отогните края так, чтобы образовались треугольники. Расправьте эти треугольники. Расправьте еще раз. Ну что, похоже это на «бумажный самолетик»?

Теперь напишите на левом крыле, сколько вы хотите денег. На правом крыле напишите, какая минимальная сумма вас устроит. Готовы к запуску? Для того, чтобы отправить это письмо авиапочтой, возьмите его двумя пальцами, подойдите к ближайшему окну и откройте его. Готовы? Запускайте!²²

А теперь — *очень важно!* — пока вы бездельничаете, дожидаясь, когда Бог пришлет вам в ответ какую-нибудь «бумагу», спросите себя: когда Бог скажет «спасибо», как мне сказать «пожалуйста»?

Подсказка: см. следующую главу.

Молитва о богатстве без переживаний

О Господь, ниспосылающий вознаграждения и премии,
каковые в стимулирующем комплексе своем вели народ Твой
через пустыню,
сделай так, чтобы тогда, когда Ты осыплешь меня деньгами,
у меня хватило выдержки не промотать их,
хладнокровия принять их без чувства вины
и мудрости осознать, что это Твой способ выразить благодарность.

Глава пятая

Ватикан обеспокоен...

Аббат раздражен...

Партия в библейские шахматы

Это был очень хороший год. За двенадцать месяцев, миновавших с тех пор, как с конвейера сошла первая бутылка, мы выпустили более шести миллионов бутылок вина «Секрет Аббата» (ни одной из которых я, к счастью, не выпил). Регулярно прибывали грузовики с контейнерами чилийского вина, и операцию, выполнявшуюся братом Тео при помощи пипетки, пришлось автоматизировать. Только от продажи вина мы получили двадцать пять миллионов долларов чистой прибыли. Тем временем процветал и мой Канский фонд. Один консультант по компьютерам помог мне ввести требник в базу данных под названием ТРЕБНЕТ, где наши тексты для ежедневного чтения сопоставлялись с рыночными тенденциями на биржах всего мира. Когда же открылся новый Паломнический центр «Гора Кана», деньги хлынули к нам еще более стремительным потоком. Благодаря новым рекламным роликам Брента, в Кану потянулись большие толпы людей, и Филомена была к этому готова. К моему удовольствию,

²¹ Точно указывать марку не обязательно.

²² Если вы проделываете все это на работе, не надо разбивать окно, чтобы его открыть. Ступайте на крышу или на автостоянку.

она приняла наше предложение стать директором по вопросам паломничества и переехала в просторную квартиру над Центром.

Но в одно прекрасное летнее утро спокойствие, царившее в нашей общине, было нарушено неожиданным гостем из Рима.

Мы сидели в уже отделанных Аббатовых президентских апартаментах и обсуждали с Эллиотом и проектировщиком тематических парков идею Аббата пристроить к горе Кана «винную горку». Они принесли макет. Как объяснил Эллиот:

— Право на спуск с горки еще надо заслужить. Чтобы людям легче было совершать короткое паломничество на гору, каждому выдается посох. Для пущего вдохновения мы установили у дороги небольшую святыню — фигурку святого Тада в колючих кустах. На тот случай, если им захочется сделать пожертвование, там имеется ящичек. Отлично. Потом они добираются до вершины, где их и ждет награда. Первое, что они видят, это громадная мера вина — люблю слово «мера» и до сих пор не знаю, что оно значит. При помощи специального механического приспособления в нее льется чистая вода, а наружу течет темно-красная — вино, — причем из другой циркуляционной системы, ведь на самом-то деле мы тут воду в вино, конечно, не превращаем. Люди садятся вот в эти четырехместные лодки, сказочно красивые, в форме винных бочек, распиленных пополам. И отплывают. Потом доплывают до каскада и стремительно несутся с горки. Там будет висеть объявление: мол, не волнуйся, мама, от этого красного «вина» пятен не остается.

Мы с Филоменой обеспокоенно переглянулись.

— Все это очень хорошо, Эллиот, — сказала она, — но я беспокоюсь за нашу репутацию. Мы должны защищать свою привилегию на право торговли в Кане.

— А какова пропускная способность? Сколько паломников в час можно будет с горки спускать? — спросил Аббат.

И тут в наш разговор вмешался брат Майк, расторопный молодой монах, совсем недавно ставший членом монастырской общины и уже назначенный помощником Аббата по административным вопросам. Он вошел в комнату и вручил Аббату визитную карточку.

— Он ждет в приемной.

Аббат уставился на карточку. Потом прочел вслух:

— Монсьеэр Рафаэлло Маравиглиа... Секретарио эзекутиво... Уффичо дель инвестиционе интерна... Ватикане. Ватиканский отдел внутренних расследований? — Внезапно он побледнел. — Боже мой, это же ведомство кардинала Блютшпиллера!

Кана находилась далеко от Ватикана, но репутация кардинала Франца Блютшпиллера была известна даже нам, скромным монахам. Ни к кому в Католической Церкви не относились с таким благоговейным страхом, как к этому человеку. Он обеспечивал выполнение личных распоряжений Папы Римского и имел право отлучать от Церкви, за что получил прозвище «Анафема». И вот его ответственный секретарь дождался у нас в приемной.

Аббат выбежал из комнаты, чтобы его поприветствовать. Минуту спустя дверь открылась, и мы услышали, как Аббат сказал:

— Ну, а это наш новый Административно-отшельнический центр...

Вошел человек лет сорока пяти, высокий, худой, широкоскулый, с ярко-голубыми глазами и раздвоенным подбородком. На нем был прекрасно сшитый черный костюм с пурпурным жилетом из тех, что носят при папском дворе, и большим серебряным распятием на цепи.

Филомена смотрела в изумлении. Мне не нужно было спрашивать, почему. Он был поразительно похож на Ричарда Чемберлена. Эллиота тоже что-то повергло в состояние оцепенения — вероятно, костюм.

Аббат представил нас. Монсьеэр Маравилья²³ был любезен, но держался немного надменно. Когда, обратившись к Эллиоту, он назвал его «братом», на минуту воцарилось неловкое молчание.

— Я хожу в черном, — объяснил Эллиот, — но к ордену отношения не имею.

Пока мы непринужденно беседовали о здоровье кардинала Блютшпиллера, в частности —

---

²³ Буква «г» в этой фамилии не произносится.

о недавно перенесенной им операции на простате, монсеньер скользил взглядом по комнате. Когда Аббат пустился в пространные рассуждения о погоде на севере штата Нью-Йорк и ее влиянии на виноградарство, холодный взгляд голубых глаз монсеньера остановился на макете. Он наклонился и принялся разглядывать фигурки в бочках, переправляющихся через водопад. Потом изучил миниатюрную вывеску над входной аркой.

— «Канский каска-ад»... — прочел он. Казалось, надпись его озадачила. Но потом он слабо улыбнулся. — Ну конечно, cascata! Водопад, надевай каску — и в ад. Каламбур.

— Шутка нашего друга, вот он, — сказал Аббат, кивнув в сторону Эллиота. — Его идея. Разве не... забавно?

— Весьма необычно, — сказал монсеньер Маравилья. — Значит, вы планируете пристроить это к вашей горе?

— Мы решили, что таким образом можно внести свежую струю в Священное Писание, — сказал Аббат. — А заодно и предоставить паломникам прохладное место для отдыха. Летом здесь бывает жарковато. Так что же привело вас в Кану?

— Мы о вас наслышаны, — сказал монсеньер. — Я видел ваш рекламный ролик.

— Ах, — сказал Аббат, — об этом вам следует поговорить с братом Запом и Филоменой. Вот они, это их замысел.

— Впечатление незабываемое. — Он улыбнулся Филомене. Это было первое слабое проявление чуткости, которое я заметил. Филомена зарделась.

Монсеньер повернулся к Аббату и сказал:

— Его преосвященство кардинал попросил меня приехать сюда для изучения ваших методов.

— А-а, — сказал Аббат.

Монсеньер хлопнул в ладоши:

— Ну что, экскурсия?

— Но разве монсеньер не утомился с дороги? — спросил Аббат. — Немного вздремнуть...

— Я выспался ночью в городе, в мотеле. Хотел приступить к делу с утра пораньше.

— А-а! Ну что ж, откуда начнем...

— Давайте прямо отсюда. — Монсеньер окинул окружавшую его роскошь убийственным взглядом. — Это же ваш «Административно-отшельнический центр»?

— Да, — сказал Аббат. — Для приезжих администраторов. Разумеется, они рассчитывают на некоторый уют.

— Само собой. — Монсеньер не спеша подошел к атриуму с четырьмя гипсовыми колоннами и мраморным фонтаном в этрусском стиле.

Аббат принялся было объяснять, что струящаяся вода способствует религиозному созерцанию, но монсеньер уже направился в информационно-просмотровую комнату. Там он сел на итальянский кожаный диван.

— Очень уютно, — сказал он. — А это...

Он показал на большой экран на стене.

— Здесь мы демонстрируем им фильмы, — сказал Аббат. — Вдохновляющие фильмы. Документальные...

Монсеньер уже снова был на ногах — он спускался по лестнице в винный погреб. По лицу Аббата скользнула тень тревоги. Монсеньер отсутствовал добрых пять минут.

— Отличный погреб, — сказал он, появившись вновь. — Правда, я не видел ни одной бутылки вашего вина.

Он перешел в соседнюю комнату — опочивальню.

— А это?

— Спальня для гостей — для отшельников.

Комната имела явно жилой вид. Повсюду была разбросана монашеская одежда. На кровати лежало смятое пуховое покрывало. На телевизоре, стоявшем в ногах кровати, валялись кассеты с фильмами Дипака Чопры о похудении и духовности. На тумбочке были недопитая бутылка бордо («Дюар-Милон Ротшильд» семьдесят шестого года), большой пузырек аспирина, «Телегид» и стопка джазовых компакт-дисков.

— Здесь кто-нибудь живет?

— В настоящее время — нет, — сказал Аббат. — Днем я иногда захожу. Заняться созерцанием... вздремнуть немного для... восстановления сил. Конечно, у меня есть келья, как у всех монахов.

Монсеньер Маравилья кивнул:

— Да, конечно. Ну что ж, давайте осмотрим остальные помещения этого... монастыря.

Аббат неохотно повел его к кельям. Из некоторых доносилась музыка. Когда мы проходили мимо кельи брата Эда, мне показалось, что там звучит мелодия из «Спасателей Малибу». Монсеньер невозмутимо двигался вперед до тех пор, пока мы не услышали довольно громкий храп, доносившийся из кельи брата Тома. Монсеньер взглянул на свои часы:

— Кажется, местное время четверть одиннадцатого?

Аббат мрачно кивнул. Потом попытался найти оправдание:

— Поскольку встаем мы очень рано, у нас введен «тихий час» для уединенного созерцания. Сами понимаете... для размышлений.

— Это очень важно, — сказал Маравилья. — А ваша келья?

— Прямо по коридору.

Дверь старой Аббатовой кельи открылась со скрипом. Все было покрыто слоем девственной пыли. Ночник был затянут паутиной. На металлической кровати лежал голый матрас.

— Вы подаете хороший пример остальным монахам, — сказал монсеньер. — Ведь в «De Doloribus Extremis» святой Тадеуш яростно выступает против одеял, не правда ли? Книга восьмая, кажется? «Пусть ложе твоё будет жестким, как камень, а тело своё укрывай лишь грубым сеном да терновником».

— Давайте перейдем в Паломнический центр, — предложил Аббат.

Филомена повела монсеньера через дегустационный зал, банкетный зал (объявление гласило: «СЛЕДУЮЩИЙ ПИР — В 12 НОЧИ»), часовню для бракосочетаний и магазин сувениров, где продавались кольца для ключей с надписью «Гора Кана» и графины, по форме напоминающие монахов. Тут я впервые увидел, как Филомене становится неловко за ее достижения в области организации сбыта. Монсеньер был неизменно любезен — даже тогда, когда увидел футболку с изображением кувшина для вина спереди и таким текстом сзади:

РОДИТЕЛИ СЪЕЗДИЛИ НА ГОРУ КАНА,
А МНЕ КУПИЛИ ТОЛЬКО ЭТУ МАЙКУ
С РЕКЛАМОЙ МЕРЫ ВИНА

— Таким образом мы знакомим их с единицами измерения, которые упоминаются в Библии, — сказала Филомена. — Одна мера — это, по-моему...

— Тридцать шесть литров, — сказал он.

Мы вернулись в Административно-отшельнический центр.

— Итак, — сказал Аббат за чашкой кофе (не из его личной кофеварки «эспрессо», что вполне благоразумно), — надолго вы к нам?

— Судя по тому, что я увидел, — сказал монсеньер, задумчиво помешивая кофе, — на мои исследования потребуется некоторое время. Тут необходима осторожность. И беспристрастность. Нам бы не хотелось, чтобы сложились превратные мнения. А тем более — чтобы они стали достоянием гласности.

— Безусловно, — сказал Аббат, не в силах возразить. Монсеньер не только занимал более высокое положение в церковной иерархии, но и имел право довести фабричную марку «Кана» до полного краха. — Чем можем — поможем. Брат Зап разбирается в финансовых вопросах. Он хорошо знаком с нашими операциями. Можете рассчитывать на всяческое содействие с его стороны.

— Благодарю. Я непременно обращусь к брату Запу. Однако, Филомена, вы, кажется, упоминали о том, что получили степень в области управления частными компаниями?

Филомена кивнула.

— В таком случае не могли бы вы стать моим руководителем? — Он повернулся к

Аббату. — Надеюсь, вы сможете без нее обойтись?

— Руководителем, — сказал Аббат. — Разумеется. Все что угодно — лишь бы помочь его преосвященству.

— Вы отшельников в гости не ждете? — спросил Маравилья.

— Нет... в ближайшем будущем. Насколько я могу предположить...

— В таком случае я, вероятно, мог бы пожить здесь.

— Здесь?

Монсеньер показал:

— В спальне для гостей.

— А-а! — сказал Аббат. Он явно был ошарашен. — Ну, если... вы готовы довольствоваться нашим скромным гостеприимством...

Монсеньер улыбнулся:

— «Бери все, что дают тебе, и молча, с готовностью переноси страдания свои». «De Doloribus», книга четвертая.

Наутро, ровно в пять часов, все монахи впервые за долгое время собрались в церкви на заутреню. Посещаемость ухудшалась с тех пор, как Аббат, сославшись на то, что «характер миссии Каны находится в процессе развития», смягчил монастырский режим и ввел политику богослужения *in camera*²⁴. Некоторые монахи выглядели слегка заспанными и, видимо, изо всех сил старались не фальшивить во время пения.

После заутрени мы гуськом направились завтракать в трапезную, где испытали очередное потрясение: пищу опять готовил брат Том.

— А где же, — спросил брат Боб, уставившись на свою миску чуть теплой, клейкой овсяной каши, — Лукас?

Лукас был поваром, которого Аббат переманил к нам из одной гостиницы на Беркширских холмах.

— Отправлен с богом, — ответил я, с отвращением оттолкнув миску, и налил себе еще одну чашку жидкости, которую брат Том выдавал за кофе. Складывалось впечатление, что наша автоматическая кофеварка «эспрессо» была подвергнута изгнанию вместе с Лукасом.

Аббат стоял у аналоя и, совсем как в былые времена, читал нам вслух. Там и сям к его рясе прилипло сено — немного «аксессуаров» (как выразился бы Эллиот), подобранных так, чтобы угодить монсеньеру Маравилье. Насколько я мог судить, Аббат читал отрывок из скучнейшего трактата святого Тада об изготовлении рубашек из конского волоса. Это весьма сложное место, изобилующее специальными терминами, и мне было трудно улавливать смысл латинских слов. Некоторые из прочих монахов, видимо, либо тоже были сбиты с толку, либо попросту чувствовали себя слишком несчастными, чтобы слушать внимательно, однако монсеньер Маравилья по ходу чтения то и дело одобрительно кивал. Он даже съел всю порцию каши — по сути своей, впечатляющий акт умерщвления плоти.

Днем Аббат пригласил меня к себе в келью. Войдя, я увидел, что он стоит на коленях, но не молится, а прячет книги Дипака Чопры под кровать, которая завалена сеном.

— Вряд ли сено так уж необходимо, — сказал я.

— Вы не знаете Блютшпиллера, — сказал он. — А о машине вы позаботились?

Накануне вечером Аббат велел мне переставить его «лексус»²⁵ из нашего гаража на стоянку Паломнического центра.

— Да.

Аббат порылся в своем сундуке.

— Боже мой! — сказал он.

— В чем дело, святой отец?

— Вот... положите это в багажник машины... и запирайте его.

²⁴ За закрытыми дверями (лат.).

²⁵ Шикарный автомобиль, по традиции не ассоциирующийся с монастырями.

Он протянул мне большой рулон бумаги. Я узнал проект нового поля для гольфа, которое предполагалось соорудить на недавно приобретенном нами участке пахотной земли.

— Чем он сейчас занимается? — спросил Аббат.

— Он все утро провел в ваших апартаментах... то есть в Административно-отшельническом центре... с Филоменой.

— Вам не удалось поговорить с ней наедине? Она будет... сотрудничать?

— Не знаю, — сказал я. — Похоже, они неплохо ладят.

И тут раздался стук в дверь. Это был Маравилья.

— Я не помешал?

— Входите, — сказал Аббат. — Присаживайтесь на кровать. Если, конечно, вы не против соломы.

— Просто превосходно, святой отец. — Маравилья улыбнулся. — А где же терновник?

— Трудно найти в это время года. Вот разве что осенью.

В руке у Маравильи была пачка бумаг

— Я нашел это в ваших апартаментах. Простите, в апартаментах для гостей. На журнальной полке рядом с камином. Очень интересно. Что такое «либретто»?

«Нет, только не это!» — подумал я. Аббат, обремененный работой над своими многочисленными проектами, как-то раз пожаловался Филомене на то, что у него совершенно не остается времени на ежедневное чтение требника. Она рассказала ему, что в Голливуде у администраторов есть помощники, которые все читают за них и излагают содержание книг и киносценариев в кратких, на две странички, обзорах, именуемых «либретто». На другой день Аббат велел своему новому помощнику брату Майку составить либретто его повседневных уставных текстов.

Маравилья взял из пачки один листок и прочел:

«Утренья: Притча о блудном сыне.

Два брата — хороший парень, плохой парень. Плохой — гуляка, валит из дома, проматывает папашины бабки, возвращается, поджав хвост. Папаша и говорит: Эй, все нормально, давай гулянку устроим! Тогда хороший сынок говорит: Что еще за дела? Я тут вкалываю до седьмого пота, а он на гулянку явился? Папаша: Не дергайся, это мой сын, он вернулся. У нас в семье все любят друг дружку».

Аббат откашлялся.

— «Не дергайся»? — сказал Маравилья.

— Брат Майк у нас совсем недавно, — сказал Аббат. — Составление этих конспектов входит в программу его ежедневных учебных занятий по духовному совершенствованию. Как видите, особой образованностью он не блещет. Я велел ему каждый день излагать содержание уставных текстов своими словами. А «не дергайся» в данном случае, по-моему, значит «не волнуйся».

«Удар отражен блестяще!» — подумал я.

Пошел уже второй месяц пребывания — хотя уместнее, наверно, было бы слово «оккупация», — Маравильи в монастыре. Он редко намекал на те ужасы и ереси, которые обнаруживал в ходе своей ревизии, уединяясь с Филоменой в Административно-отшельническом центре. Казалось, единственное его развлечение — это смотреть чемпионат Италии по футболу в Аббатовой информационно-просмотровой комнате. Удивительно, что он без посторонней помощи научился настраивать спутниковую тарелку на нужную программу; Аббату на это потребовалось три недели.

Мы, монахи, вернулись к аскетической жизни и своим монашеским обязанностям. Во время трапезы Аббат читал нам произведения святого Тада. Он выбирал отрывки, наиболее ярко повествующие о полной самоотречения жизни нашего покровителя. В одной главе, на чтение которой не хватило и двух трапез, говорилось о том, какую соль лучше всего втирать в плоть сразу после самобичевания. (Баварскую.) Другая, содержащая рецепт приготовления тушенки из старых сандалий и конских уздечек, отнюдь не улучшила вкус запеканки с тунцом,

приготовленной братом Томом. Между трапезами мы Аббата видели редко. Проводя большую часть времени в своей келье, он искал утешения в трудах Дипака Чопры.

Да и я старался не попадаться на глаза Маравилье. Я сидел за компьютером у себя в кабинете и наблюдал за показателями деятельности Канского фонда, пытаюсь сосредоточить внимание на латиноамериканских резервах страховых взносов и двойных опционах на токийское золото. Думать только о работе не удавалось. Я скучал по Филомене. Мы всячески старались сохранять невинные отношения — объятия при луне больше не повторялись, — но за минувший год очень сблизились. Наши совещаний, на которых обсуждались дела Каны, я всегда ждал с радостным нетерпением. Однако после приезда Маравильи мы с ней почти перестали видеться.

Как-то раз, когда мне надоело следить за изменениями курса по срочным сделкам с платиной, я решил немного развлечься, погуляв по Интернету. Я ввел в компьютер команду поиска сайтов, имеющих отношение к святому Тадеушу, и вскоре, как это ни удивительно, оказался в чате, посвященном «De Doloribus Extremis». На экране монитора шла оживленная беседа.

СЕРЖАНТ БОЛЬ: Ты уже прочла главу три, где его связывает стража султана?

ДОЛОРЕС ДОЛОРИБУС: Я БЕЗ УМА от этой сцены. Она так ВОЗБУЖДАЕТ!

СЕРЖАНТ БОЛЬ: Значит, тебе этого хочется.

ДОЛОРЕС ДОЛОРИБУС: Они забыли вставить ему кляп.

СЕРЖАНТ БОЛЬ: Прочти главу двадцать три. Всем кляпам кляп. Три граната!!! Мавры свое дело туго знают.

ДОЛОРЕС ДОЛОРИБУС: Что такое гранат???

ДРЮЧКА-КОЛЮЧКА: Вот тебе определение из толкового словаря: «Плод с красноватой жесткой кожурой и множеством зернышек, содержащихся в сочной красной мякоти с привкусом кислоты».

ДОЛОРЕС ДОЛОРИБУС: Кислоты! Какая прелесть!!!

СЕРЖАНТ БОЛЬ: Неудивительно, что когда его отпустили, он тут же заделался проповедником.

Я тотчас же вышел из этого чата. Мне и в голову не приходило, что у основателя нашего ордена есть такие поклонники. Их дискуссия меня шокировала, однако я и сам порой удивлялся предрасположенности святого Тада к попаданию в неприятные истории.

На вебсайте Ватикана не оказалось никакой информации об «Уффичо дель инвестигационе интерна», но в многоязычном чате под названием `alt.rel.rc.vatic.dish` я все-таки обнаружил кое-что интересное. Судя по всему, там собирались многочисленные любители посплетничать, не понаслышке знавшие о том, что творится в Ватикане. Насколько я понял, они строили догадки относительно того, кто получит подряд на реконструкцию Кастель-Гандольфо²⁶. После того, как они потратили десять минут на бурную дискуссию о реставрации *putti*²⁷ в папской трапезной, я ввязался в разговор. Воспользовавшись своим сетевым псевдонимом — Дикобраз, — я написал: «Знаете что-нибудь о монсеньере Маравилье?»

Наступила пауза.

ПАЯЦ: *Chi lo vuole sapere?*²⁸

ДИКОБРАЗ: По-английски говорите?

ПАЯЦ: Конечно. Почему вы спрашиваете о монсеньере Маравилье?

ДИКОБРАЗ: Просто из любопытства. Я о нем много слышал.

²⁶ Летняя резиденция Папы, расположенная к юго-востоку от Рима.

²⁷ Похожие на купидонов дети, чьи изображения часто встречаются в произведениях итальянского декоративного искусства — особенно на потолках.

²⁸ Кто интересуется? (ит.)

ПАЯЦ: Монсеньер уехал за границу по делу.

ДИКОБРАЗ: По какому делу?

ПАЯЦ: Маравилья делает все, что прикажет кардинал Блютшпиллер.

КАЛЛИСТУС: Это Папа делает все, что прикажет кардинал Блютшпиллер.

УРБАНО: Кто еще посмел бы требовать сокращения расходов на личные нужды его святейшества!

ДИКОБРАЗ: Вы, наверно, шутите?

УРБАНО: С кардиналом Блютшпиллером шутки плохи. Как по-вашему, почему в Кагель-Гандольфо после реконструкции не будет джакузи? Хотя личный врач его святейшества даже написал письмо, где сказано о необходимости джакузи в лечебных целях.

КАЛЛИСТУС: Помните, что он сказал, когда перевел кардинала Монпелье из Парижа в Кисангани?

ДИКОБРАЗ: Вообще-то нет.

УРБАНО: «Condonant Deus, non Blutsch-piller»²⁹.

ДИКОБРАЗ: А что там, в Кисангани?

ПАЯЦ: Прокаженные.

УРБАНО: И малярия.

ДИКОБРАЗ: Почему Блютшпиллер назначил своим представителем Маравилью?

БОНИФАЦИЙ: Ему нужен был человек, знакомый с криминальным образом мыслей. Маравилья много повидал на своем веку, прежде чем стать священником.

ДИКОБРАЗ: Чем же он занимался?

БОНИФАЦИЙ: Всем, чем заблагорассудится. Он происходит из миланского рода Маравилья, семьи текстильных магнатов. В журналах постоянно публиковались его фотографии в обществе красивых женщин — Монте-Карло, Лаго-ди-Комо, Позитано, Париж, Нью-Йорк, Палм-Бич. Потом семья разорилась. Управляющий компанией украл 26 миллиардов лир³⁰, а все остальное проиграл отец, Джанкарло. Тогда повеса сын стал священником и люто возненавидел коррупцию во всех ее проявлениях. Его непримиримость привлекла внимание Блютшпиллера. В душе молодого человека кардинал разглядел задатки Великого инквизитора.

Я услышал, как сзади кто-то негромко спросил:

— Изучаете состояние Фонда страхования от потерь, брат?

Я вздрогнул от неожиданности. Это была Филомена. Она сидела у меня за спиной и внимательно смотрела на экран. Я поспешно отключился от чата.

— Я не слышал, как вы вошли.

— Вы были полностью поглощены разговором. С кем беседовали?

— Точно не знаю. Это какой-то ватиканский чат. Кто бы ни были эти люди, Блютшпиллер их всех до смерти запугал. Даже Папа не может приобрести джакузи без его разрешения. Очевидно, его прихвостень Маравилья разделяет взгляды кардинала в том, что касается милосердия и всепрощения.

— Прихвостень? Это вряд ли.

— Ну, а как прикажете его величать? Лорд верховный палач?

— Я называю его монсеньером.

— Значит, пока еще не по имени? Странно. Вы же столько времени проводите вместе. Похоже, ревизия проходит неплохо.

— Монсеньер — человек, преданный своему делу, настоящий праведник.

— Ага, я даже нимб заметил. Ослепительный.

— По-моему, такой честный человек, как он, достоин уважения.

— Честный? Минутку! Давайте начистоту. Вы что, будете читать мне нотации по поводу честности? Кажется, я припоминаю, как однажды вечером некая особа со степенью магистра в

²⁹ «Бог прощает, Блютшпиллер — нет» (лат.).

³⁰ Около 15 миллионов долларов.

области управления выдала целую нагорную проповедь! Мораль, помнится, была такова: «Короче, если что-то доставляет удовольствие и приносит деньги, отбрось сомнения и действуй». Скажите-ка, это наитие насчет нового отношения к честности было часом ниспослано вам не в тот момент, когда вы торговали футболками с рекламой меры вина в своем магазине католических сувениров?

Филомена слегка отпрянула:

— Разве гордыня не грех? Что это на вас нашло?

— Простите, я, наверно, немного расстроен. Сам не пойму, из-за чего. Большинство людей были бы в восторге от перспективы до конца дней своих ухаживать за прокаженными в Конго.

— О чем это вы?

— Именно так Блютшпиллер по традиции заканчивает свои ревизии. А вы сидите там и ему помогаете.

— Я знаю, что кардинал привержен традициям...

— «Традициям»! Дыба — вот что такое в нашей церкви «традиция». Колесование — тоже «традиция». Вырывание ногтей при помощи...

— Успокойтесь, Зап. Нынче не пятнадцатый век. Слушайте, Блютшпиллер — это Блютшпиллер. А Маравилья — совсем другой человек. Думаете, ему легко работать у кардинала? В сущности, он человек впечатлительный. Все это не доставляет ему ни малейшего удовольствия.

— Ага, — сказал я, — выходит, вы делите с ним его горе, да? Что же еще вы с ним делите?

Филомена зарделась:

— Так вот, значит, в чем дело! Целый год вы играли роль благородного монаха, ссылаясь на свой нерушимый обет безбрачия. А теперь вдруг начали ревновать. Как... трогательно!

— Ревновать? Я просто пытаюсь понять, на чьей вы стороне.

— Быть может, я и сама пытаюсь в этом разобраться.

— Наверняка монсеньер находит гораздо лучший подход к решению любого религиозного вопроса, чем некогда я. Я похож на Ричарда Чемберлена только при свете луны. Монсеньер похож на него при дневном свете.

Казалось, мои слова задели ее за живое, но она быстро справилась с волнением.

— Мне некогда утешать монаха, который связан обетом безбрачия и при этом томится от любви. — Она встала и направилась к выходу. — Почему бы вам не написать письмишко журналистке Энн Ландерз?

Я слушал, как она стучит каблучками по мраморному полу коридора.

В тот же день, в библиотеке, я рассказал Аббату и остальным монахам все, что узнал о Маравилье. Мы собрались там на «час научных занятий», который Аббат, дабы произвести впечатление на Маравилью, прибавил к нашему обычному расписанию. По его приказу мы сидели за столом с большими, покрытыми плесенью томами Аквинского, Беда и других отцов церкви. Себе он выбрал Латинскую Библию — огромный фолиант, где можно было спрятать любой изучаемый им текст Чопры.

Аббат внимательно выслушал мою разведывательную сводку. Теперь, когда мы оказались перед лицом общего врага, все нелады между нами были забыты.

— То, что он из богатой семьи, меня не удивляет, — сказал Аббат. — Он несомненно знает толк в хорошем вине.

— Что вы имеете в виду? — спросил я.

— Он уже выпил целый ящик «Фижака».

— Откуда вы знаете?

Аббат пожал плечами:

— Кто-то же должен спускаться в погреб, переворачивать бутылки... мы не можем полностью свернуть программу научных исследований и опытных разработок.

— Вы демонстрируете в высшей степени добросовестное отношение к делу, отец настоятель.

— Нельзя бросать хорошее вино на произвол судьбы, вы же понимаете. За ним нужно смотреть, ухаживать. Вино — это живое существо. Оно подобно ребенку. Необходимы строго определенные условия — влажность, температура...

Брат Боб оторвался от изучения географического атласа:

— Тут сказано, что в Кисангани средняя температура — девяносто два градуса, и это в прохладное время года. Влажность, похоже, более или менее постоянная. Для марочного вина стопроцентная влажность подходит?

Аббат нахмурился:

— Где находится Кисангани?

Когда брат Боб показывал ему это место, в библиотеку вдруг вошел Маравилья. Он заметил атлас с развернутой картой Экваториальной Африки.

— В этой части света еще очень много работы, — сказал он. — Столько страданий, невзгод! Будь святой Тад жив в наши дни, он находился бы именно там.

— А сами вы в ближайшее время не намереваетесь побывать на Черном континенте? — с надеждой спросил Аббат, спрятавшись за своей Библией.

— Если бы только это было возможно! — ответил Маравилья со своей слабой улыбкой. — Но кто знает, долго ли еще дела будут держать меня здесь.

— Один Бог, — сказал Аббат. Маравилья показал нам книжку, которую принес с собой — «Пробуди титана в душе» Энтони Роббинса.

— Я нашел ее на одной из скамей в церкви, — сказал он. — Очень интересная книжка.

Он раскрыл ее на двух чистых страницах с заголовками:

ВЕРОВАНИЯ, ДАЮЩИЕ ПРАВО ДЕЙСТВОВАТЬ
ВЕРОВАНИЯ, ЛИШАЮЩИЕ ПРАВА ДЕЙСТВОВАТЬ

— Видимо, читатель должен заполнить эти страницы самостоятельно.

И тут рискнул вмешаться брат Джин, наш ведущий последователь Роббинса:

— Это современный вариант иллюминированной рукописи. Данное упражнение оказалось весьма полезным для наших монахов.

Монсеньер кивнул:

— Скажите, кто такой этот Энтони Роббинс?

— Всего лишь самый влиятельный в двадцатом веке знаток внутренних побуждений, — сказал брат Джин.

В ответ на эти слова раздалось презрительное фырканье брата Тео, нашего ведущего специалиста по Стивену Кови, автору книги «Семь привычек людей, умеющих добиваться успеха». Из-за нескончаемого спора брата Тео с братом Джиним по поводу их пристрастий монашеская община разделилась на два лагеря. Однажды ковианцы перестали разговаривать с роббинсистами, даже отказавшись обмениваться ритуальным «поцелуем мира» во время мессы.

— Роббинс? — Брат Тео неодобрительно хмыкнул. — Энтони Роббинс, который только и знает, что ходить по раскаленным углям, точно какой-нибудь индийский факир? Монсеньер, он и вправду проделывает это на своих семинарах, пытаясь доказать людям, что они смогут все, если действительно захотят. Не знаю, проделал ли он это, выступая перед президентом в Кемп-Дэвиде. Но очень надеюсь, что нашему верховному главнокомандующему не пришлось последовать другому его совету — насчет того, как справиться с депрессией. Он рекомендует подпрыгивать и кричать: «Аллилуйя! Сегодня у меня не воняют ноги!»

Брат Джин встал на защиту своего гуру:

— Люди купили уже двадцать четыре миллиона видеокассет Энтони Роббинса. Возможно, его методика основана на эмоциях, но многим она приносит гораздо больше пользы, чем псевдорассудочность Стивена Р.Кови с его «матрицей управления временем» и «фокусировкой кругов предприимчивости».

Этот бурный богословский спор явно привел монсеньера Маравилью в замешательство. Он не спеша подошел к полкам, на которых теперь размещалась едва ли не лучшая частная коллекция первых изданий таких классических произведений, как «Календарь бедняги Ричарда» Бенджамина Франклина и «Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей»

Дейла Карнеги. Составляя эту коллекцию, Аббат опустошил отделы самообразования нескольких крупных книжных магазинов. Новейший канон заключал в себе сотни и сотни томов — от книги «Козырь: искусство экономической политики» до «Богатства без риска» и «Думай и обогащайся».

Маравилья пристально рассматривал собрание книг Чопры, безусловно, самое многочисленное. Он взял с полки тонкую замусоленную книжку. Я тотчас узнал ее: «Накопить и жить в достатке». Аббатов первоисточник.

— Его шедевр, — сказал Аббат. — Возможно, в нем нет такой стройкой системы, как в «Семи духовных законах преуспеяния», зато читается неизмеримо легче.

Последователи Роббинса, сидевшие за столом, принялись закатывать глаза.

Маравилья раскрыл книжку и прочел:

«Буква "P" символизирует расходы... деньги подобны крови, они должны течь».

Он покачал головой.

— Я не совсем понимаю.

— Милости просим в наш клуб! — сказал брат Джин. — Если хотите получить ясное представление о расходах, обратитесь к пяти-этапной программе Роббинса...

— Ах, оставьте! — сказал Аббат, фыркнув. — Не слушайте его, монсеньер. Если вы не можете обойтись без беспочвенного оптимизма, читайте Роббинса. Если вам нужны идиотские диаграммы, читайте Кови. Если же вам нужны результаты, читайте Чопру.

Маравилья испытующе посмотрел на Аббата:

— Интересно, что за «результаты» вы имеете в виду?

— «*Si monumentum requiris circumspice*»³¹, — ответил Аббат. — Без Дипака Чопры не было бы ни горы Кана, ни паломников, ни винодельни, не говоря уже об Административно-отшельническом центре, в котором вы, кажется, так... хорошо устроились.

Взгляд Маравильи сделался суровым.

— Расходы должны течь, как кровь? В каком же именно месте Священного Писания Господь призывает нас к расточительству? Я уверен, что кардиналу Блютшпиллеру было бы интересно послушать, как вы примирите Чопру с Церковью.

Я опасался, что Аббат не готов к спору о Священном Писании с одним из высокопоставленных представителей Папы Римского. Насколько мне было известно, за много месяцев он ни разу не потрудился раскрыть требник и прочесть что-нибудь, кроме написанных братом Майком «либретто» библейских текстов. Но именно они послужили ему орудием в споре.

— Монсеньер, несомненно, не забыл тот самый отрывок, который мы недавно обсуждали в моей келье. Притчу о блудном сыне, вознагражденном своим отцом за то, что не скупился на деньги. — Аббат с гордым видом повернулся к брату Бобу и сказал: — Будьте любезны напомнить монсеньеру, о какой именно цитате идет речь.

— Лука, пятнадцать, одиннадцать — тридцать два, — сказал брат Боб.

Монахи уважительно ахнули.

— Лука, двенадцать, пятнадцать, — тотчас парировал Маравилья.

В мертвой тишине мы услышали, как брат Боб торопливо перелистывает назад страницы Нового Завета. Найдя нужный стих, он громко прочел:

«При этом сказал им: смотрите, берегитесь любостыжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения».

Аббат наморщил лоб. Он рылся глубоко в своем до-дипаковском банке памяти.

— Второзаконие... восемь...

³¹ Эпитафия на могиле Кристофера Рена, архитектора, построившего собор святого Павла в Лондоне: «Если ищешь памятник ему, оглянись вокруг».

«Ну же, вспоминай быстрее!» — подумал я. Он улыбнулся:

— Да. Второзаконие, восемь, десять.

Брат Боб принялся лихорадочно листать страницы. Потом прочел:

«И когда будешь есть и насыщаться, тогда благословляй Господа, Бога твоего, за добрую землю, которую Он дал тебе».

Монахи взволнованно перешептывались.

— К Тимофею, шесть, шесть — десять, — сказал Маравилья. — Шах и... если не ошибаюсь, отец настоятель... мат.

Брат Боб угрюмо процитировал:

«А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу».

Внезапно в комнате стало томительно жарко, почти как в Кисангани. Мы умоляюще посмотрели на Аббата. У него на виске показалась тонкая струйка пота.

Маравилья повернулся, не спеша подошел к книжным полкам и запихнул «Накопить и жить в достатке» на место. Потом направился к выходу. В тот момент, когда он уже почти скрылся за дверью, голос Аббата заставил его резко остановиться.

— Екклесиаст, шесть, один — два.

Аббат улыбнулся монсеньеру. Монсеньер не улыбнулся в ответ. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем брат Боб начал читать отрывок:

«Есть зло, которое видел я под солнцем, и оно часто бывает между людьми: Бог дает человеку богатство и имущество и славу, и нет для души его недостатка ни в чем, чего ни пожелал бы он; но не дает ему Бог пользоваться этим, а пользуется тем...»

Следующие слова брат Боб произнес, подняв голову и посмотрев на Маравилью:

...Чужой человек...»

Аббат закончил цитату:

«Это — суета и тяжкий недуг!»

Маравилья посмотрел на нас. На мгновение мне показалось, что он готов тут же отлучить нас от Церкви. Но потом мы увидели его слабую улыбку.

— Bravo, отец настоятель! — сказал он. — Вечером я выпью за ваше здоровье. — Он помолчал. — Бокал «Петрю» шестьдесят первого года.

— Нет, только не «Пе...», — начал было Аббат, но Маравилья уже вышел за дверь.

Как только он оказался вне пределов слышимости, мы устроили Аббату овацию.

Мои сомнения по поводу Чопры все еще не рассеялись, но надо отдать должное Аббату. Между Дипаком и Екклесиастом существует очевидная параллель. В тот момент в библиотеке я усвоил Пятый закон духовно-финансового роста:

V. ДЕНЬГИ НЕ ПРИНЕСУТ ВАМ СЧАСТЬЯ, ЕСЛИ ВЫ ИХ НЕ ИСТРАТИТЕ.

Рыночная медитация пятая

Разве удачная покупка ни разу не приносила мне счастья?

Увидев в демонстрационном зале великолепную дорогую машину, я хоть раз сказал себе: покупать такие вещи — это просто расточительство?

Может, на самом деле мне кажется, что я недостаточно хорош для этой машины?

Не считает ли Бог, что эта машина слишком хороша для меня?

Может, Бог ездит на «королле» семьдесят восьмого года?

Как давно я уже не давал себе волю и не тратился на что-нибудь действительно приятное?

Что мешает мне сделать это прямо сейчас?

НЕДОСТАТОК СРЕДСТВ НА СЧЕТЕ?

А как же быть с поговоркой «не потратишь — не заработаешь»?

Ваши вопросы просто бесподобны! Вы делаете поразительные успехи. А теперь соберите все квитанции о покупках, сделанных вами в последнее время по кредитной карточке. (Не надо складывать из них бумажные самолетики!) Внимательно изучите каждую квитанцию и спросите себя: вызвала ли купленная вещь ощущение счастья? Или она вызвала у меня ощущение *большого* счастья? Потом положите квитанцию в одну из двух пачек: СЧАСТЬЕ и БОЛЬШОЕ СЧАСТЬЕ. Возьмите карандаш, калькулятор и листок бумаги. (ВНИМАНИЕ! Уберите бумажный самолетик, он не понадобится!) Отлично. Определите суммарную покупную цену для каждой пачки. Готово? Не торопитесь... Ваши две пачки, вероятно, выглядят примерно так:

СЧАСТЬЕ

Электродепилятор для носа, 52 доллара

Блок сигарет, 26 долларов

Пистолет (чешского производства, калибр 0,22), 72 доллара

Итого: 130 долларов

БОЛЬШОЕ СЧАСТЬЕ

Сиденье для унитаза, обитое норковым мехом, 412 долларов

Бриллиантовый брелок в виде знака зодиака, 1330 долларов

Каютный круизный лайнер (с турбонагнетателем), 2 750 000 долларов

Итого: 2 751 742 доллара

Ну, а теперь, разделив сумму для каждой пачки на количество квитанций в этой пачке, определите Среднюю цену товара™. Тщательно, не спеша, проверьте результаты своих вычислений. В вышеприведенных примерах СЦТ™ для пачки «СЧАСТЬЕ» составит 43,33 доллара. СЦТ™ для пачки «БОЛЬШОЕ СЧАСТЬЕ» составит 917 247,33 доллара. В действительности вы, возможно, получите другие результаты — ничего страшного. Но вы уже заметили *существенную разницу между двумя пачками*: БОЛЬШОЕ СЧАСТЬЕ стоит гораздо дороже СЧАСТЬЯ. Если это не так, снова проверьте результаты своих вычислений или позвоните в компанию, выдавшую вам кредитную карточку, и потребуйте, чтобы вашу карточку немедленно аннулировали!

Ну что, «похоже, все сходится»? Еще бы! Это известно, как Первое следствие Пятого закона™:

Чем больше денег вы истратите, тем счастливее будете.

Молитва неунывающего транжиры

Отец Небесный, осуществляющий все финансовые операции,
сделай так,

чтобы все покупки по моей кредитной карточке незамедлительно
санкционировались,

каким бы незначительным ни был остаток на моем банковском
счете.

Не позволяй мне ни отказываться от выгодного вложения средств,
ни держать свой бумажник под спудом.

И не пускай чужих людей ко мне на порог, чтобы не пользовались
они богатством,

коим лучше было бы воспользоваться мне самому.

Пусть буду я таким же, как Блудный сын, не скупившийся на отцовские деньги,
живший на самую широкую ногу, не желавший ни работать, ни экономить,
а когда настанут трудные времена, и все деньги будут истрачены,
и не станет мне прохода на улицах от назойливых кредиторов,
прими меня снова в Доме Своем с распростертыми объятиями.

Глава шестая

Незадачливый паломник...

Монсеньер отдыхает...

Призрак по имени Себастьян...

Рим гневается...

Ужасающий сюрприз

Следующий месяц принес сплошные несчастья. «Уайн спектейтор», один из ведущих винных журналов в стране, оценил «Секрет Аббата» в семьдесят два балла по столбальной шкале. Критик отметил его «необычайно высокую цену для каберне, выращенного на севере штата Нью-Йорк», и охарактеризовал его вкус, как смесь «ежевикеи, авокадо и перезрелых бананов — сочетание отнюдь не божественное». Фрэнк Прайел из «Нью-Йорк Таймс», также пораженный его «заоблачной ценой», счел, что оно «подозрительно напоминает некоторые терпкие столовые вина из чилийской долины Майпо». (Несомненно, Прайел знал толк в чилийских винах.) Количество заказов на «Секрет Аббата» резко сократилось и продолжало уменьшаться даже после того, как мы снизили цену.

Потом произошел несчастный случай. Брат Джером проводил дегустацию для группы паломников — членов благотворительного общества католиков «Рыцари Колумба» из Баффало, штат Нью-Йорк, — и где-то между пятым и шестым бокалами заявил, что «вино приближает нас к Богу!». Один из подвыпивших «рыцарей», по-видимому, воспринял эти слова в буквальном смысле. Он отделился от группы и по тропинке, не проложенной еще до конца, начал восхождение на гору Кана. Добравшись до алтаря святого Тада, он каким-то образом, несмотря на ограждение, свалился в яму с колючими кустами, где около получаса, до тех пор, пока его крики не были услышаны, подвергнулся умерщвлению плоти. В иске на двадцать миллионов долларов были упомянуты семьдесят восемь швов, наложенных истцу, а также «тяжелое нервное потрясение, явившееся следствием применения средневековой пытки». Несколько многочисленных групп паломников отказались от экскурсии после того, как в одной из газет Баффало появился такой заголовок:

КОШМАР РЫЦАРЯ В КАНСКОЙ ВИНОДЕЛЬНЕ.

Мы предвкушали доход от водной горки «Канский каска-ад», которая должна была открыться как раз к началу летнего сезона, однако строители отстали от графика и превысили смету. Эллиот испытывал затруднения с подачей изготовленной на заказ «Канской красной» краски в гигантский «мерный кувшин», стоявший на горе. Краска постоянно просачивалась в систему, вырабатывавшую снег для вершины. В результате Кана походила не на величественную заснеженную гору, а скорее на наполовину растаявшее вишневое мороженое.

— Для создания снежных вершин, — объяснил Эллиот, — в основном применяются белила.

Мой рабочий стол был завален счетами от наших адвокатов, строительных компаний и поставщиков чилийского вина. Однажды днем я решил обсудить наши финансовые проблемы с монсеньером Маравильей, который взял на себя контроль над нашими банковскими счетами.

Войдя в президентские апартаменты, я с удивлением обнаружил, что монсеньер смотрит телевизор, а рядом, на низком столике, стоит початая бутылка «Шато Дюар-Милон Ротшильд».

Он смотрел футбол на большом экране. Я откашлялся, чтобы дать знать о своем присутствии. Он мельком взглянул на меня и знаком предложил сесть.

— Обычно я так рано не отдыхаю, — сказал он, не сводя глаз с экрана, — но сегодня особый случай. Моя команда, «Милан», играет со «Штутгартom».

Я попытался охватить умом всю чудовищную важность матча «Милана» со «Штутгартom».

— Со «Штутгартom»? — переспросил я.

— За эту команду болеет кардинал, — прошептал он. — А мы выигрываем с разницей в один мяч!

Никогда еще я не видел, чтобы он выглядел таким довольным. Словно заправский комментатор, он охарактеризовал мне замечательные индивидуальные качества каждого миланского футболиста. Когда знаменитого нападающего «Штутгарта» Вилли Бекера уносили с поля после грубо выполненного подката, Маравилья едва сдерживал ликование.

— Блютшпиллер наверняка убит горем, — взволнованно сказал он. — Бекер его любимый игрок. За это надо выпить!

Не успел я возразить, как он достал еще один бокал и наполнил его. Потом вручил мне и со звоном стукнул об него своим:

— За победу над Германией!

Пить мне не хотелось, но я решил, что благоразумнее будет отметить вместе с монсеньером радостное для него событие. Я выпил глоток. Вино оказалось отменным. Маравилья осушил свой бокал и налил себе еще, опорожнив бутылку. Не было еще и трех часов дня. Неудивительно, что он держался гораздо менее церемонно, чем обычно.

— А в Ватикане вы смотрите футбол вместе с кардиналом? — спросил я.

— Браво, Марио! — вскричал он, глядя на экран. — Да, смотрим... иногда.

— Это, наверно, здорово.

— Только не том случае, если проигрывает его команда. Когда он недоволен, лучше всего оказаться где-нибудь в другом месте. Хорошо, что сегодня нас разделяет Атлантический океан. — Он потягивал вино. — Право же, — несколько легкомысленно продолжил он, — такие дни, когда лучше бы нас разделял океан, бывают часто.

К футболу я был равнодушен, но эти рассуждения начинали вызывать у меня интерес. Я составил ему компанию и выпил еще один глоток.

— Полагаю, работать у кардинала не так уж и легко.

— Легко? Ха!

Заметив, что бутылка уже пуста, он встал и, спустившись по лестнице, скрылся в Аббатовом винном погребе. Минуту спустя он вернулся с бутылкой другого вина — «Лафит Ротшильд» стоимостью в сто пятьдесят долларов. А в это время где-то проливал слезы Аббат.

— А знаете, брат Зап, я уже начал ценить уединенную жизнь в вашем монастыре. Здесь царит умиротворенность. Честно говоря, будь моя воля, я бы не особенно спешил возвращаться в Ватикан с его неотложными делами. Мне у вас очень нравится.

Пока он переливал вино из бутылки в графин на серванте, я увидел рядом с видеомagneфоном знакомую коробку от кассеты.

— Вы смотрели «Поющих в терновнике»? — спросил я.

— Мы досмотрели до того места, где священник получает деньги старой дамы, — сказал он, вернувшись с графином к кушетке. — Скажите мне одну вещь. Как по-вашему, похож я на этого актера, Ричарда Чемберлена?

— Даже не знаю. Мне говорили, что я и сам на него похож.

Маравилья внимательно посмотрел на меня.

— Нет, — сказал он, — я не вижу сходства.

— Вообще-то, — сказал я, собравшись с духом, — я пришел не для того, чтобы поболтать о Ричарде Чемберлене. Наш текущий счет исчерпан. Чтобы заплатить по счетам, необходимо Использовать резервные фонды. Нам нужно примерно...

— Fermatelo! Fermatelo! No! No! Nooo!³²

Я посмотрел на экран. «Штутгарт» забил гол. Маравилья повалился на кожаный диван. Счет сравнялся, а до конца матча оставалось всего несколько минут. В последние секунды «Штутгарт» забил после углового победный мяч. Маравилья с такой силой поставил бокал на столик, что откололось доньшко.

— Porca miseria! Li mortacci tua!^[31a]

Мне было известно, что европейцы относятся к своему футболу серьезно, однако потрясение монсеньера казалось несколько несоразмерным. Я начал подозревать, что оно связано не столько с футболом, сколько с теми чувствами, которые Маравилья испытывает по отношению к Блютшпиллеру.

— Вероятно, — сказал я, вставая, — сейчас не самое подходящее время для обсуждения финансовых вопросов.

Казалось, Маравилья пришел в замешательство.

— Нет, сейчас так сейчас, — оказал он деловым тоном. — Так вы говорите, вам деньги нужны?

— Да. Чтобы оплатить счета.

— Я не могу санкционировать выплаты из резервных фондов. Если вам нужны деньги, придется раздобыть их где-нибудь в другом месте. — Он встал, дав понять, что разговор окончен. — Я слышал, у вас блестящие способности к добыванию денег, брат Зап.

Я опрометью бросился в Паломнический центр, к Филомене. Нетвердо держась на ногах после выпитого вина, я налетел на ребенка, который стоял у кассы вместе с родителями, покупавшими подвижную игрушку на батарейках — «Искупителя-2». Игрушка с грохотом упала на пол и включилась сама. Пластмассовый святой Тад пополз вперед на коленях, стуча правой рукой себя в грудь и твердя записанным на пленку голосом: «Mea culpa! Mea culpa! Mea maxima culpa!»³³

— Mea culpa! — сказал я мальчику, наклонившись, чтобы поднять с пола его игрушку. При этом я почему-то потерял равновесие и упал ничком, раздавив голову святого Тада коленной чашечкой. К моему большому стыду, самостоятельно встать я не смог, и мне помог отец мальчика, одновременно утешавший сына, закатившего истерику. Обезглавленный торс святого Тада продолжал твердить «театеатеатеа...».

— Он отрубил голову святому Таду! — закричал малыш.

— Не плачь, — сказал отец, — мы тебе нового купим.

— За счет фирмы, — простонал я, потирая ушибленное колено. Потом обратился к малышу: — А знаешь, именно так и погиб настоящий святой Тад.

— Кто-то на него наступил? — спросил мальчик.

Я велел брату Алджернону, сидевшему за кассой, отдать малышу «Искупителя-2» бесплатно. Потом, прихрамывая, направился наверх, в апартаменты Филомены.

— Что с вами? — спросила она.

— На меня напала одна из ваших подвижных кукол. Можно сесть?

Филомена вышла из-за стола и помогла мне сесть на стул. Должно быть, она учуяла легкий запах перегара.

— Зап! Вы что, опять пьете? Днем?!

— Я был у монсеньера.

— Как вы себя чувствуете? — обеспокоенно спросила она. — Что-нибудь стряслось?

— Еще как стряслось! — сказал я.

³² Держи его! Держи его! Нет! Нет! Не-е-ет! (ит.)

^{31a}

Буквально: «Жалкая свинья! Да сдохнет вся твоя родня!» (ит.)

³³ Строчка из латинской мессы: «Это я виноват, это я виноват, это я совершил страшный грех».

— Что?

— «Штутгарт» выиграл.

Она посмотрела на меня:

— О чем это вы?

— Мы вместе смотрели телевизор. Вдвоем — нет, втроем, если принимать в расчет барона Ротшильда. Устроились очень уютно, хотя смотрели только футбол. Посмотреть «Поющих в терновнике» так и не удалось. Но этот фильм он, наверно, приберегает для кого-то другого, — сказал я. — Для того, кто уверяет его, что он очень похож на Ричарда Чемберлена.

— Право же, Зап!

— Кажется, это сравнение доставляет ему удовольствие.

— Но он и вправду похож на него. Я не виновата.

— Ясное дело. Вы просто были с ним откровенны. Помогали ему проводить ревизию. Это входило в ваши непосредственности... непосредственно... в ваши обязанности. «О, монсеньере мио! Я хоть раз сказала вам за прошедшие десять минут, что вы — вылитый Ричард Чемберлен?»

— Ну хорошо, однажды вечером мы смотрели «Поющих в терновнике». Велика важность! Мы страшно устали. Десять часов подряд изучали ведомости. Три раза звонил Блютшпиллер и орал на него. Я слышала его голос, сидя в другом конце комнаты. Вы хоть представляете себе, какое давление на него оказывают? У него не начальник, а сущий дьявол.

— А вы всячески стараетесь им помочь. Играете в команде Блютшпиллера. Делаете все для того, чтобы нас отправили в Конго. Неужели вы не чувствуете за собой никакой вины? А ведь почти вся эта липа — ваша идея. Чудо в Кане! Футболки с изображением меры вина! Игрушечные мученики!

Больное колено начало пульсировать.

— Возможно, я была не права. Некоторые из произошедших здесь перемен вряд ли так уж угодны Богу. Вся эта погоня за всемогущим долларом... В последнее время я много об этом думаю. Работа с Рэем заставила меня...

— С Рэем? Кто такой Рэй?

Филомена зарделась:

— Я хотела сказать, с монсеньером.

— Ах, этот Рэй! Рафаэлло Чемберлен. Ну конечно.

— Не пора ли свыкнуться с этим, Зап?

— Извините. Просто я не обладаю вашим умением с легкостью переводить разговор на нейтральные темы. Но с другой стороны, я дал обет безбрачия.

— Мне некогда, — сказала она. — Я не обязана слушать пьяного монаха.

Я с трудом поднялся со стула и поковылял к выходу. Мне ужасно хотелось придумать находчивый ответ, нанести прощальный укол, достойный Оскара Уайльда. Добравшись до двери, я с гордым видом обернулся:

— Да пошла ты в меру!

Несколько дней спустя Аббат пригласил меня, Филомену и Брента, нашего режиссера, на совещание. Вчетвером у него в келье было тесновато. Брента привела в восхищение солома.

— Это помогает от каких-нибудь хворей? — спросил он.

— Нет, — сказал Аббат, — это исключительно от нищеты.

— А я думал, с нищетой вы покончили.

— Именно это мы и должны обсудить. Количество заказов уменьшается, расходы увеличиваются. Нужно каким-то образом генерировать поток прибыли. Нужны новые идеи. Нужно вновь сотворить чудо в Кане.

Первой высказалась Филомена:

— Монсеньер полагает, что нам следует сосредоточить усилия на производстве более качественного вина.

Мыс Аббатом принялись закатывать глаза. Аббат сказал:

— Как?! Неужто он уже выпил все наше бордо?

— Quod seris metes, — сказала она.

— Мне страшно нравится этот фильм, — сказал Брент. — Устинов в роли Нерона

неподражаем.

— Это «Quo Vadis», — сказала Филомена.

— В последнее время Филомена делает большие успехи в изучении латыни, — сказал я. — Она берет частные уроки.

— Это значит «что посеешь, то и пожнешь», — продолжала она, не обращая внимания на меня. — Монсеньер хочет сказать, что если мы будем производить хорошее вино, нам не придется беспокоиться об организации сбыта.

В келье наступило красноречивое молчание.

— Над этим стоит подумать, — сказала Филомена.

— Хорошо, — сказал Аббат. — А теперь, когда мы подумали над этим, давайте перейдем к угрозе нищеты. Что скажете, Brent?

— Мы могли бы снять еще один традиционный рекламный ролик. «Чудо два» — новое, более совершенное и грандиозное. Но, как я погляжу, у нас тут проблема с контролем качества. Мы должны спросить себя: кто купится на такую рекламу? Люди уже попробовали это вино. Они знают, каково оно на вкус. Надо смириться с тем, что серьезные ценители вина на нашу приманку не клонут. Они читают специальные журналы и знают, что это отвратная бормотуха.

— Это чилийское столовое вино, вполне пригодное для питья, — сказал Аббат.

— Правильно, и нужно найти людей, готовых этим довольствоваться. Ясно, что речь идет не о самых искушенных людях. И это хорошо. Чем меньше они знают, тем лучше. Ну, а если они еще и не понимают, что написано на этикетке, — отлично, значит, речь идет о гигантском рынке сбыта.

— Короче говоря, нам нужны бестолковые люди, — сказал Аббат.

— Вот вам и новая рекламная формула, — сказала Филомена. — «"Кана" — вино, которое подают, когда гости слишком тупы, чтобы уловить разницу».

— Именно! — сказал Brent. — А для рекламы такого товара традиционный ролик не годится, тут нужна большая информационно-рекламная передача. Забудьте о дорогостоящих рекламных паузах во время демонстрации «Звуков музыки». За ничтожную долю этой суммы можно купить целых тридцать минут на ночном кабельном канале.

— Это что, самый рентабельный способ охватить всех бестолковых потенциальных покупателей? — спросил я.

— Именно! — сказал Brent. — Знаю, в эффективность подобных методов верится с трудом. Я и сам был скептиком до тех пор, пока не сделал информационно-рекламную передачу о деревушке Фатима с участием Рикардо Монтальбана. — Он посмотрел на Аббата. — Вы ее видели?

— К сожалению, нет, — сказал Аббат.

Я не был уверен, что он признался бы, даже если бы видел.

— Сперва я подумал: ну и ну, у нас же ничего — то есть nada — нет! Не на что опереться. Был какой-то храм в Португалии, где ватага ребятишек, по их словам, когда-то, давным-давно, видела Деву Марию. Мы слышали небылицы о чудесном исцелении да об огнях, кружащихся в небе — по правде говоря, эти крестьяне чересчур подолгу глазеют на солнце. А на роль ведущего ко мне привели актера, который зарабатывал на жизнь тем, что торговал вразнос обивкой из коринфской кожи. Я думал, у нас никогда ничего путного не выйдет. Но передача принесла прибыль.

— Как же вы намереваетесь рекламировать «Кану»? — спросила Филомена.

— Я подумывал о том, чтобы пригласить Салли Филд.

— Эту «летающую монахиню»? Вы, наверно, шутите.

— А что? Представьте себе, как она выпивает большой глоток вина и говорит: «Оно вам понравится! Оно вам очень понравится!»

— Но даже если предположить, что вам удастся заполучить Салли Филд, оно вряд ли понравится людям, — сказала Филомена. — Организация сбыта — это еще не все. Покупателям должно понравиться именно вино.

Аббат коснулся руки Филомены и обеспокоенно посмотрел на нее:

— Вы часом не захворали?

Салли Филд мы, конечно, так и не заполучили, зато заполучили Хью О'Тула. Его карьера достигла своего пика тремя десятилетиями ранее, когда он сыграл главную роль в телесериале «Святой Дух!» — о приходском священнике, в чьей исповедальне обитает призрак по имени Себастьян, который то и дело избавляет его от неприятностей — а попутно причиняет новые, еще большие, — творя чудеса. (Роль вечно недовольного епископа играл Фред Макмарри.)

Съемки заняли неделю. Для первого кадра Brentova съемочная группа соорудила точную копию исповедальни из «Святого Духа!». Заметно располневший О'Тул втиснулся в нее не без труда. Но, сев там и услышав записанный на пленку голос, доносящийся из-за перегородки, он сразу же вновь вжился в образ своего бывшего героя.

— Благословите меня, святой отец, ибо я нашел лучшее из когда-либо произведенных вин! — раздался знакомый писклявый голос призрака Себастьяна. — Крепкое, с тонким букетом, душистое и при этом вкусное, сохраняющее аромат винограда и при этом рассчитанное на самого искушенного ценителя, приготовленное руками праведников и поставляемое по божеской цене!

— Себастьян! — прошипел О'Тул. — Сколько раз можно повторять, что тебе нельзя появляться в исповедальне!

— Но, святой отец, вы должны попробовать это вино!

— Только не в исповедальне!

После этой реплики двое техников при помощи удочек опустили к самому носу священника бутылку «Каны» и бокал. Увидев парящие в воздухе предметы, О'Тул устремил на них свой фирменный оторопелый взгляд и испустил свой фирменный страдальческий крик:

— Прошу тебя, Себастьян... не надо больше чудес!

О'Тул потянулся за бутылкой, которая тут же взмыла вверх, оказавшись вне пределов досягаемости. Вслед за ней он выбрался из исповедальни и в конце концов очутился у парадной двери Каны. Бутылка постучалась в дверь, которую открыл сияющий Аббат. Он охотно повел О'Тула на экскурсию в винодельню — минуя Административно-отшельнический центр. О'Тул изображал изумление, а Аббат отвечал на каверзные вопросы — к примеру, на такой:

— На вкус божественно вино — как же делается оно?

— Три вещи. Упорный труд, хороший виноград — и капля особого вещества, формулу которого мы открыли здесь, в Кане. — Аббат показал на автоматическое устройство, из которого в каждую бутылку, двигавшуюся на конвейере, падала капля подлинного канского вина.

— Что же это такое? — спросил О'Тул.

— Ну, — ответил Аббат, подмигнув ему с невинным видом херувима, — это, скажем, секретный компонент, который мы называем... любовью.

Лично я сомневался, стоит ли придавать особое значение именно этому аспекту нашей технологической операции. Помимо того, что это могло поставить нас в неловкое положение — я уже представлял себе газетный заголовок: «СЕКРЕТНЫЙ КОМПОНЕНТ МОНАХОВ: СКВЕРНОЕ ВИНО» — эти слова вполне могли вызвать интерес у наших старых приятелей из Бюро алкоголя, табака и огнестрельного оружия. Разговоры о «секретных компонентах» могли быть истолкованы, как претензия на врачевание — серьезное нарушение федерального законодательства. На эту проблему я и обратил внимание Аббата и Brenta.

— Насчет БАТО не беспокойтесь, — сказал Аббат. — Они не посмеют преследовать общину бедных монахов из-за смехотворной технической детали. Я нагнал страху на того агента.

— Мне он особенно испуганным не показался, — сказал я.

Аббат угрюмо посмотрел на меня:

— Разве вам не нужно заниматься фондом страхования от потерь, брат? Результаты вашей деятельности за минувший квартал вызывают некоторое разочарование.

Это был недвусмысленный намек на то, что я должен удалиться.

Следующие две недели я провел, покорно уставившись на экран компьютера и с беспокойством следя за тем, как снижается курс доллара по отношению к дойчмарке. После обеда, в калефактории, я слышал обрывки разговоров о съемках: о сооружении нового грота у подножия горы Кана, об автобусах, битком набитых актерами массовой из Нью-Йорка, о

жарких спорах между Филоменой и Brentом.

— Радуйтесь, что вас не втянули в сегодняшний спор, — сказал однажды вечером брат Боб. — У них, как они выражаются, «серьезные творческие разногласия».

Премьерного показа информационно-рекламной передачи пришлось дожидаться до часу ночи. Меня клонило в сон, и, глядя, как Аббат ведет Хью О'Тула на экскурсию, я едва не задремал, но когда они проходили мимо довольно большой груды костылей, я резко выпрямился на стуле.

— Что это такое? — шепотом спросил я у Brentа, сидевшего рядом.

— Костыли, — сказал он.

— Вижу, что костыли. Откуда они взялись?

— Просто таким образом мы быстро и наглядно даем понять, что перед нами святыня. Все это должно ассоциироваться у зрителя с Лурдом и Фатимой.

— Зачем?

— Сейчас увидите. Следующая сцена наверняка заставит вас прослезиться.

Аббат и О'Тул задержались у подножия горы Кана, возле грота, сооруженного реквизиторами Brentа. Посреди бассейна возвышалась большая бутылка «Каны», из которой било струей красное вино. Рядом стояла группа паломников — они негромко переговаривались, подставляя под струю бокалы.

— Превосходный букет!

— Я чувствую себя на десять лет моложе!

— Какой прекрасный мягкий вкус!

— Я сбросил пятнадцать фунтов!

— Не понимаю... как они могут продавать такое первосортное вино дешевле чем за десять долларов?

— Я снова могу ходить!

Аббат и О'Тул остановились, чтобы поговорить с молодой женщиной по имени Brentа, которая только что бросила в кучу свои костыли. Она бойко объяснила, что уже подумывала о самоубийстве, когда узнала о «Кане» от одного приятеля, выпившего ящик этого вина и вновь обретшего зрение.

— Поразительно! — сказал девушке О'Тул, взяв слойку с розовым кремом у монаха, обходившего всех с подносом закусок. Повернувшись к Аббату, О'Тул серьезно спросил: — Отец настоятель, скажите нам, каким образом вино могло исцелить всех этих людей?

— Видите ли, Хью, — сказал Аббат, — мы здесь, в Кане, не считаем себя профессиональными целителями. Мы лишь пытаемся делать замечательное вино по замечательной цене. А чудеса, подобные тому, которое произошло с Brentой, да и с другими присутствующими здесь людьми, способен творить только Бог.

И тут послышался чей-то писклявый голосок:

— И я!

— Молчи, Себастьян! — приказал О'Тул.

Аббат повел О'Тула (и Себастьяна) на гору Кана, предупредив его, когда они проходили мимо алтаря святого Тада:

— Держитесь подальше от тех колючих кустов, Хью, если, конечно, вы не расположены к небезопасному умерщвлению плоти.

— Спасибо, не сегодня.

— Ой! — взвизгнул Себастьян. — Ну вот, теперь придется покупать новый саван!

На вершине они сели в одну из лодок «Канского каска-ада». Аббат откупорил бутылку «Секрета Аббата». Поднялась суматоха, когда Себастьян потребовал уступить ему место впереди. О его присутствии свидетельствовал парящий в воздухе бокал вина.

— Итак, отец настоятель, — сказал О'Тул, когда они смотрели вдаль, на солнце, садившееся за виноградниками, — скажите нам... сможете ли вы с монахами произвести достаточное количество этого чудесного вина, чтобы поделиться со всеми людьми, которые хотят его купить?

— Безусловно, мы стараемся, Хью. Но я не знаю, надолго ли хватит наших запасов.

— Значит, люди, желающие заказать это замечательное вино, должны сделать это без промедления, не теряя ни минуты?

— Совершенно верно, Хью. Им следует позвонить по телефону, указанному в нижней части экрана. В течение ограниченного периода времени мы даже будем поставлять точную копию знаменитого мерного кувшина, которым Господь наш пользовался на брачном пиру в Кане. Наши монахи готовы отвечать на звонки. Они принимают кредитные карточки всех крупных фирм. Впрочем, мелких тоже.

— А что, если людям захочется приехать в Кану? Можно ли здесь хорошо отдохнуть всей семьей?

Себастьян спросил:

— А зачем тут эта рукоятка?

— Ничего не трогай! — сказал О'Тул, но рукоятка рядом с передним сиденьем повернулась назад.

— Держитесь! — сказал Аббат.

— Нет, не надо! — вскричал О'Тул, когда лодка плавно двинулась вперед, к краю наклонного искусственного канала. — Себастья-а-а-а-а-ан!

Бочка с шумом промчалась вниз по желобу и остановилась у подножия горы, подняв брызги окрашенной в цвет вина воды.

Люди, толпившиеся у грота, заплодировали, побросали оставшиеся костыли и стали бегом подниматься в гору.

— Вот это я и называю чудом! — сказал Себастьян, а его парящий в воздухе бокал наклонился и опустел.

Информационно-рекламная передача закончилась. Мы услышали, как рядом, в Центре выполнения заказов, раздается мелодичный телефонный перезвон.

— Вы только послушайте! — сказал Brent и запел: — Холмы оглашаются... звоном монет!

В течение месяца мы приняли заказы на сто пятьдесят тысяч ящиков «Каны» и обслуживали в среднем две тысячи триста паломников в день. После оплаты счетов у нас еще осталось десять миллионов долларов в банке. В Нью-Йорк уже направлялся танкер с чилийским каберне. Аббат грелся в лучах возрожденной славы Каны, устраивая экскурсии для репортеров и ВВП (весьма важных паломников), и уже начал переговоры с Эллиотом по поводу очередного своего проекта, который называл «Канской винолечебницей». Я и слышать об этом не хотел, но Эллиот сообщил мне, что проект предполагает «опыт полного погружения в очень горячее вино». Они с Аббатом попытались уговорить Филомену составить коммерческий план создания их нового курорта для страдающих ожирением и выпуска продукции лечебно-косметического назначения с маркой «КанаВрачевание»™, но она отказалась, сославшись на то, что едва справляется с наплывом паломников. Что до монсеньера Маравильи, то он ни словом не обмолвился о последних событиях. Он ни разу не упомянул ни об информационно-рекламной передаче, ни о растущей груди костылей у грота, ни о том, когда намерен завершить свою, по-видимому, нескончаемую ревизию.

Однажды утром брат Майк, помощник Аббата, принес мне письмо из Бюро алкоголя, табака и огнестрельного оружия. Оно было адресовано Аббату.

— Он велел мне его выбросить, — сказал брат Майк. — Но я подумал, что вы, наверно, захотите сначала на него взглянуть.

Я прочел:

В связи с рекламой винной продукции «Кана», показанной недавно по телевидению, данный документ представляет собой официальное уведомление о том, что демонстрация вышеупомянутой рекламы является нарушением Свода федеральных законов (том 27, раздел 4.39, параграф «ж»), согласно которому запрещено любое утверждение, что «употребление вина дает целебный или терапевтический эффект, если таковое утверждение в каком-либо отношении не соответствует действительности или может ввести в заблуждение». К категории

необоснованных претензий на врачевание особо отнесены:

- восстановление способности передвигаться;
- похудение;
- рост новых волос;
- избавление от тревоги;
- лечение кожных болезней;
- повышение половой потенции;
- возвращение зрения.

Настоящим вам предлагается явиться в вышеуказанное бюро, чтобы возразить на данные обвинения. Рекомендуется прийти в сопровождении юрисконсульта. У вас будет возможность оспорить обвинения и одновременно представить факты, которые, как вы полагаете, свидетельствуют в пользу вашей позиции.

Кроме того, примите к сведению, что данное бюро ранее уже получало от потребителей жалобы, касающиеся невыполнения телефонных или почтовых заказов на вашу продукцию.

Примите также к сведению, что начали поступать жалобы относительно достоверности информации, приведенной на этикетке вашей продукции. В инструкциях БАТО особо оговорено, что слова «произведено в» разрешено употреблять только в отношении продукции, которая удовлетворяет определенным требованиям.

По данному дополнительному кругу вопросов вы сможете выступить на запланированном слушании, упомянутом выше.

В качестве наказания виновных в вышеуказанных нарушениях предусмотрены значительные штрафы, конфискация имущества и тюремное заключение.

Я поднял голову и посмотрел на брата Майка:

— Аббат велел вам это выбросить?

Брат Майк пожал плечами:

— Ага. В последнее время ему вроде как и дела нет до звонков и писем. Уже, наверно, раз десять звонили из «Шестидесяти минут»³⁴. Какая-то дамочка — говорит, она продюсер Майка Уоллеса.

— Из «Шестидесяти минут»? — сказал я. — Отлично. Только этого не хватало! Расследование Майка Уоллеса: «Секретный компонент „Каны“» — сплошное надувательство.

— Ага, — сказал брат Майк. — Может, лучше не надо им перезванивать? Но я никак не возьму в толк, почему он игнорирует БАТО. Когда я спросил его, он ответил: «Да они просто снова пытаются нас напугать». Кажется, кто-то из бюро был здесь около года назад?

— Да. У нас состоялся разговор о невыполненных заказах. Меня они действительно напугали, но вы же знаете Аббата. Он подчиняется более высокой инстанции.

— Ага, кесарево кесарю. Я сделал либретто на эту тему. А вы заметили дату слушания?

К моему ужасу, прошла уже целая неделя после назначенной даты. Брат Майк обратил мое внимание на то, что письмо было отправлено на другой день после показа информационно-рекламной передачи. Несомненно, у Аббата была уйма куда более неотложных дел, чем реагировать на повестку из федерального правоохранительного учреждения.

Я тотчас же позвонил в БАТО и связался с агентом, который приезжал в Кану. Он молча выслушал мои бесконечные извинения и просьбу назначить новую дату слушания. Коснувшись вопроса претензий на врачевание, я попытался доказать, что Аббат включил в телепередачу оговорку о случайном характере исцеления.

— Можете попробовать убедить в этом сотрудника, который будет вести слушание дела, — сказал он, оставив мои доводы без внимания. — Полагаю, я сумею договориться насчет новой даты слушания. Сделаю все возможное. Но должен сказать, что Кана у нас тут отнюдь не на хорошем счету. Мы опять получаем жалобы на то, что вы не выполняете заказы.

— Не беспокойтесь, — сказал я. — Скоро мы начнем отправлять заказанную продукцию.

---

³⁴ Чрезвычайно популярная информационная телепрограмма, известная своими расследованиями и разоблачениями. Ее ведущий репортер Майк Уоллес славится своими «интервью из засады».

Вино уже в пути.

— В пути? — сказал он. — Откуда?

— Э-э, из чанов. В бутылки. У нас возникли кое-какие производственные проблемы.

— И когда вы ожидаете разрешения этих проблем?

— Со дня на день, — сказал я наобум. — Максимум — через неделю.

— Вы ручаетесь?

— А это обязательно?

— Не исключено, что это поможет договориться о новой дате слушания.

— Тогда ручаюсь.

— Отлично. Одна неделя. Пятница, семнадцатое. В полдень? Вы начнете выпуск продукции?

— Конечно!

— Хорошо, значит, вы не будете возражать, если мы поручим нашему агенту все это проверить.

Нельзя было терять ни минуты. Я позвонил на винный завод в Чили. Они справились у своего грузоотправителя и обрадовали меня сообщением о том, что судно должно прийти в Нью-Йорк на следующий день. В выходные вино будет выгружено, а в понедельник пройдет таможенную очистку. Как только завод получит остаток платежа — мы задолжали два миллиона долларов, — он даст разрешение на доставку вина. Я уговорил Маравилью послать в наш нью-йоркский банк факс с санкцией на отправку денег в Чили телеграфным переводом в понедельник утром. Затем я позвонил в компанию автоперевозок и сказал, что вино нам нужно в понедельник вечером. Водители, конечно, потребовали «дополнительной выплаты наличными», поскольку фактически это значило, что им предстоит трудиться полный восьмичасовой рабочий день.

Час спустя, когда я сидел за своим компьютером, изучая состояние Канского фонда страхования от потерь, мне пришло сообщение по электронной почте. Оно было от Паяца, одного из завсегдатаев ватиканского чата. Мы уже стали друзьями по электронной переписке. На сей раз он сообщил поистине свежую новость:

Саго Дикобраз!

На будущей неделе наш одетый в пурпур приятель собирается в Америку. В среду, после еженедельного собрания персонала, его личный секретарь, отец Ганс, сделал необходимые приготовления. На собрании ему показали видеозапись передачи об американском монастыре, где делают вино. То самое, от которого занемог его святейшество. А теперь монахи утверждают, что их вино излечивает все болезни. Подумать только! Наверно, они возьмут его с собой в Кисангани. Может, оно и от малярии их вылечит!

Итак, к нам собрался Блутшпиллер. Завершилась, наконец, ревизия Маравильи. Видеозапись наверняка стала последней изобличающей уликой в его отчете, и теперь сам «Анафема» направлялся сюда, чтобы покарать нас в наш судный день. Маравилья просто выполнял свои обязанности, но он мог бы, по крайней мере, нас предупредить. А Филомена? Она-то почему не сообщила нам, что день нашей казни уже назначен? Я направился в конференц-зал административного центра.

Оба были там — завтракали за столом, с бутылочкой доброго «Бароло».

— Как мило! — сказал я. — «Бароло». Прекрасное дополнение к законченной ревизии.

Филомена подняла взгляд от тарелки с лазаньей:

— Эх, если бы только она закончилась! В последнее время я просто разрываюсь между паломниками и ревизией. Некогда как следует выспаться.

Меня так и подмывало продолжить обсуждение ее ночных занятий, однако я решил этого не делать.

— Еще не закончена? Ну что ж, полагаю, мелкие подробности всегда остаются на самую последнюю минуту. К примеру, решение о том, какие использовать дрова.

Оба уставились на меня. Маравилья сказал:

— Не понял.

— Для сожжения еретиков. Скажите, монсеньер, какой сорт дерева предпочитает кардинал Блютшпиллер? К его приезду на будущей неделе нам стоит запастись дровами.

Казалось, оба встревожились. Очевидно, эта новость не предназначалась для моих ушей.

— Должен признаться, когда я услышал о его приезде, мне стало немного... обидно. Я сказал себе: всегда обо всем узнаю последним. Почему же вы скрыли это от нас? Я думал, мы с вами в хороших отношениях. После того как... — я бросил быстрый взгляд на Филомену, — мы столько раз прекрасно проводили время вместе, после того как выпили столько превосходного вина, вы могли бы сообщить нам о том, что сюда едет Блютшпиллер.

— Кто вам это сказал? — спросил Маравилья.

— О, у меня свои источники. Я слышал, в среду состоялось довольно оживленное собрание персонала. Судя по всему, кардинал пришел в такой восторг от нашей информационно-рекламной передачи, что велел отцу Гансу взять ему билет на самолет, вылетающий на будущей неделе. Наверняка ему понадобилось наше вино для лечения простаты. Неужели нельзя было просто позвонить? Наши телефонисты готовы отвечать на звонки.

Маравилья приложил к губам салфетку, встал, подошел к окну и воззрился на гору Кана. Вдали, у алтаря святого Тада, были видны паломники, бросающие монеты в колючие кусты. В вышине неслись вниз по искусственному каналу бочки с юными паломниками, чьи ликующие вопли были едва слышны сквозь оконное стекло.

Я мельком взглянул на Филомену. Она пристально смотрела на Маравилью.

— Это правда, Рэй?

Наконец он обернулся и сказал:

— Я не имел права ничего говорить.

— Значит, ревизия окончена, — сказала она, с трудом владея собой. Видимо, до ее сознания дошло, что ее монсеньер скоро уедет. Эта серия «Поющих в терновнике» приближалась к концу. Теперь и она поняла, каково приходится человеку, когда его ни в грош не ставят. С одной стороны, мне было жаль ее. С другой, я злорадно подумал: «Так ей и надо!»

— Ладно, — сказала она, — хорошо, хоть кто-то мне об этом сообщил.

Казалось, впервые Маравилья почувствовал себя более неловко, чем мы.

— Филомена, — сказал он умоляющим тоном неверного любовника, только что уличенного в измене, — я хотел тебе сообщить.

Он заметил ухмылку у меня на лице.

— Я хотел сообщить всем. Но кардинал настаивал на строжайшей секретности.

— Что же теперь будет? — спросила Филомена. — Когда он приезжает?

— Спроси у брата Запа. Похоже, ему все известно. Скажите нам, каким рейсом он прилетает?

— Простите... — я улыбнулся, — но я не имею права говорить.

— Перестаньте, — сказала Филомена, — служители Божьи. Может, кто-нибудь из вас объяснит мне наконец, что происходит.

Мы с Маравильей не проронили ни слова.

— Все ясно... девчонок в домик на дереве не пускают. Так же, как и в Церковь.

— Распоряжения кардинала, — сказал Маравилья и повернулся ко мне. — Я посоветуюсь с Римом по этому вопросу. Вечером, за обедом, я сделаю объявление. А пока будьте любезны уважать власть Святого Престола. Ни с кем это не обсуждайте. Ну, а теперь, брат, прошу оставить нас одних.

Была моя очередь читать вслух за обедом. Я выбрал отрывок из шестой главы Откровения Иоанна Богослова:

«И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч».

Читая, я то и дело поглядывал на Маравилью, что, судя по всему, его отнюдь не

забавляло.

Закончив чтение, я сел рядом с Аббатом. Маравилья встал и с мрачным видом направился к аналою.

— Отец настоятель, братья, — начал он, — я должен сообщить вам печальное и пренеприятное известие. Мое пребывание у вас приближается к концу.

Аббат прошептал:

— Тяжкий крест, но мы должны нести его безропотно.

— В течение минувших месяцев многие из вас задавались вопросом, что же так долго держит меня здесь, в Кане...

— «Шато Фижак», — пробурчал Аббат.

— Дело в том, что я не только проводил ревизию финансового положения монастыря...

— Нет, — продолжал Аббат, — вы еще и футбол смотрели по моему телевизору.

— Думаю, нам стоит это послушать, — прошептал я в ответ.

— Финансовая проверка — дело не сложное. На нее потребовалось бы, вероятно, не больше недели. Нет, братья, я проводил более важную проверку — ревизию души Каны.

Аббат застонал:

— Ох, пощадите меня.

— И я увидел низменную душу. — Взгляд его сделался холодным и укоризненным. — Вы приняли монашество, дабы смиренно идти по стопам Христовым, а я вижу, что вы ездите на «лексусе»...

— Я же велел вам спрятать машину, — прошипел Аббат.

— Я спрятал, — прошипел я в ответ. — Наверно, он нашел квитанцию.

— Вы приняли монашество, дабы следовать догмам Священного Писания, а я вижу, что вы читаете какого-то Дипака Чопру, доктора медицины. Вы приняли монашество, дабы не поклоняться фальшивым идолам, а я вижу, что вы сооружаете из них целую гору. Фонтаны вина! Колючие кусты, которые приходят в движение при помощи мотора! Вы приняли монашество, дабы служить человечеству, а я вижу, что вы обкрадываете человечество. Кардинал надеялся, что мое присутствие здесь заставит вас измениться к лучшему. Он надеялся, что вы вновь отречетесь от мирской суеты и вернетесь к праведной жизни, завещанной святым Тадеушем. И что же? Вы совершили худший из самых омерзительных поступков. Сделали эту... эту... — следующие слова он выпалил с отвращением, — информационно-рекламную передачу! Вы отбросили Католическую Церковь на пятьсот лет назад. Передачу посмотрел сам его святейшество.

Монахи заерзали.

— На этой неделе кардинал показал ему запись. Он был глубоко опечален. Он попросил его преосвященство приехать сюда и заняться этим делом лично.

Аббат слабым голосом произнес:

— Кардинал Блютшпиллер? Приезжает... сюда?

— Да. На будущей неделе. Он проведет Папское судебное следствие. Кроме того, он попытается провести переговоры со светскими властями. На вашем месте я бы очень усердно молился об успешном посредничестве кардинала. Не только Божьи законы были здесь нарушены. За то, что вы неоднократно вводили в заблуждение народ, вас могут заключить в тюрьму.

Аббат тяжело откинулся на спинку стула.

— В то время как мы с богомольным трепетом ожидаем его прибытия, — продолжал Маравилья, — кардинал уже отдал нижеследующие распоряжения. Во-первых, завтра мы приостанавливаем всяческую деятельность в Паломническом центре, в том числе работу «Каска-ада». Во-вторых, закрываем винный фонтан. В-третьих, убираем груды костылей. В-четвертых, все активы и счета Каны будут немедленно заморожены вплоть до решения кардинала. В-пятых, мы возобновляем монашескую епитимью, предписанную еще святым Тадеушем. Никто не требует, чтобы вы бросались на колючие кусты или хлестали друг друга козьими мочевыми пузырями, но вам придется убрать из келий современную электронную аппаратуру и все, что способствует праздной жизни. Должен сказать, во время своей ревизии я с удивлением обнаружил квитанции о покупке клюшек для гольфа. В-шестых, никто не

покидает монастырь и не общается с внешним миром без моего особого разрешения. Прошу вас немедленно передать мне ключи от всех транспортных средств. — Он мельком взглянул на Аббата. — В том числе и от «лексуса».

Стало очень тихо. Несколько десятков монахов потупились, уставившись в свои тарелки.

— А теперь, — сказал монсеньер Маравилья, — преклоним головы и помолимся о том, чтобы Господь даровал нам прощение.

Он раскрыл наш требник и прочел отрывок из «Молитвы во время тяжелых испытаний» святого Тада. Найти утешение в молитве мешала мысль о том, что это были последние слова нашего покровителя, которые удалось записать, прежде чем султану надоело его пытаться и он отпилел ему голову:

«Господь, с презрением взгляни на меня, несчастного, и сделай так, чтобы страдания мои превосходили даже грехи мои. Пусть боль разрушает члены мои. А когда эта боль пройдет, даруй мне другую, еще более мучительную. И когда я подумаю, что самое худшее позади, удиви меня невообразимыми муками, дабы в Судный День мне было даровано искупление грехов и все стали говорить: „Воистину этот человек познал боль“».

Выходные дни тянулись медленно. Лишенный доступа к своему компьютеру, я все время проводил за теми занятиями, о которых давно успел позабыть — за молитвой и созерцанием. Большинство остальных монахов занимались тем же. В Кане явно царил атмосфера одухотворенности, но с другой стороны, если парафразировать слова доктора Джонсона, ничто так не способствует концентрации мыслей, как сознание того, что завтра вам отпилят голову.

За едой Аббат не произносил ни слова, а все остальное время сидел в своей келье. Даже наш никогда не унывающий брат Джером казался подавленным. Только брат Боб ухитрился поднимать нам настроение. В воскресенье утром, когда мы гуськом выходили из церкви после мессы, он принялся насвистывать мотив «Далеко еще до Типперери», а потом негромко пропел: «Ох, далеко еще до Ки-сан-га-ни...»

За обедом он раздал всем фотокопии составленного им разговорника под названием «Жаргонизмы-Конгонизмы», а также учебного диалога, озаглавленного «Une conversation Kisanganaise entre Frere Jacques et Frere Jim». Вот этот диалог:

БРАТ ЖАК: О-ля-ля, ну и жарища!

БРАТ ДЖИМ: Не так жарко, как в районе преисподней. Хи-хи!

ЖАК: Говорят, дело не в жаре, а во влажности.

ДЖИМ: Прошу не путать! Тут у нас говорят, дело не в малярии, а в проказе.

ЖАК: Да, кстати, о проказе: у вас было две руки, когда мы встречались за завтраком?

ДЖИМ: Надо же, да ведь вы правы! Где же кисть моей левой руки? Вы ее не видели?

ЖАК: Наверно, в библиотеке. Может, пойдем вместе поищем?

ДЖИМ: Отличная мысль! Только сперва примем пилюли от малярии.

ЖАК: Договорились! Правда, можно просто выпить немного чудодейственного вина из Каны. Говорят, оно лечит от всех болезней. Может, от него у вас и новая конечность отрастет.

ДЖИМ: Я прошу, нет, требую, чтобы вы больше не упоминали при мне об этом проклятом вине!

ЖАК: Ба! А вот и брат Август!

ДЖИМ: Простите, брат, вы не видели мою левую руку?

АВГУСТ: К сожалению, нет. А теперь позвольте мне задать вам вопрос: это не ваша сандалия?

ДЖИМ: Конечно нет! Где вы ее нашли?

АВГУСТ: Внутри громадного крокодила, которого поймали туземцы. Скажите, кто-нибудь из вас видел брата Анатоля?

ЖАК: Лично я со вчерашнего дня не видел. А вчера днем он стирал белье у реки.

АВГУСТ: Силы небесные! Выходит, уже третьего монаха в этом месяце съели! А

теперь чья очередь стирать белье? Пойдите! Куда это вы так быстро бежите?

После обеда я вышел прогуляться, надеясь обрести ясность ума. Был чудесный летний вечер. В сгущавшихся сумерках от горы Кана веяло некой безмятежностью и даже величавостью — возможно, потому, что не было ни крикливых паломников, катающихся с горки, ни механических колючих кустов, вызывающих у них искушение бросать монеты, ни фонтана, вселяющего своим журчанием несбыточные надежды.

Я поднялся по тропинке к алтарю святого Тада. Когда я стоял перед ним в глубокой задумчивости, задаваясь вопросом, как бы повел себя в такой ситуации святой — наш покровитель, меня вдруг напугал чей-то голос... голос Филомены.

— Что, монетка нужна? — спросила она.

— Вообще-то да, — сказал я. — Монсеньер отобрал у меня всю мелочь.

— Я не взяла с собой кошелек, а то одолжила бы вам четверть доллара.

— Что? Несмотря на распоряжения монсеньера? Да не сделали бы вы ничего подобного!

— Зап, — сказала она, — сегодня приятный вечер. Может, поговорим о чем-нибудь приятном?

— Запросто, — сказал я.

Мы с ней сели на скамейку рядом с алтарем.

— Даю четвертак за ваши мысли, — предложила она. — И ничего не скажу монсеньеру.

— Согласен. Деньги мне не помешают. Удовлетворяю ваш интерес: я повторял про себя некоторые полезные французские выражения. Например: «*Pardon, mademoiselle. Est-ce que tu a vu ta main gauche?*»

— Вот она, от запястья начинается. О чем это вы?

— Нынче в калефактории чрезвычайно популярны шутки по поводу проказы. Не обращайтесь внимания, у вас не было другого выхода.

Она вздохнула:

— Кажется, вам, ребята, предстоит жутковатая неделька.

— Вам, ребята? Что это значит? По-моему, наш консультант по организации сбыта имеет некоторое отношение ко всему этому. В том числе и к этой куче... на которой мы находимся. Вам тоже не поздоровится.

— Знаю. Я просто хотела сказать, что, в сущности, не являюсь членом ордена. Что может сделать со мной Блютшпиллер? Лишить меня духовного сана? Однако вы правы. Со своей работой я не справилась. Мне следовало бы вас послушаться. Все здесь попросту вышло из-под контроля.

— Как, например, информационно-рекламная передача? «Это всего лишь натуральное чилийское каберне, но я полагаю, вы останетесь довольны его сверхъестественными свойствами».

— Вы, наверно, не поверите, но из-за этой передачи я воевала с Брентом не на жизнь, а на смерть. Угадайте, кто каждый раз брал надо мной верх.

— Его святейшество Дипак Чопра.

— Доктор медицины. Однажды я даже попыталась прекратить съемки. Я закричала: «Брент, нельзя заставлять людей выбрасывать их треклятые костыли!» Аббат отвел меня в сторонку и объяснил, что груда костылей — это просто метафорическое изображение «Поля неограниченных возможностей». На другой день он преподнес мне книгу Дипака «Нестареющее тело, вечный дух» с дарственной надписью.

— Мне не терпится услышать, как он будет объяснять все это «Анафеме» и БАТО. Как вы думаете, куда нас после этого отправят? В Конго или в тюрьму Ливенворт?

Мы рассмеялись. Казалось, еще немного, и вновь вернутся былые времена.

— Смотрите, — сказала Филомена, — луна.

— На сей раз не полная. То есть сегодня.

Она нежно коснулась моей руки:

— Я знаю, что вы хотели сказать. Я тоже об этом подумала.

Я посмотрел ей в глаза. Они были все так же прекрасны.

— Что бы ни случилось, — сказала она, — надеюсь, вы сумеете меня простить.

— Что вы имеете в виду?

— Просто не надо считать, что во всем виновата я.

— Нет, — сказал я. — Мы все в этом замешаны.

— Спасибо, Зап.

Она наклонилась и чмокнула меня в щеку. Потом быстро встала и торопливо направилась вниз по тропинке к Паломническому центру.

— Постойте! — крикнул я ей вслед, когда она скрылась из виду. — Куда это вы так быстро бежите?

На следующее утро, в понедельник, я сразу, еще во время заутрени, начал разыскивать Маравилью. Мне нужно было его разрешение позвонить агенту судоходной компании и убедиться, что наше вино прибыло и готово к отправке из ньюаркского порта. Кроме того, нужно было взять у него наличные для обеспечения «дополнительной выплаты» водителям грузовиков за срочную доставку.

На богослужении его не было. Когда он не появился за завтраком, я направился к нему. На мой стук в дверь конференц-зала административного центра никто не отозвался. Тогда я осторожно открыл дверь сам.

— Монсеньер! — позвал я.

В ответ ни звука. В комнатах ни души. Постель не смята. Пока я стоял, строя догадки о том, где он может быть, мне в голову внезапно пришла ужасная мысль: неужели он ночевал у Филомены в Паломническом центре? Неужели именно поэтому она так поспешно удалилась?

Мне не очень-то хотелось это знать. Я черкнул монсеньеру записку насчет вина и дополнительной оплаты — и ушел.

Так и не выяснив ничего к одиннадцати часам, я решил позвонить агенту на свой страх и риск. Он сказал, что вино уже прошло таможенную очистку, но чилийцы еще не дали разрешения на его доставку. Я позвонил в Чили, на винный завод, и поговорил с сеньором Базсой.

— Сожалею, Грау, — сказал он, назвав меня монахом по-испански, — но деньги на наш счет еще не пришли.

— Не могли бы вы позвонить в свой банк и ускорить этот процесс? Нам крайне необходимо получить вино немедленно.

— Очень хорошо, — сказал он, — но, возможно, вам тоже следует позвонить в свой банк. Судя по нашему опыту, проблема обычно возникает с вашей стороны.

Я повесил трубку и позвонил мистеру Теренсу, который заведовал нашим счетом в нью-йоркском банке.

— Ну конечно, брат Зап, — оказал он. — Деньги переведены.

— Без вас знаю, — раздраженно сказал я. — А извещение о переводе лежит на чем-нибудь рабочем столе в Сантьяго, под чашкой *café con leche*.

— Нет, не в Сантьяго, — сказал мистер Теренс. — Перевод в Сантьяго вы отменили.

— Что?

— Сейчас проверю. Вот он. В пятницу днем я получил от монсеньера Маравильи факс с санкцией на перевод двух миллионов долларов в «Банко Боливар» в понедельник утром. Потом еще один факс, отправленный в воскресенье, в шестнадцать часов, с поручением отменить тот перевод и вместо этого перевести телеграфом... сейчас посмотрим, помню, это была крупная сумма, почти все, что есть на счете... да, вот он: девять миллионов восемьсот тысяч.

— Девять восемьсот... в Чили?

— Нет, на Большие Кайманы. На счет в цюрихском Швайнер-банке. По распоряжению монсеньера Маравильи. Сегодня утром, в начале десятого, он позвонил и подтвердил свое требование.

Я снова помчался в Административно-отшельнический центр. Судя по всему, Маравилья там так и не появлялся. Я бросился к Аббату. Мы вместе вернулись в апартаменты и принялись осматривать все помещения. Стенной шкаф был пуст, а из ванной исчезли туалетные принадлежности.

— Лампочка мигает — наверно, кто-то оставляет сообщение, — сказал Аббат, показав на

автоответчик, стоящий на его бывшем рабочем столе. Потом подошел и нажал кнопку «ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ».

Первые два сообщения были переданы по-итальянски, причем, судя по скрипучему голосу, одним и тем же человеком. Я смог понять только слова «urgente»³⁵ и «presto»³⁶.

Третье сообщение оставила женщина: «Да, это звонят из компании „Эйр Канада“ мистеру Мара... Маравиг-глия, относительно рейса девятьсот восемьдесят семь. По расписанию самолет вылетает из Торонто в девять тридцать пять утра. Просим принять к сведению, что рейс отложен по техническим причинам. В настоящее время вылет из Торонто намечен на одиннадцать пятьдесят утра. Если у вас возникнут вопросы, позвоните по телефону 800-776-3000».

С минуту мы с Аббатом пристально смотрели друг на друга. Электронные часы на автоответчике показывали двенадцать тридцать шесть пополудни. Оба мы одновременно протянули руки к телефону. Аббат включил громкую связь и набрал номер. Раздался голос, сообщивший нам, как важен наш звонок для компании «Эйр Канада». Спустя две минуты мы обратились с вопросом о рейсе девятьсот восемьдесят семь к живому человеческому существу.

— Сейчас посмотрим, — сказала женщина, — девятьсот восемьдесят седьмой был отложен... вылетел из Торонто в... двенадцать ноль пять.

— Куда... куда он вылетел?

— В Гавану.

— В Гавану, Куба?! — спросил Аббат,

— Это единственная Гавана, которую мы обслуживаем, сэр.

Я повесил трубку. Мы переглянулись. Аббат сказал:

— О, боже!

— В чем дело? — спросил я.

— Вино!

Он бросился к лестнице, ведущей вниз, в его винный погреб... Я пошел следом за ним. Аббат принялся носиться взад и вперед вдоль стеллажей, то и дело останавливаясь и пристально изучая бреши в аккуратных рядах бутылок, лежащих на полках.

— Нет, вы только полюбуйте! — пробурчал он. — Вино восемьдесят второго года... исчезло!

Он свернул за угол. Я услышал душераздирающий крик:

— Ну, подонок!

— Что случилось?

— Он забрал все «Романейское-Конти» шестьдесят первого года! У меня здесь было пять бутылок!

— Святой отец, — сказал я, — вино, конечно, жалко, но кроме него мы лишились еще и десяти миллионов долларов.

— А вы хоть представляете себе, сколько стоит бутылка «Романейского-Конти» шестьдесят первого года?³⁷

Аббат появился из-за угла, остановился в темной нише, напоминающей подземную пещеру, и горестно покачал головой:

— Сдается мне, под «ревизией души Каны» подразумевалась кража не только всех наших денег, но и нашего лучшего вина.

— Идемте к Филомене, — сказал я. — Посмотрим, что известно ей.

Мы вышли черным ходом из винного погреба и через автостоянку направились в Паломнический центр. И тут мы заметили еще одну пропажу — на стоянке не было «лексуса».

— Неудивительно, что ему понадобились ключи, — сказал Аббат.

---

³⁵ «срочно» (ит.)

³⁶ «быстро» (ит.)

³⁷ Около 3200 долларов.

Следующую пропажу мы обнаружили в Паломническом центре. Исчезла Филомена. У нее на столе я нашел записку. Адресованную мне:

«Дорогой Зап!
Я должна уехать. Прошу вас, объясните все Аббату и остальным братьям.
Простите, что покидаю вас в час испытаний. Постарайтесь, пожалуйста, понять.
Вчерашний вечер значил для меня очень много. Я рада, что мы провели еще одну минутку на горе, и на сей раз без проповеди.
С любовью, Филомена».

Аббат заглянул мне через плечо и прочел записку.

— «Минутку на горе»? — сказал он. — Не хотите ли исповедаться мне, брат?

— Охотно, но только не в том, что произошло вчера вечером, — сказал я, — а в грешных злобных мыслях, которые одолевают меня в данную минуту.

Я представил себе, как они сидят рядышком в самолете, в салоне первого класса, и переливают Аббатово «Романейское-Конти» из бутылки в графин, направляясь в Гавану, а потом бог знает куда еще, — с нашими десятью миллионами.

— Поверить не могу, что она сбежала с нашими деньгами, — сказал я. — Одно дело — по уши втрескаться в какого-нибудь смазливового монсеньера, но обокрасть друзей...

— Бьюсь об заклад, она не замешана в краже, — сказал Аббат. — Наверно, он даже не рассказал ей о своем поступке. Она думала, что просто бежит отсюда с возлюбленным.

— Простите меня, святой отец, ибо я все же по-прежнему надеюсь, что на борту рейса девятьсот восемьдесят семь возникнут серьезнейшие проблемы «по техническим причинам», причем желательнее над морем, которое кишит акулами.

— Прощаю, — сказал Аббат. — Разве не говорил нам добродетельный монсеньер, что грешники должны с радостью принимать страдания?

Вспоминая о том, как Маравилья, поразив всех своей праведностью, прочел нам напоследок нотацию насчет нашей греховной жизни, я наконец усвоил истинный урок, который он нам преподал. Он забрал у нас деньги, вино, машину, консультанта по вопросам управления, но зато оставил нам нечто весьма ценное — Шестой закон духовно-финансового роста:

VI. КТО ПЕРВЫМ БРОСИТ КАМЕНЬ, ТОТ ОБЫЧНО И ПОБЕЖДАЕТ.

Рыночная медитация шестая

В Библии сказано: «Пусть тот, кто без греха, первым бросит камень».

Но если мы с соперником оба грешники, кому бросать первым?

Если Бог не хотел, чтобы люди бросались камнями, почему же Он не убрал камни, которые валяются повсюду?

Может, фараоны строили пирамиды только для того, чтобы отбирать камни у людей, которые хотели ими бросаться?

(Подсказка: назовите хоть одного фараона, убитого брошенным камнем.)

Будь у Голиафа камень, разве он не кинул бы его в Давида?

Кто лучше понял Шестой закон™ — святой Тад или султан, отпиливший ему голову?

Как же ему удалось стать султаном?

А что это за история с Филоменой и монсеньером?

Говорят, людям, живущим в стеклянных домах, не стоит бросаться камнями. Согласен, но разве я живу в стеклянном доме?

Может, мой соперник живет в стеклянном доме?

Да и вообще, знаю ли я хоть одного человека, живущего в стеклянном доме?

(Ну хорошо, не считая того богача из Коннектикута, что нанял в архитекторы Филипа Джонсона. Уж коли на то пошло, не лучше ли соблюдать такое правило: «Людям, живущим в стеклянных домах, не стоит разгуливать нагишом»?)

Кто победил в Перл-Харборе?

Поразительно! Ваши вопросы становятся все сложнее, а успехи — все заметнее!

Ну, а теперь купите ящик хорошего чилийского вина (если можно — «Долину Майпо», но подойдет и любой другой сорт). Откройте бутылку и медленно выпейте ее. Между глотками глубоко вздыхайте, закрывайте глаза и думайте обо всех тех людях, которые совершали по отношению к вам скверные поступки (ничем не вызванные оскорбления, нотации по поводу ваших так называемых недостатков, увольнение с работы, прелюбодеяние с вашим лучшим другом, присвоение того, что вы скопили за всю жизнь, и так далее). Записывайте их имена на листке бумаги. Когда вы допьете бутылку, положите в нее листок с их именами. (Вероятно, вам придется свернуть его в трубочку. Не торопитесь.)

Откройте вторую бутылку вина. Повторите выпивание и дыхательные упражнения, описанные выше, только на сей раз думайте обо всех тех поступках, которые хотите совершить по отношению к скверным людям. (Не забывайте рассчитывать свои силы — самое интересное еще впереди!) Теперь напишите ваше имя на листке бумаги и засуньте его во вторую бутылку.

Поставьте эти два «стеклянных дома» перед собой. Теперь возьмите большой шлакоблок — из тех, что применяются при строительстве домов не из стекла. Поднимите его высоко над головой и притворитесь теми скверными людьми, которые находятся в первом доме. Швырните его в себя — в того, что во втором доме.

Ну, кто победил? Ой!

Теперь откройте третью бутылку вина. Выпейте ее вышеописанным образом. Возьмите еще один листок бумаги и снова напишите свое имя. (Если вам трудно это сделать, можно обойтись инициалами.) Всуньте листок в бутылку. Не торопитесь — и не забудьте сначала свернуть его в трубочку. Это облегчит задачу.

Поставьте свой новый «стеклянный дом» возле бутылки со скверными людьми. Осторожно, осколки! Ай-яй-яй! Лучше возьмите пластырь.

Кровотечение остановилось? Хорошо, Так вот, на сей раз «первым бросаешь камень» вы! Поднимите шлакоблок над головой и прицельтесь в первую бутылку. Вспомните, сколько зла вам причинили эти люди. Начать бомбометание!

Промазали? Ничего страшного. Остатки вина всегда можно процедить, и к тому же вы все равно собирались покупать новую стереосистему. Лучше отключите ее — тогда она перестанет искрить и дымить. Только сначала уберите домашнее животное в спальню — пускай побудет там, пока вы не закончите упражнение. Продолжайте бросать до тех пор, пока не попадете в бутылку. Теперь видите, что происходит, когда вы первым бросаешь камень? Помните, что произошло, когда первыми камень бросили они? Начинаете улавливать закономерность?

Молитва предприимчивого грешника

Всемогущий Господь, который не давал спуску народу Своему ни на одной странице Священного Писания,

без малейших колебаний внезапно насылая на людей чуму, потопы, фурункулы, лягушек и прочие ужасающие орудия гнева Своего;

который отравил жизнь таким вполне порядочным людям, как Иов,

и всякий раз побеждал, не зная Себе равных, оставаясь Богом, Мастером выживания мирового класса,

сделай так, чтобы глаз мой был метким, а руки — быстрыми, и чтобы путь мой был усеян отличными метательными снарядами, и чтобы враги мои так никогда и не узнали, откуда нанесен удар.

Глава седьмая

Посредник из Палермо...
Телекошмар...
Последняя конфиденциальная информация...
Аббат создает банк талантов...
Удивительный вывод

Мы с Аббатом бросились обратно в монастырь. Я засел за свой компьютер и наскоро проанализировал объем операций, проходивших по всем счетам Каны после того, как контроль над последними взял на себя Маравилья. Оказалось, что, сняв со счета пропавшие девять миллионов восемьсот тысяч, он осуществил далеко не первое «изъятие». Все это время добродетельный монсеньер потихоньку выкачивал денежки из нашего резервного фонда, из нашего фонда страхования от потерь и — к ужасу Аббата — из фонда исследований и опытных разработок по виноградарству (чаще именуемого «Фижак-фондом»). В общей сложности его «ревизия» обошлась нам в шестнадцать с лишним миллионов долларов. Тринадцать миллионов были переведены в швейцарский банк на Каймановых островах; оставшиеся три осели в «Банко ди Палермо» на Сицилии. Теперь наши активы составляли сто девяносто пять тысяч долларов — одну десятую суммы, необходимой для того, чтобы обеспечить доставку вина из ньюаркского порта.

— Сдается мне, — сказал Аббат, — что Блютшпиллер должен нам шестнадцать лимонов. Он отыскал визитную карточку Маравильи.

Мы набрали указанный ватиканский номер и услышали записанный на пленку голос, предложивший нам на выбор несколько языков. После того как мы выбрали английский, телефонный громкоговоритель выдал следующую информацию:

«Мы рады приветствовать вас в Ватиканском отделе внутренних расследований. Для того чтобы быстро связаться с нужным вам сотрудником, выберите один из следующих вариантов:

Чтобы сообщить о новой ереси, наберите единицу.

Чтобы сообщить о рецидиве старой ереси, наберите двойку.

Чтобы сообщить о духовном лице, подвергающем сомнению Догмат о папской непогрешимости, наберите тройку.

Чтобы сообщить об аморальном поведении, наберите четверку.

Чтобы сообщить о финансовых нарушениях, наберите пятерку.

Если вы считаете, что вас несправедливо обвинили или отлучили от Церкви, изложите, пожалуйста, свою жалобу в письменной форме.

Чтобы сообщить о несанкционированном посвящении женщины в духовный сан, немедленно наберите ноль — вскоре вас соединят со следователем.

По всем прочим вопросам ждите, пожалуйста, ответа. Для его преосвященства кардинала ваш звонок очень важен».

Зазвучало торжественное «Диес ире» из моцартовского «Реквиема». Аббат набрал ноль. Почти сразу же в ответ раздался голос:

— Ufficio dell' Investigazione Interna. Vuole Lei comunicare un'ordinazione femminile?³⁸

— Нет, — сказал Аббат, — желаю сообщить о нечистом на руку монсеньере.

— Это финансовое нарушение. Я переведу вас на другую линию.

— Нет! — вскричал Аббат. — Это molto importante!³⁹ Мне необходимо поговорить с кардиналом Блютшпиллером. Я настоятель монастыря Каны, в Соединенных Штатах.

Пауза.

— Его преосвященству некогда разговаривать с каждым... аббатом, который звонит по телефону.

³⁸ «Отдел внутренних расследований. Желаете сообщить о рукоположении женщины?» (ит.)

³⁹ «Очень важно!» (ит.)

Аббат оторопел, но всего лишь на мгновение.

— Слушайте меня очень внимательно. Я хочу сообщить о том, что монсеньер Маравилья рукоположил двадцать шесть женщин, и все они завязанные лесбиянки.

— *Momento*, — сказал голос.

Вскоре послышался другой голос, с немецким акцентом:

— У телефона отец Хаффман.

Фамилию я узнал.

— Отец Ганс, — прошептал я. — Личный секретарь Блютшпиллера.

В ответ Аббат прошептал:

— А вы будете моим личным секретарем.

— Это брат Зап из монастыря Каны в Соединенных Штатах. Отец настоятель хочет поговорить с его преосвященством кардиналом. Речь идет о неотложном деле, касающемся монсеньера Рафаэлло Маравильи, ответственного секретаря кардинала.

— Как здоровье монсеньера?

— На этот вопрос я не могу ответить, поскольку здесь его больше нет.

— Нет? Где же он в таком случае?

— Где-то между Торонто и Гаваной.

— Гаваной, Куба?!

— Гаваной, Куба.

— Что ему делать на Кубе?

— Аббат понятия не имеет. Ему известно только то, что монсеньер украл у нас приблизительно...

Аббат слегка подтолкнул меня локтем и шепнул:

— Двадцать.

— Э-э... значительную сумму денег. Много миллионов долларов. Необходимо немедленно соединить отца настоятеля с кардиналом.

— Его преосвященства сейчас нет на месте. Возможно, если мне удастся поговорить с Аббатом, я сумею разобраться в этом деле.

— Не вешайте, пожалуйста, трубку, сейчас с вами будет говорить Аббат, — схитрил я.

Аббат выждал минуту и заговорил:

— Добрый вечер, святой отец. Я настоятель Каны.

— Да. Я узнал ваш голос.

— Неужели?

— По телевизионной рекламе. Той, с костылями.

— А-а! — сказал Аббат. Он поспешно перевел разговор на другую тему и объяснил положение дел.

Отец Ганс слушал не перебивая — до тех пор, пока Аббат не упомянул о трех миллионах, переведенных в банк на Сицилии. Он осведомился о дате перевода.

Когда Аббат окончил нашу скорбную повесть, отец Ганс спросил:

— Кто об этом знает, кроме вас?

— Никто, — сказал Аббат.

— И ни в коем случае не говорите никому ни слова. Наш отдел проведет доскональное расследование. С вами свяжутся.

Аббат откашлялся:

— Простите, святой отец, но я, наверно, не совсем ясно высказался. Дело в том, что нам нужны наши деньги, presto. У нас тут критическая ситуация. Необходимо перевести минимум два миллиона долларов в Чили, поставщику нашего вина, — причем сегодня, иначе наш монастырь будет опозорен на весь мир.

— Это невозможно, — сказал отец Ганс. — Всестороннее расследование займет по меньшей мере несколько недель.

— Святой отец, если мы не получим эти деньги немедленно, в пятницу в наш монастырь придут сотрудники федеральных правоохранительных органов и арестуют нас. Огласка была бы весьма нежелательна не только для нас, но и для кардинала — как бы мы ни старались его оградить. Боюсь, властям очень скоро станет известно, что ответственный секретарь кардинала,

его доверенное лицо, украл деньги у бедного, скромного монашеского ордена.

Наступила долгая пауза.

— Кардиналу хотелось бы избежать широкой огласки. Могу по секрету сообщить вам, что действия монсеньера вызывали у его преосвященства некоторое беспокойство. Кроме того, могу сообщить, что кардинал намеревался без предварительного объявления посетить ваш монастырь. Даже монсеньер об этом не знал.

— Нет, — сказал Аббат, — монсеньер был прекрасно осведомлен о том, что кардинал приезжает на текущей неделе. В пятницу он сам сообщил нам об этом. Мало того, воспользовавшись случаем, он прочел нам нотацию по поводу нашей собственной безнравственности.

— Невероятно! — сказал отец Ганс. — Но об этом он узнал не от нас! Кардинал весьма ясно дал понять, что его визит держится в тайне.

— Ну что ж, очевидно, тайное стало явным, и, очевидно, именно поэтому монсеньер и уехал. С нашими деньгами. За что, разумеется, несет ответственность его непосредственный начальник.

— Я сделаю все, что смогу. Немедленно перешлите мне по факсу имеющиеся в вашем распоряжении документы, в частности — касающиеся банка на Сицилии.

Всякие сомнения в важности сицилийского вклада отпали уже на следующее утро, во вторник. Мы с Аббатом шли через автостоянку в Паломнический центр, который решили открыть вновь, чтобы сохранить хоть какой-то источник дохода, как вдруг я заметил на стоянке седан и прислонившихся к нему двоих мужчин в темных костюмах. В голове у меня сразу мелькнула мысль о том, что в Бюро алкоголя, табака и огнестрельного оружия решили перенести предельный срок с пятницы на сегодня. Но когда они подошли к нам, мне показалось, что в них нет ни малейшего налета государственной казенщины. Федеральные агенты редко носят итальянские кожаные ботинки за шестьсот долларов.

— Простите, вы святой отец? — спросил один, в темных очках.

— Да, — сказал Аббат.

— Настоятель, да? Из рекламы? — У него было нью-йоркское произношение.

— Да, — сказал Аббат, расплывшись в улыбке.

— Отличная реклама! Моя жена заказала ящик — от своего ишиаса.

— Ах, — сказал Аббат, — не волнуйтесь, пожалуйста, мы как раз приступаем к выполнению заказов. Наша реклама встретила чрезвычайно широкий отклик. Но, уверяю вас, теперь ваша жена очень скоро получит вино.

— Спасибо. Весьма признателен. Я ей передам. Но мы ехали в такую даль не для того, чтобы беспокоить вас по пустякам. Мы ищем монсеньера Маравилью.

Тут у меня в голове промелькнула мысль о том, что их наверняка прислал кардинал, однако в них явно не было и ни малейшего налета ватиканской казенщины. Они не походили на переодетых солдат-швейцарцев.

— Позвольте спросить... кто вы такие? — поинтересовался Аббат.

— Мы хотим повидать монсеньера по личному вопросу. — Он протянул руку. — Джонни Корелли. А это мой компаньон, мистер Скарпатти. Из Палермо. Извините за беспокойство, но нам не удалось дозвониться до монсеньера. Нам необходимо с ним потолковать. Мы почти никогда не приезжаем к клиенту на место работы.

— Вообще-то его «место работы» — Ватикан, в Риме.

— Non sta la, — сказал мистер Скарпатти. — Не там.

Я узнал скрипучий голос из автоответчика монсеньера.

— По какому вопросу вы хотите видеть монсеньера? — спросил Аббат.

— Он задолжал мистеру Скарпатти небольшую сумму.

— За что?

Мистер Скарпатти сказал:

— Calcio

— Он любил делать ставки на результаты футбольных матчей, — сказал Корелли. — Крупные ставки.

— Клуб «Милан», — сказал Скарпатти. — Его команда. Не так много побед в этом сезоне.

— Я видел концовку матча со «Штутгартом», — вставил я.

Скарпатти принялся вращать глазами:

— Buftoni!⁴⁰ «Милану» позор. Монсеньеру — тьфу!

— Он все время проигрывал и потому все время повышал ставки. Такое бывает, — сказал Корелли.

— Сколько он задолжал? — спросил Аббат.

— В сумме — четыре миллиона долларов.

— Четыре миллиона?! — сказал Аббат. — Как вы могли допустить, чтобы священник залез в такие долги?

— Он был хорошим клиентом. Из хорошей семьи. Его отец когда-то занимался коммерцией вместе с отцом мистера Скарпатти. Весьма влиятельная персона в Ватикане. До сих пор он всегда платил. Пару месяцев назад он расплатился сполна — отдал три миллиона.

— Скажите, — отважился я на догадку, — вы случайно не имеете в виду телеграфный перевод в Банк Палермо?

— Sì, — сказал Скарпатти.

— Но это же наши деньги! — сказал Аббат.

Значит, вот где находятся наши деньги в данную минуту. Я взгляделся в безмятежное лицо Скарпатти и подумал: И скорее всего, там они и останутся.

— Святой отец, — сказал Корелли, — нас не касается, откуда взялись эти деньги.

— Зато нас касается! — сказал Аббат. — Это наши деньги, и они нам нужны.

— Святой отец, — сказал Корелли, — думаю, нам не стоит терять время на беспокойство об этих деньгах.

— Очень хорошо, — заупрямился Аббат, — в таком случае я не вижу смысла терять время на разговор о нынешнем местопребывании монсеньера Маравильи.

И тут рядом с нами остановился въехавший на стоянку темный фургон. Открылась его боковая дверца, и мы увидели дородного мужчину с телекамерой на плече. Он спрыгнул на заасфальтированную площадку, а следом появился фактически единственный в Америке аналог кардинала Франца Блютшпиллера. Спустя мгновение я услышал знаменитый голос:

— Майк Уоллес, программа «Шестьдесят минут». Вы игнорировали все наши письма и телефонные звонки. Мне бы хотелось спросить вас о серьезных обвинениях в некоторых уголовных...

Майк Уоллес вдруг осекся на полпути из засады, и на лице у него отразился неподдельный страх. Из-за фургона компании Си-би-эс появились четверо здоровенных мужчин. Судя по аксессуарам у них в руках, это были компаньоны господ Корелли и Скарпатти. Уоллес и его помощник невольно устали в дула пистолетов и автоматов. Я предположил, что это первая засада, в которую угодил сам Уоллес. В кои-то веки он не смог найти нужных слов.

— Все нормально, ребята, — сказал своим телохранителям Корелли. — Это Майк Уоллес. С телевидения.

Телохранители опустили оружие.

— Майк, — сказал Корелли, — право же, не следует так подкрадываться к людям. Они могут это неправильно понять. — Он ухмыльнулся. — К тому же это не очень вежливо.

— Я хотел задать несколько вопросов Аббату, — не совсем уверенно сказал Уоллес.

— Разве это дает вам право вмешиваться? Мы со святыми отцами беседовали. Вам бы понравилось, если бы вы беседовали со священником, а я выскочил из фургона?

Слева от меня мафия, справа от меня «Шестьдесят минут» — именно к такой тихой, наполненной созерцанием жизни я и стремился, когда искал убежища от внешнего мира. Я представил себе вступительный комментарий Уоллеса к репортажу о нас: «В этом странном монастыре нас встретили его настоятель, четверо вооруженных до зубов мужчин и человек, в котором сотрудники органов правопорядка опознали капо, то есть главаря одной...»

---

⁴⁰ «Шуты!» (ит.)

— Господа! — сказал Аббат. — Прошу вас! Майк, через минуту я с удовольствием отвечу на все ваши вопросы. Но мистер Корелли все-таки приехал первым. Это один из многих набожных паломников, которые приезжают в Кану отовсюду. Он горит желанием купить немного нашего вина для своей жены, миссис Корелли, которая страдает от ишиаса. Разумеется, Майк, мы не претендуем на врачевание...

— А вот по мнению БАТО...

— Майк, прошу вас! Все в свое время. Позвольте мне закончить беседу с мистером Корелли.

С этими словами Аббат проводил Корелли и Скарпатти к их машинам. За ними последовали верные своему долгу телохранители. Несколько минут Аббат с Корелли увлеченно разговаривали. Я увидел, как Корелли черкнул что-то на клочке бумаги и отдал его Аббату. Когда гости расселись по своим седанам, Аббат быстро осенил их на прощанье крестным знаменем.

Энергично потирая руки, он вернулся к нам:

— Какие только паломники к нам ни приезжают — представители всех слоев общества!

— Например, бандиты? — спросил Уоллес, стоя перед включенной камерой.

Аббат блаженно улыбнулся:

— Не нам судить, Майк. Разве Господь наш кого-нибудь прогнал? Мы призваны служить всем, кто приходит сюда в поисках утешения, — королям и нищим, праведникам и грешникам, — даже журналистам.

— Святой отец, Бюро алкоголя, табака и огнестрельного оружия проводит в отношении вашего монастыря расследование по ряду очень серьезных обвинений. Вас обвиняют в том, что вы сбываете чужое вино, выдавая его за свое. Берете у людей деньги и не выполняете их заказы. И одновременно делаете явно противозаконные заявления о том, что ваше вино излечивает от болезней. Как вы возразите на эти обвинения? Что здесь происходит?

— Майк, вы задаете отличные вопросы! — сказал Аббат, продолжая безмятежно улыбаться. Я вдруг понял, что уже видел эту улыбку — на видеозаписи, которую нам показывал Аббат. Это была обезоруживающая улыбка Дипака Чопры, доктора медицины. — И мы с превеликим удовольствием на них ответим. Майк, у нас в Кане действительно есть одна проблема. После того, как посредством вашего родного телевидения мы обратились к людям с проповедью надежды, доброго здоровья и исцеления, нас ошеломил широкий отклик. Столь многие люди бесплатно звонят нам — по телефону ВОСЕМЬСОТ-ПЕЙ-КАНУ, — что наш небольшой монастырь уже завален заказами.

— Пойдите, вы хотите сказать...

— Именно! Я хочу сказать, что если они прямо сейчас не поднимут трубку и не наберут номер ВОСЕМЬСОТ-ПЕЙ-КАНУ, то, возможно, опоздают заказать наше чудесное вино. Ибо столь многие люди за стенами этого монастыря жаждут недорогого крепкого вина, которое не только прекрасно подходит практически к любому блюду, но и вызывает ощущение...

— Послушайте, вы хотите сказать, что люди заплатили вам, а вы до сих пор не...

— Именно, Майк. Я хочу сказать, что нужда в надежде, добром здравии и исцелении столь велика, что нашей немногочисленной монашеской общине лишь с огромным трудом удается удовлетворять спрос. А теперь я скажу вам то, чего, вероятно, не следовало бы говорить. Нас уверяют, что мы совершаем очень большую ошибку.

— Вы имеете в виду...

— Именно! Уже в который раз нам говорят: повышайте цены! Но мы не будем этого делать, Майк. Если кто-то за стенами этого монастыря страдает, пусть он возьмет на себя труд просто набрать номер ВОСЕМЬСОТ-ПЕЙ-КАНУ...

— Стоп! — сказал своему оператору Майк Уоллес. — Выключи камеру. — Он с отвращением замахал руками. — Да выключи же наконец!

Аббат улыбнулся ему:

— Именно, Майк!

— Послушайте, святой отец, я приехал сюда не для того, чтобы делать вашу очередную информационно-рекламную передачу.

— Неужели? А ведь у вас это неплохо получалось. Займитесь рекламой, в этом деле у вас

прекрасное будущее. Надеюсь, материал скоро покажут?

— Собственно говоря, наш репортаж должен выйти в эфир в ближайшее воскресенье.

Мне показалось, что по безмятежному лицу Аббата пробежала тень панического страха. Но он мужественно продолжал улыбаться.

— Ага, — сказал он, — хорошо. Это... хорошо.

— К вашему сведению, мы намерены рассказать об этих обвинениях. Я приехал, чтобы предоставить вам возможность их опровергнуть. Можно нам снова включить камеру?

— Минутку, — сказал Аббат. — Дело вот в чем. У нас возникли кое-какие производственные проблемы. Это главная причина всех недоразумений. Разговоры о врачевании, об этикетках можно истолковывать по-разному, и я уверен, что БАТО в конце концов откажется от этих обвинений, ведь в пятницу мы начинаем отправлять продукцию. Это дело решенное. Мы уже предложили им при этом присутствовать. Я и вас приглашаю. Приезжайте посмотреть, как будут сходить с конвейера бутылки, и тогда я отвечу на все ваши вопросы. — Блаженная улыбка исчезла. — Очевидно, Майк, необходимо сначала не спеша установить все факты, а уж потом решать, стоит ли выпускать в эфир репортаж, который вызовет раздражение у сотни миллионов католиков. — Счастливая улыбка появилась вновь. — Или у наших адвокатов.

Судя по всему, Уоллес увидел перед собой достойного противника. Он кивнул:

— Хорошо, в пятницу. В котором часу?

— БАТО мы пригласили в полдень. Надеюсь, вы тоже окажете нам честь и будете нашим гостем?

— Именно!

Весь остаток дня во вторник мы с Аббатом занимались привычным для монахов делом — просили милостыню. Либо мы потеряли квалификацию, либо два миллиона долларов — сумма, несколько превышающая ту, которую следовало бы просить. Сеньора Баэсу с винного завода мои жалостные мольбы о кредите ничуть не растрогали.

— Lo siento, Fray Zap, — сказал он, — но, принимая во внимание долгую историю затруднений с платежами, это невозможно. Вино останется в порту до тех пор, пока деньги не будут переведены на наш счет.

От Ватикана толку было не больше. Отец Ганс сообщил взбешенному Аббату:

— Мы прекрасно осведомлены о ваших мирских интересах. Можете быть уверены, что мы стараемся как можно скорее перейти к разбирательству по данному делу, следуя при этом необходимым предписаниям.

В переводе Аббата это звучало так:

— В ближайшее время мы вообще ничего предпринимать не собираемся.

В ту ночь я почти не сомкнул глаз. После вечернего богослужения я пошел в свой кабинет и включил компьютеры. Настала пора звонить Брокеру нашему.

Я ввел в действие ТРЕБНЕТ, специальную компьютерную программу корреляции повседневных уставных текстов нашего требника с мировыми финансовыми новостями. До поздней ночи я непрерывно стучал по клавишам, отчаянно пытаюсь обнаружить на какой-нибудь из мировых бирж тенденцию, соответствующую библейскому тексту, но все впустую. В два часа, когда глаза уже затуманились от усталости, я перевел ТРЕБНЕТ в режим «глубокого поиска», расширив базу данных. Пока компьютер усердно трудился, я забылся сном.

Уже светало, когда меня разбудил перезвон колоколов собора Парижской Богоматери, доносившийся из компьютера, после чего раздался голос: «Аллилуйя, аллилуйя! Мы нашли кое-что подходящее!» (Я запрограммировал ТРЕБНЕТ так, чтобы о своих находках компьютер возвещал торжественно.) Я поднял голову и посмотрел на экран.

Текст из требника для чтения на сегодняшней заутрене:

ИИСУС, ВОЙДЯ В ХРАМ, НАЧАЛ ВЫГОНЯТЬ ПРОДАЮЩИХ И ПОКУПАЮЩИХ В ХРАМЕ; И СТОЛЫ МЕНОВЩИКОВ И СКАМЬИ ПРОДАЮЩИХ ГОЛУБЕЙ ОПРОКИНУЛ.

МАРК 11:15

Соответствующий текст из сообщений информационных агентств о возможном изменении процента при авансировании:

БОНН. СПЕКУЛЯНТЫ, ЗАНИМАЮЩИЕСЯ ОБМЕНОМ НА МИРОВЫХ ВАЛЮТНЫХ РЫНКАХ, ГОТОВЯТСЯ К ТРУДНОМУ УТРУ В ЧЕТВЕРГ, КОГДА СОСТОИТСЯ ЗАСЕДАНИЕ ПРАВЛЕНИЯ ГЕРМАНСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА. СВОИ СКАМЬИ ЗАЙМУТ ДВА НОВЫХ ЧЛЕНА ПРАВЛЕНИЯ БУНДЕСБАНКА, ОБА, ПО ИХ СОБСТВЕННОМУ ВЫРАЖЕНИЮ, — «ГОЛУБИ-МОНЕТАРИСТЫ», РАТУЮЩИЕ ЗА ОСЛАБЛЕНИЕ КОНТРОЛЯ НАД ДЕНЕЖНОЙ МАССОЙ И ПОНИЖЕНИЕ КУРСА НЕМЕЦКОЙ ВАЛЮТЫ ПО ОТНОШЕНИЮ К ДОЛЛАРУ. БИРЖЕВЫЕ МАКЛЕРЫ ОЖИДАЮТ ПОЯВЛЕНИЯ КРУПНЫХ СУММ В НЕМЕЦКИХ МАРКАХ В 11.15 УТРА, КОГДА УЧАСТНИКИ ЗАСЕДАНИЯ В БУНДЕСБАНКЕ ДОЛЖНЫ ВЫСТУПИТЬ С ЗАЯВЛЕНИЕМ.

Я стал выяснять обстановку на биржах и увидел, что валютные спекулянты уже делают ставки на то, что курс немецкой марки упадет — так называемые голуби добьются своего. И все же уставный текст из Евангелия свидетельствовал, казалось, о том, что ожидания валютных спекулянтов, «меновщиков» всего мира, не оправдаются — завтра утром на заседании правления Бундесбанка «голубей» опрокинут,

Осмыслить такой объем информации в пять часов утра было нелегко. К тому же она казалась слишком сложной. В прошлом советы Брокера нашего были попроще. Однако, если до Судного дня остается всего сорок восемь часов, нищенствующим монахам выбирать не приходится. Я направился к Аббату

Аббат внимательно изучил компьютерную распечатку. Потом взволнованно посмотрел на меня.

— Валюта... ослабление контроля над денежной массой — ну конечно! Именно об этом написано в «Семи духовных законах преуспевания»! На двадцать восьмой странице!

Он бросился к полке и достал книжку. Потом прочел:

«Говоря о богатстве, часто употребляют выражение "молочные реки, кисельные берега". Богатство — это деньги, текущие к вам рекой. По существу, деньги — это символ жизненной энергии, которой мы обмениваемся. Термин „денежное обращение“ также отражает текучий характер энергии».

Как обычно, я понятия не имел, о чем он толкует.

— Послушайте, святой отец, — сказал я, — я знаю, в последнее время всем нам приходится несладко, и все же мне кажется, что, несмотря на сильный стресс, мы должны серьезно подходить к решению наших проблем.

— Что может быть серьезнее этого?! — сказал он, выразительно стукнув кулаком по раскрытой книжке. — Неужели вы не понимаете? Ведь Дипак одобряет этот текст из требника!

— Наверняка это принесет огромное облегчение Господу нашему, — сказал я. — Значит, вы хотите поставить все наши деньги на то, что, вопреки ожиданиям, завтра утром курс немецкой марки повысится?

Аббат, наморщив лоб, еще раз изучил распечатку.

— Да, — сказал он наконец. — Все... совершенно ясно.

— Очень надеюсь, что это так, — сказал я.

Я вышел, позвонил Биллу и велел ему приобрести нам опционы дойчмарки.

— У тебя на счете осталось сто девяносто пять с мелочью, — сказал Билл. — Сколько ты хочешь?

— Скажем так: нам нужно, чтобы к завтрашнему дню эта сумма превратилась в два миллиона.

— А твой парень уверен в успехе?

— Да. — Я вздохнул. — Более того, похоже, мнения обоих наших парней совпадают.

— Боже правый, у тебя что, еще один появился?! — Я услышал, как он стучит по клавишам. — Значит, так, это пятьдесят восемь опционов по одному пункту каждый... сто девяносто пять тысяч долларов. Все, считай, они твои.

И вновь я почти не сомкнул глаз. В четверг я проснулся задолго до рассвета. Улизнув с заутрени, я направился к себе в кабинет и принялся в волнении расхаживать перед компьютерами, дожидаясь, когда Бундесбанк сделает свое заявление. В шесть семнадцать утра по нашему местному времени на моем мониторе появилось сообщение агентства Рейтер:

БУНДЕСБАНК СНИЖАЕТ ПРОЦЕНТ НА 0,25
БОНН. КАК И СЛЕДОВАЛО ОЖИДАТЬ, СЕГОДНЯ ГЕРМАНСКИЙ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАНК СНИЗИЛ СВОЮ ПРОЦЕНТНУЮ СТАВКУ. СНИЖЕНИЕ
НА ЧЕТВЕРТЬ ПУНКТА, О КОТОРОМ ОБЪЯВЛЕНО В ЧЕТВЕРГ ПОСЛЕ
ЗАСЕДАНИЯ, ОЗНАЧАЕТ ПОБЕДУ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ГОЛУБЕЙ...

Дальше читать я не мог. Надеюсь только на чудо, я стал искать на другом экране сообщения о том, что произошло с немецкой маркой. Вдруг каким-то образом, вопреки законам экономического тяготения, ее курс начал стремительно повышаться? Во всяком случае, Брокер наш и мудрый Дипак Чопра, доктор медицины, могли бы запросто удержать его от падения.

Но не тут-то было — в это утро законы экономического тяготения действовали исправно. Началось падение курса немецкой марки, а значит — и наше.

Я все еще сидел в оцепенении перед экраном, когда наконец раздался телефонный звонок, и на проводе был отнюдь не Брокер наш. Это был наш брокер, Билл, с сообщением о том, что мы разорены.

— Ничего не поделаешь, — сказал он. — В конце концов, твой парень наверняка простой смертный.

— Один из них — безусловно, — мрачно сказал я. — Значит, наши опционы обесценились.

— Да. Сожалею.

— Но хоть что-то у нас осталось?

— Сейчас посмотрим... да... правда, не так уж много. Три ноль пять.

— Три доллара пять центов?

— Нет, — радостно сказал Билл, пытаясь меня утешить, — триста пять долларов.

Когда я крадучись вошел в трапезную, монахи завтракали, а Аббат читал им вслух. Завидев меня, он умолк на полуслове.

— Есть новости, брат Зап? — спросил Аббат. Монахи обернулись и с надеждой посмотрели на меня.

— Да, святой отец. У меня хорошие новости и плохие новости.

— Начните с хороших.

— За долгий минувший период, — сказал я, — обнаружилась тенденция к некоторому увеличению нашего портфеля. — Это были слова, которые я раньше частенько говорил своим растерянным клиентам в надежде на комиссионные. — Позвольте напомнить вам, что три года назад, когда вы доверили мне активы Каны, наш исходный портфель составлял триста четыре доллара. И вот, как стало известно сегодня утром, он увеличился до... трехсот пяти долларов.

— Отлично, брат! — задыхаясь, вымолвил Аббат, схватившись за аналой, чтобы устоять на ногах. — Думаю, ваши плохие новости нам уже ни к чему.

Я объяснил монахам, что мы потеряли наши сто девяносто пять тысяч из-за падения курса немецкой марки.

— Мы действовали, руководствуясь текстом из нашего требника, а также, — сказал я, в какой-то мере почувствовав себя оскорбленным, — из книжки этого всемирно известного специалиста по вопросам денежного обращения, Дипака Чопры, доктора медицины.

— Минутку! Не надо винить Дипака, — парировал Аббат. — Он всего лишь рекомендовал нам пускать деньги в обращение. А вот в вашем требнике было сказано, что курс

марки повысится.

Я принялся было возражать, но Аббат устало дал мне знак замолчать.

— Хватит искать виноватых, брат. Дело не в том, что произошло. Дело вот в чем: что дальше?

— Кисангани, — пробормотал брат Боб.

— Я слышал! — сказал Аббат. Он порылся в складках рясы и достал свой старый, обугленный экземпляр «Пить и жить в достатке». — Сейчас нельзя терять веру.

Он раскрыл книжку, быстро перелистнул несколько страниц и начал читать:

«Буква "Т" символизирует банк талантов. Для того, чтобы максимизировать творческую силу и предлагать наилучшее обслуживание, желательно создать банк талантов, или круг лиц, обладающих уникальными и разнообразными талантами и способностями, — лиц, чьи индивидуальные таланты, собранные вместе, превышают сумму отдельных частей».

Аббат поднял голову:

— Смотрите, сколько у нас здесь талантов! Смотрите, каковы ресурсы нашей собственной библиотеки, лучшей в своем роде из когда-либо собранных! Это же Александрия литературы по самосовершенствованию! Если Господь помогает тем, кто помогает себе сам, то крах нам не грозит. За дело, братья! У нас мало времени!

Три часа спустя мы собрались за столом красного дерева в калефактории. Ранее Аббат велел каждому монаху составить «план действий», основанный на произведении определенного автора. И вот теперь он открыл наше собрание.

— Братья, менее чем через двадцать четыре часа вино должно политься рекой. — Он самонадеянно ухмыльнулся. — Дело не в том, добьемся ли мы этого, а в том, каким образом мы этого добьемся. Вино непременно будет литься рекой — оттуда, где оно находится в данную минуту. Все, что нам нужно — это план. Кто начнет?

Желающих не оказалось, и тогда Аббат предоставил слово брату Тео, нашему крупному специалисту по «Семи привычкам людей, умеющих добиваться успеха».

— Брат, — сказал Аббат, — вы знаете, что я не ковианец, но давайте будем выше сектанства. Итак, ваш вывод: что нам делать?

Брат Тео поднялся и откашлялся:

— Хотя конкретного «плана действий» мне найти не удалось, я уверен, что мы сможем разработать его на основе главных принципов Кови. Эта книга более пяти лет продержалась в списке бестселлеров газеты «Нью-Йорк таймс». В ней содержатся бесце...

— Брат, — сказал Аббат, — у нас всего двадцать четыре часа. Ближе к делу!

— Отлично. Как мне представляется, мы должны просто-напросто следовать семи привычкам. Первая: «Будьте предприимчивы». Вторая: «Начиная, помните о конечной цели». Третья: «Перво-наперво беритесь за самое важное». Четвертая: «Думайте только об успехе». Пятая: «Старайтесь сперва понять, а уж потом быть понятыми». Шестая: «Объединяйте усилия». Седьмая: «Точите пилу».

Брат Боб наклонился ко мне и сказал:

— А по-моему, это слова султана.

— Так вот... — продолжал брат Тео. Он снова откашлялся. — Как мне представляется, мы должны быть предприимчивы в понимании самого важного... того, что перво-наперво надо помнить о ящике, стоящем в конце кузова грузовика... объединив усилия...

— Благодарю вас, брат Тео, — сказал Аббат. — Брат Олбан!

Брат Олбан, наш стипендиат семинарии Наполеон-хилл, встал и показал всем книжку «Думай и обогащайся».

— Эту книгу переиздавали сорок два раза, и ее прочли более семи миллионов человек,

умеющих, между прочим, добиваться большого успеха, — сказал он, бросив уничтожающий взгляд на брата Тео. — Мой сегодняшний текст — это отрывок из раздела под заглавием «Десять шагов, которые превращают желания в золото»:

- «1. Запомните точно, какую сумму денег вы желаете.
2. Точно определите, что вы намерены отдать в обмен на деньги, которых желаете.
3. Точно определите, когда вы намерены стать обладателем денег, которых желаете».

— Хорошо бы в двенадцать двадцать пополудни, — сказал Аббат, взглянув на свои часы. Брат Олбан продолжал:

- «4. Составьте точный план осуществления своих желаний.
5. Составьте четкую, краткую выписку счета на ту сумму денег, которую вы намерены получить.
6. Ежедневно, дважды в день, читайте вслух составленную вами выписку, один раз — вечером, перед сном, и один раз — утром, после того, как встаете с постели. Читая, представляйте себе, чувствуйте и верьте, что вы уже обладаете этими деньгами».

— Итак, — сказал брат Олбан, — я полагаю, что нам следует составить эту выписку и спеть ее сегодня на вечернем богослужении.

Аббат потер виски:

— Почему бы вам, брат Олбан, не написать на бумажке цифру «два миллиона долларов» и не отправить ее по факсу на винный завод в Чили? Может, они-то, спев ее, и поверят, что уже обладают этой суммой.

Собрание шло своим чередом, и каждый новый эксперт оказывался ничемнее предыдущего. Ничего путного не было ни в «Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей», ни в «Богатстве без риска», ни в «Плавай вместе с акулами», ни в «Вашей безграничной способности стать богатым», ни даже в «Как создавать деньги».

Наконец Аббат с явной неохотой обратился к брату Джину, своему старому грозному противнику из стана роббинсистов.

— Ну что, брат, — язвительно спросил он, — вы «пробудили титана в душе»?

— Позвольте вам напомнить, отец настоятель, — сказал, расвирепев, брат Джин, — что Энтони Роббинс является консультантом некоторых лучших умов Америки...

— Таких, как Лиза Гиббонз и Бен Верин... да, брат, мы видели эту рекламную передачу. Но что у титана на уме для нас?

Брат Джин сказал:

— Глава двадцать вторая. «Финансовая судьба: мелкие шаги к кругленькой (или крупной) сумме».

— Давайте про крупную, — сказал Аббат.

Брат Джин прочел:

«Повторим пять основных уроков создания прочного богатства...

1. Первый ключ — способность получать больший доход, чем когда-либо прежде, способность создавать богатство.
2. Второй ключ сохранять богатство.
3. Третий ключ — приумножать богатство.
4. Четвертый ключ — защищать богатство.
5. Пятый ключ — пользоваться богатством».

— Брат, — сказал Аббат, — я слышу звук. Оглушительный грохот. Звук, издаваемый титаном в душе, — храп. Да и ноги у него воняют.

— Тогда поведайте нам, отец настоятель, — раскройте нам глаза, — что Дипак Чопра,

доктор медицины, может сказать о том, как организовать доставку нашего вина из ньюаркского порта?

— Ну что ж, — фыркнув, сказал Аббат, — по крайней мере, я могу предложить кое-что получше, чем весь этот вздор.

Он быстро перелистал страницы «Пить и жить в достатке», потом взял «Семь духовных законов преуспевания».

— Вот, например... гм-гм... страница сорок четвертая... «Чтобы накопить деньги, зажить в достатке и создать у себя изобилие всевозможных хороших вещей, вы всегда можете воспользоваться *Законом кармы*». Ну, а в конце главы у него есть упражнение.

Аббат нашел упражнение и прочел его:

«Выполняя Закон кармы, я обязуюсь предпринять следующие шаги:

1) Сегодня я ежеминутно буду следить за тем, чтобы каждый мой выбор был сделан сознательно...

2) Делая выбор, я каждый раз буду задавать себе два вопроса: «Каковы последствия того выбора, который я делаю?» и «Принесет ли этот выбор удовлетворение и счастье не только мне, но и тем, кого этот выбор касается?»»

Аббат умолк и перечитал все это про себя. Потом продолжил:

«3) Затем я попрошу свое сердце направлять меня и буду руководствоваться его сигналами о довольстве и недовольстве. Если выбор не вызовет ощущения беспокойства, я сделаю его не задумываясь».

Аббат с серьезным видом закрыл книжку.

— Полезное упражнение, — сказал брат Джин.

— Да, — сказал Аббат, — полезное. Мое сердце довольно выбором, который я намерен сделать.

Он взял обе книжки и с силой швырнул их в камин. Я смотрел, как пламя превращает «Пить и жить в достатке» в «СТА ДИП ОПРА», а потом в золу. Вскоре сгорели дотла и «Семь духовных законов преуспевания».

— Есть в доме требник? — спросил Аббат. — Помните, это такая книжка, где приведены слова Спасителя нашего?

Я протянул ему свой. Он взял его, раскрыл и прочел вслух последнюю информацию Брокера нашего о положении дел на бирже, только на сей раз продолжил дальше, закончив словами Иисуса, сказанными после того, как Он опрокинул столы меновщиков: «не написано ли: дом Мой домом молитвы наречется для всех народов? а вы сделали его вертепом разбойников».

С этими словами он взялся за свой край стола и поднял его так, что с другого края соскользнули все книжки. Один за другим боги самосовершенствования с глухим стуком упали на мраморный пол.

Через несколько часов, проведенных в новых безуспешных попытках выпросить по телефону деньги и вино, я отправился на поиски Аббата. Нашел я его не где-нибудь, а в винодельне, в верхней чановой. Впервые за целую вечность он проявил интерес к вину местного производства. Принимая во внимание последние события, с виду он был на удивление спокоен.

— А знаете, Зап, это было здорово! Я и понятия не имел, что сожжение книг может доставлять такое удовольствие. Теперь я хорошо понимаю Савонаролу⁴¹.

— Вы были в ударе, — сказал я. — А здесь-то что вы делаете?

— Решил посмотреть, сколько у нас осталось этого домашнего поила. — Он заглянул в

---

⁴¹ Итальянский монах-реформист пятнадцатого века, прославившийся своими «кострами амбиций», на которых предавались огню еретические книги.

чан с канским вином, которое по капле текло в сливоналивное устройство. — М-да, марочное канское. Крепкое, немножко ржавчины, столбнячных бактерий и бурых водорослей. Разве мы не собирались что-то с этим сделать?

— Нас отвлекли.

Аббат посмотрел на индикатор. В чане было чуть меньше семисот галлонов.

— Если перелить все это вниз, в главный чан, — спросил он, — как долго мы сможем поддерживать бесперебойную работу поточной линии?

— Минут сорок пять.

Аббат задумался.

— Возможно, этого времени хватит. А долго им не надоест смотреть, как бутылки сходят с конвейера?

— Будем уповать на то, что БАТО и «Шестьдесят минут» страдают неустойчивостью внимания. И что они не потребуют дегустации.

— Да пусть себе дегустируют! Это решит наши проблемы.

— Каким образом?

— Все отравятся — и дело с концом.

Аббат слез с приставной лестницы. Открыв вентиль, мы перелили вино в нижний чан.

— Все-таки и до этого наконец дошло, — сказал он. — Разливаем по бутылкам собственное вино.

— В суровые времена требуются суровые меры.

— Я все еще пытаюсь вытрясти деньги из этого немецкого скупердя. Отец Ганс по-прежнему твердит, что они над этим работают. Теперь понятно, почему на канонизацию уходит двести лет. Я сказал им, что приезжает Майк Уоллес, но, похоже, в Ватикане этому не придают особого значения. Наверно, Майк давненько не брал «интервью из засады» у Папы Римского.

— А что, если уговорить наших сицилийских друзей оказать на них давление? — предложил я. — Бьюсь об заклад, про мафию-то Святой Престол слышал.

— А ведь это мысль! — сказал Аббат, вытирая руки. — Позвоню-ка я мистеру Корелли.

Во время обеда в трапезной царил мрачная атмосфера. Даже брат Боб не решался шутить насчет Кисангани. Только Аббат казался веселым — а может, он просто пытался не дать нам упасть духом. Когда опустела последняя тарелка, он встал и подошел к аналою.

— Братья, — сказал он, — я еще не прекратил попыток договориться о завтрашней доставке вина. Однако перспективы у нас, можно сказать, туманные. Кана нуждается в чуде. В подлинном чуде. Подобном тем чудесам, о которых мы читаем в Библии. И на сей раз, братья, мы попробуем сотворить его старомодным способом — будем молиться о том, чтобы оно свершилось.

— Какая муха его укусила? — прошептал брат Боб.

Аббат объявил, что ночью мы отслужим всенощную у подножия горы Кана.

— Всенощную при свечах, — уточнил он, — только пламя будет более ярким и согревающим.

Следуя его указаниям, мы вынесли содержимое нашей библиотеки по самосовершенствованию во внутренний двор, где свалили все в большую кучу. Аббат обрызгал ее из кропила⁴² горючей жидкостью для зажигалок. Брат Джером открыл ящик «Фижака» — Маравилья не смог увезти с собой все вино — и налил каждому по бокалу. Потом Аббат зажег спичку и бросил ее на кучу. Когда загудело пламя, он поднял свой бокал.

— Братья, монахи Каны, я предлагаю выпить за наш Костер Нелепостей!

Гост был встречен возгласами одобрения. Все выпили. Брат Джин подошел к Аббату, достал свой экземпляр «Пробуди титана в душе» и бросил его в огонь:

— Это разбудит его — раз и навсегда.

Брат Тео бросил в костер «Семь привычек». Бывшие оппоненты в богословском споре

⁴² Инструмент для окропления святой водой.

обнялись.

С бокалами в руках мы стояли вокруг согревающего костра и пели нашу вечерню. В воздухе была разлита некая странная умиротворенность. Возможно, мы были преисполнены того душевного покоя, который ощущали древние мученики накануне казни. Но с другой стороны, не исключено, что дело было в «Фижаке».

Гости приехали незадолго до полудня на следующий день, который в Кане уже стали называть «великой черной пятницей». Аббат был просто воплощением радушия:

— «Шестьдесят минут», разрешите мне представить Бюро алкоголя, табака и огнестрельного оружия. БАТО, разрешите мне представить «Шестьдесят минут». А теперь, дамы и господа, прошу за мной.

Когда мы шли в винодельню, Майк Уоллес втянул носом воздух:

— У вас что, был пожар?

Аббат подмигнул ему:

— Нет, всего лишь сожгли заживо пару еретиков. Мы тут весьма старомодны.

«Шестьдесят минут» тотчас включили свою камеру. Аббат тотчас включился в свою обычную телеигру.

— Приятно заниматься богоугодными делами в такой погожий денек, — сказал он, помахав рукой выходящим из автобуса паломникам. — Да благословит вас Бог! Да благословит вас Бог!

Когда мы подошли к подножию горы Кана, он громко приветствовал другую группу — совершавшую восхождение.

— Молодцы! — воскликнул он. — Взбирайтесь на каждую гору!

Он затянул песню из «Звуков музыки». Когда он запел слова о том, что надо идти вслед за каждой радугой, Майк Уоллес не выдержал.

— Насколько мне известно, вам предъявил иск паломник, который был тяжело ранен на вашей горе, — сказал он.

— Никому не известно, сколь неисповедимы пути Господни и безмерна милость Его! — ответил Аббат. — А вот и наш Грот Божьей благодати, где столь многие паломники сбрасывают с себя бремя...

— А где же костыли? — спросил Уоллес.

— В тех случаях, когда паломники считают нужным оставлять здесь такие личные вещи, как костыли, инвалидные коляски, трости, очки, приборы для искусственного дыхания — что мы никоим образом не рекомендуем им делать, Майк, — мы передаем эти предметы в дар благотворительным обществам. Мы не утверждаем, что наше вино излечивает телесные недуги. — Он кивнул в сторону двоих угрюмых федеральных агентов. — Это было бы противозаконно. Конечно, у нас свободная страна, и если люди сами говорят, что посредством нашего вина они излечились от страшных болезней, вряд ли мы вправе затыкать им рот. Ну, вот мы и в сердце Каны — в нашей винодельне.

Мы вошли в разливочную, расположенную в нижнем этаже. Там стояли без дела десятки монахов в рабочих фартуках.

— А почему простаивает оборудование? — спросил Уоллес.

Аббат с удивленным видом ответил:

— Да ведь уже полдень, мистер Уоллес, священный час для ордена святого Тадеуша. Именно в полдень наш основатель в предпоследний раз подвергся умерщвлению плоти. Он стоял возле дома терпимости в Алеппо и громко обличал греховные мысли внутри.

— Ну и что?

— Оказалось, что внутри был султан.

Аббат преклонил голову и сказал:

— Давайте помолимся.

Все монахи преклонили головы. Аббат начал громко читать по-латыни отрывок из тревника. Дочитав полуденный текст, он сразу перешел к следующему и прочел тексты, рассчитанные на ближайшие три недели, стараясь тянуть время как можно дольше. Федералы и «Шестьдесят минут» явно начинали терять терпение — чего Аббат и добивался. Наконец он

закрыл свою книгу и сказал:

— За работу, братья, пора делать вино.

Он подал знак брату Олбану, который, нажав кнопки, запустил оборудование. С конвейера начали сходить бутылки канского вина.

Аббат схватил первую бутылку и с гордостью поднял ее перед камерой.

— А знаете, — сказал он, — хотя мы занимаемся этим уже давно, каждая бутылка до сих пор кажется мне своего рода маленьким чудом.

— Откуда берется это вино, отец настоятель? — спросил Уоллес. — Как нам стало известно, это вино отнюдь не вашего производства.

Аббат ухитрился принять неподдельно печальный вид и покачал головой:

— Я знаю, Майк, некоторым людям, особенно нашим конкурентам, трудно поверить, что настолько хорошее вино может производиться в таком бедном монастыре, как наш. Но могу вас заверить, что каждая капля вина в этой бутылке сделана из выращенного нами винограда, а потом выдержана и разлита именно здесь, в монастыре Каны.

— А можно попробовать? — спросил Майк Уоллес.

Аббат нерешительно ответил:

— Майк, вы ставите меня в несколько неловкое положение. Как вам известно, существует очень длинный список очередности заказов на наше вино. Эту бутылку вообще-то следовало бы отправить человеку, который не поленился позвонить по телефону ВОСЕМЬСОТ-ПЕЙ-КАНУ. Но, как учит нас наш основатель, святой Тад, гостеприимство сродни благочестию, поэтому мне трудно отказать.

Аббат откупорил бутылку и наполнил два бокала. Потом демонстративно покрутил вино в бокале и пристально изучил его в поисках «ножек» и других признаков высокого качества. Когда стало уже невозможно оттягивать роковую минуту, он пригубил вино. Это был великолепный спектакль. Аббат подержал жидкость во рту и, закрыв глаза, убедительно изобразил наслаждение, а потом геройски проглотил.

— М-м-м, — произнес он. — М-да, вот это я и называю... вином.

Майк Уоллес выпил глоток из своего бокала — и начал давиться от кашля. Отвернувшись и стараясь вести себя как можно сдержаннее, он выплюнул все на пол.

— Ну и ну... кхе-кхе. Что это такое?

— Чересчур терпкое, не правда ли? — весело сказал Аббат. — Это «Кана нуво». Лично я люблю крепкий, насыщенный букет вина из только что открытой бутылки, но люди, не привыкшие к такому вкусу, возможно, предпочитают дать вину подышать.

— Я бы дал ему пару лет, — сказал Уоллес. Он скovyрнул с зубов крупную оранжевую песчинку. — А это что такое?

— Послушайте, Майк, — сказал Аббат, — как я уже говорил Диане Сойер, нельзя требовать, чтобы мы выдавали свои профессиональные секреты.

Майк принялся с пристрастием допрашивать Аббата, который прекрасно справлялся со своей ролью, ухитряясь не только дипломатично уклоняться от ответов на вопросы, но и вставлять номер 800-ПЕЙ-КАНУ в середину каждой потенциально губительной фразы.

Наконец Аббат взглянул на свои часы — а прошло уже минут тридцать, — и сказал:

— Час пятнадцать. Как время-то летит! Я обещал его преосвященству кардиналу, что позвоню ему до его отъезда в Кастель-Гандольфо. Но мы, кажется, уже все обсудили. Позвольте мне проводить вас до выхода, господа.

Но господа из БАТО никуда пока не собирались. Они следили за бутылками, сходящими с конвейера.

— Вам нужно наполнить тысячи ящиков, святой отец, — сказал старший агент БАТО. — Мы еще побудем здесь. Но из-за нас тут задерживаться не стоит. Идите, звоните по телефону. — Он ухмыльнулся. — Мы сами справимся.

— Мы тоже, — сказала продюсер Уоллеса.

— Как вам будет угодно, — сказал Аббат беззаботным тоном. — В таком случае прошу меня извинить. Оставляю вас в надежных руках братьев Запа и Майка.

Глядя, как Аббат удаляется, я не мог не восхищаться его спокойствием перед лицом неминуемой гибели. Он казался истинным последователем святого Тада. Что до меня, то я

обливался потом. С минуты на минуту у нас должно было кончиться вино, и мне не хотелось оказаться перед камерой «Шестидесяти минут», когда это произойдет. Я попросил брата Майка позаботиться о наших гостях и сообщил всем, что должен ненадолго отлучиться.

— Я обещал брату Тео помочь ему с фильмами, — сказал я.

Дойдя до дальней стены разливочной, я открыл дверь в фильтровальную. Возле главного чана собрались с десятков монахов, угрюмо уставившихся на прикрепленную сбоку вертикальную стеклянную трубку. Это был индикатор высотой от дна до края чана, показывавший уровень жидкости внутри. Я посмотрел на оранжево-красный столбик вина в трубке. Он показывал, что осталось меньше четверти чана, и продолжал опускаться.

— Вот-вот кончится, — сказал брат Боб, лихорадочно листая страницы своего требника — явно в поисках наития свыше. — Есть желающие еще раз послушать последние слова святого Тада?

— Пожалуйста, только не это, — сказал я. Потом достал собственный требник и раскрыл его, надеясь найти что-нибудь другое, столь же соответствующее нашему скорбному положению, как вдруг наткнулся на давно знакомое место. Я невольно улыбнулся.

— А теперь слушайте внимательно! — сказал я и начал читать.

«На третий день был брак в Кане Галилейской, и Мать Иисуса была там. Был также зван Иисус и ученики Его на брак.

И как недоставало вина, то Мать Иисуса говорит Ему: вина нет у них.

Было же тут шесть каменных водоносов... вмещавших по две или по три меры.

Иисус говорит им: наполните сосуды водою. И наполнили их до верха».

— Смотрите... индикатор! — воскликнул брат Бенедикт. — Он больше не опускается!

Мы подняли преклоненные в молитве головы. И в самом деле: казалось, уровень столбика в стеклянной трубке замер на отметке одной восьмой общего объема.

— Они что, линию остановили? — спросил брат Боб. Однако по-прежнему было слышно, как в соседнем помещении дребезжат движущиеся на конвейере бутылки.

— Читайте дальше! — сказал брат Бенедикт.

Не совсем понимая, что происходит, я продолжал:

«И говорит им: теперь почерпните и несите к распорядителю пира. И понесли.

Когда же распорядитель отведал воды, сделавшейся вином, — а он не знал, откуда это вино, знали только служители, почерпавшие воду, — тогда распорядитель зовет жениха и говорит ему: всякий человек подает сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее, а ты хорошее вино сберег доселе».

— Поднимается! — вскричал брат Боб. — Поднимается!

Мы смотрели в изумлении: уровень повышался. Столбик миновал отметку одной четверти объема, потом отметку половины — и продолжал подниматься. Никто не проронил ни слова. Один за другим монахи перекрестились и опустили на колени, сложив руки в молитве и не сводя глаз с этого поразительного зрелища. По щекам брата Олбана ручьями текли слезы. Он непрерывно шептал одно и то же слово: «Чудо... чудо...» Казалось, изменяется даже цвет вина. Наконец-то канское вино приобрело насыщенный, густой цвет, сделалось темно-красным.

Пока они молились, я помчался к Аббату, чтобы обо всем ему рассказать. Люди из «Шестидесяти минут» и агенты БАТО по-прежнему наблюдали за бутылками, сходящими с конвейера. Прикидываться учтивым было уже ни к чему.

— Ну что, ребята, веселитесь? Можете оставаться здесь, пока не надоест. Там, откуда берется это вино, его еще много. Если вам что-нибудь понадобится, брат Майк к вашим услугам.

Я уже направлялся к выходу из винодельни, как вдруг до меня дошло, что брат Майк, который должен был присматривать за ними, исчез.

— А где брат Майк? — спросил я.

— Умчался куда-то минуту назад, — сказала продюсер «Шестидесяти минут».

Свернув за угол винодельни, я увидел брата Майка на стальной лестнице, ведущей в

верхнюю чановую. Он стоял там с ломиком в руке и, судя по всему, пытался взломать дверь.

Я бегом поднялся по лестнице.

— Какая-нибудь проблема, брат?

Брат Майк, как всегда, ответил односложно:

— Ага. Еще какая!

Навалившись на ломик, он чуть приоткрыл запертую дверь. После чего подобрал подол рясы и достал из ножной кобуры черный пистолет.

— Федеральный агент! — крикнул он, уставившись на дверь, и сильно ударил по ней ногой.

Дверь распахнулась. Внутри, на приставной лестнице, стоял над чаном Аббат. В одной руке — пластмассовое ведро с «Каска-адам», наполненное «Канской красной» краской. В другой — толстый шланг, при помощи которого он наполнял чан... водой.

Я в ужасе уставился на него.

— Ессе homo⁴³, — сказал я. — Первым чудом Господа нашего на земле было превращение воды в вино. Ваше чудо — превращение вина в воду.

Тем временем «брат» Майк продемонстрировал нам начищенный до блеска жетон, на котором значилось:

БЮРО АЛКОГОЛЯ, ТАБАКА И ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ.

— Специальный агент Сподак, — объявил он. — Вы арестованы за мошенничество.

Он убрал свой пистолет и знаком велел Аббату вытянуть руки, на которые тут же надел наручники.

— Простите, святой отец.

Защелкнув наручники на моих руках, он не извинился. Он достал переносную рацию и сказал в микрофон:

— Дядя Один, вперед!

Мы спустились по лестнице, и он привел нас обратно в разливочную, где передал своим коллегам из БАТО. Оператор «Шестидесяти минут» принялся протискиваться вперед, чтобы снять редкие кадры с монахами в наручниках.

Когда нас выводили из винодельни, к нам подбежал брат Джером.

— Еще одно чудо! — воскликнул он. — Виноград ходит!

Мы посмотрели в сторону виноградника. И в самом деле, виноградная лоза там и сям явно двигалась под гору, по направлению к нам. Потом вдалеке послышался рокот приближающихся вертолетов. Мгновение спустя перед нами остановились несколько фургонов. Задние двери распахнулись, и оттуда выскочили отряды спецназовцев с оружием на изготовку. Бойцы тут же заняли свои позиции. Вертолеты были уже над нами. Они поднимали пыль и задирали нам рясы выше пояса, словно подол платья Мэрилин Монро над решеткой подземки. Группа «Шестидесяти минут» была вне себя от счастья.

— Неужели все это так уж необходимо?! — крикнул Аббат агентам БАТО, морщась от шума вертолетов и стыдливо придерживая подол своей рясы руками в наручниках. — Господи боже! Вы что, ожидали встретить вооруженное сопротивление?

Старший агент БАТО жестом велел «брату» Майку снять с нас наручники. Потом дал знак удалиться вертолетам, которые начали кружить над горой Кана, разогнав паломников.

— Религиозный культ в сильно укрепленном районе, — объяснил он Аббату. — Стандартная процедура со времен событий в Уэйко.

— Все по уставу, — сказал специальный агент Майк. — Да не отговори я их, они бы еще и танки с бэтэрами сюда направили.

— Да благословит вас Бог, сын мой, — процедил сквозь стиснутые зубы Аббат.

— Ну ладно, пора начинать облаву, — сказал старший агент БАТО.

Специальный агент Майк предложил устроить «временный загон» в

⁴³ «Се человек» (лат.)

Административно-отшельническом центре. Под охраной вооруженных центурионов мы пошли своим Via Dolorosa⁴⁴. Агенты БАТО рывкали в мегафоны на паломников:

— Очистить гору! Это место преступления! Немедленно возвращайтесь в автобусы!

Испуганные, растерянные паломники, сжимая в руках свои сувенирные мерные кувшины, в изумлении смотрели на нашу странную процессию. Все это унижение наилучшим образом умерщвляло плоть. Святой Тад был бы в восторге.

Нас привели в Административно-отшельнический центр. Появились и другие арестованные монахи. Тех из них, кто работал в виноградниках, сопровождали агенты в камуфляже из лозы. Когда собрали всех, старший агент вышел вперед и начал:

— Вы имеете право хранить молчание...

— Знаем, — сказал Аббат. — Мы же монахи.

Агент зачитал нам наши права до конца. Потом сказал специальному агенту Майку:

— Сосчитайте всех, пора их отсюда увозить.

— Простите! — вмешался Аббат. — Можно кое-что сказать?

Старший агент кивнул.

— Всех арестовывать незачем. Во всем виноват я один. Я беру на себя полную ответственность за все совершенные здесь преступления.

Некоторые из агентов БАТО достали блокноты и принялись торопливо записывать.

— Осторожно, святой отец, — прошептал я. Но он продолжал, не обращая на меня внимания:

— Я — пастырь, а это моя паства. Я сбил их с пути истинного. Все, что они сделали, было сделано по моему приказу. Я был введен в заблуждение сочинениями лжепророков и польстился на легкую прибыль. А когда опомнился, было уже поздно. Мы сами остались в дураках и потеряли наши деньги. Уверяю вас, мы собирались выполнить все заказы, отправив покупателям настоящее вино. Нам нужно было лишь еще немного времени. Пурпурная краска была использована только ради вас. Эти бутылки мы бы отправлять не стали. Но я знаю, что нарушены законы кесаревы, и кто-то должен за это поплатиться. Я — тот, кто вам нужен. Это добродетельные монахи. Если они и совершили преступление, то всего-навсего одно: поверили в меня.

Агенты БАТО принялись совещаться. Они жестами подозвали к себе специального агента Майка. Я смотрел, как он кивает. Старший агент повернулся к Аббату:

— Вы готовы подписать соответствующее заявление?

— Да, — сказал Аббат.

Специальный агент Майк помог одному из агентов напечатать заявление на Аббатовом персональном компьютере. Аббат прочитал его и подписал, добавив от руки: «Mea culpa». Потом спросил у старшего агента:

— Можно мне на прощанье побыть несколько минут наедине с моими монахами? Нам бы хотелось прочитать молитву, которую наш основатель сотворил перед тем, как смиренно принять смерть от рук светских властей.

— Хорошо, — сказал старший агент.

Люди из БАТО оставили нас одних. Аббат направился в свою спальню.

— Зап, на два слова.

Я вошел следом за ним. Он начал переодеваться в мирскую одежду — брюки цвета хаки и куртку.

— Наверно, вам не хочется отправляться в тюрьму в рясе, — сказал я с грустью на сердце.

Присев на корточки, Аббат открыл шкафчик. Внутри был небольшой сейф. Он покрутил диск, открыл дверцу и достал бумажник, паспорт и пачки сотенных купюр.

— Секрет Аббата. Личный фонд страхования от потерь, — пробормотал он.

— Разве в тюрьме все это понадобится? — спросил я.

— Зап, — сказал он, продолжая запихивать вещи в небольшой брезентовый мешок, — я прошу вас выслушать мою исповедь.

⁴⁴ «Скорбный путь», дорога в Иерусалиме, по которой Иисус шел с Крестом Своим на Голгофу.

— Но я же не священник, — сказал я. — Я всего лишь монах. Мне нельзя выслушивать исповеди.

— В критической ситуации можно, — сказал он и, поспешно перекрестившись, начал: — Благословите меня, брат, ибо я согрешил и до сих пор продолжаю грешить. Раз это исповедь, вы должны хранить в тайне все, что я вам рассказываю, и потому не обязаны сообщать что-либо властям. Следовательно, вы не соучастник.

— Соучастник чего?

— Я не собираюсь в тюрьму!

— Вот как?

— Да. Я собираюсь позаботиться о том, чтобы в тюрьму сел кое-кто другой. Собираюсь разыскать этого в меру мерзкого монсеньера, где бы он ни был, и прочесть ему молитву о страданиях. — Он застегнул свой вещевой мешок на молнию. — Об этом и обо всех своих грехах я искренне сожалею.

— Однако, святой отец...

— Не пытайтесь отговорить меня, Зап. Просто наложите на меня епитимью. Впрочем, не трудитесь. Я уже исполнил свою епитимью, выпив тот отвратительный бокал канского. — Он состроил гримасу.

Вслед за ним я вышел из спальни в конференц-зал. Он обратился к монахам:

— Братья, я молюсь о том, чтобы вы смогли простить своего настоятеля. Я безнадежно заблудился где-то в «Поле безграничных возможностей». Быть настоятелем Каны — большая честь, и я ее недостоин. Но я обещаю вам приложить все усилия, чтобы искупить свои грехи. А пока оставляю вас в надежных руках брата Запа. Преклоним же головы, и пусть он начнет нашу молитву.

Когда я начал читать наизусть отрывок из «De Doloribus Extremis», Аббат похлопал меня по плечу и, никем больше не замеченный, скрылся, спустившись по лестнице в свой винный погреб.

Я старался читать молитву как можно дольше. В конце концов, когда я оставил без внимания стук агентов БАТО в дверь, она открылась. Вошел специальный агент Майк.

— Хватит, — сказал он. — Я знаю, что это длинная молитва, но не настолько. Я делал по ней либретто.

Он оглядел присутствующих. Не увидев Аббата, он обшарил спальню, ванную и информационно-просмотровую комнату.

— Ну ладно, — сказал он. — Где он?

— Он сказал, что хочет напоследок выпить бокал хорошего вина, — ответил я. — Спустился в погреб.

Специальный агент Майк встал на верхней площадке лестницы и крикнул вниз:

— Святой отец, пора ехать! Вино больше пить нельзя. Святой отец!

Он спустился по лестнице. Через минуту он взбежал наверх, на ходу достав свою рацию.

— Дядя Один! Важная Персона в бегах. Похоже, вышел через черный ход винного погреба. Блокировать район!

Он посмотрел на нас:

— Когда он сбежал? Давно?

— Отца настоятеля нет? — простодушно спросил брат Джером.

Специальный агент Майк уставился на него.

— Вы что, не знали? — Он обвел взглядом лица растерянных монахов. — Хорошо, братья. Допустим, вы ничего не знали. Но больше никто отсюда не выходит. У кого ключ от задней двери погреба?

Я спустился с ним в погреб и отпер дверь. Он ринулся на автостоянку, уже кишевшую агентами БАТО. Они входили в туристские автобусы, полные уезжающих паломников, и искали среди них аббата. Стоя в дверях погреба и наблюдая за этой странной сценой, я вдруг увидел, что у входа в Паломнический центр стоит она.

Сначала я решил, что у меня начались галлюцинации. Все-таки день выдался

напряженный, чреватый стрессом. Но тут она увидела меня и замахала рукой. Потом пробралась сквозь толпу, сквозь хаос, царивший на автостоянке, и подошла ко мне.

— Как здесь оказались все эти люди? — спросила она.

— А вы-то как здесь оказались? Я думал, вы на Кубе. Или уже на Кайманах

— Что?

— Вы, монсеньер Миловидный и наши шестнадцать миллионов.

— О чем это вы?

— Вы что, не знали? Он украл все наши деньги.

— Ну и ну! — сказала она. — Неудивительно, что вы вызвали полицию.

— Нет, полиция ищет Аббата.

— Аббата?! — Филомена покачала головой. — Стоит на четыре дня оставить вас, ребята, без присмотра, как монастырь оказывается на осадном положении. — Она рассмеялась. — Может, и вправду надо было соорудить тот крепостной ров.

Я вкратце рассказал ей о событиях минувшей недели.

— Все равно не понимаю, какое отношение я имею к Кубе, — сказала она. — С какой стати вы вдруг решили, что я сбежала со священником?

— А что нам прикажете думать? Он исчез, вы исчезли. Вы оставляете загадочную записку, в которой просите прощения. К тому же, честно говоря, он действительно похож на Ричарда Чемберлена.

— Мне просто необходимо было уехать. Маравилья закрыл Паломнический центр. Мне необходимо было уехать в такое место, где можно спокойно поразмышлять. Желательно не в монастырь, битком набитый пробивными дельцами.

— Понятно, к чему вы клоните. И куда же вы направились?

— Прямо по дороге, куда глаза глядят. Потом уединилась в женском монастыре. — На миг она стыдливо потупила взор. — Там я приняла решение. Я постригаюсь в монахини.

Дар речи вернулся ко мне не сразу. Несколько минут я стоял, как громом пораженный, потом протянул руки и обнял ее.

Мы по-прежнему стояли, крепко обнявшись, когда двое агентов БАТО, проходивших мимо, остановились, чтобы на нас посмотреть.

— Ну и монастырь тут у них! — сказал один другому.

Мы юркнули в винный погреб. На столе стояла открытая бутылка «Фижака» — вероятно, Аббат задержался перед уходом, чтобы напоследок выпить глоточек. Мы наполнили два бокала и выпили за новое призвание Филомены.

Потом мы заговорили о моей последней конфиденциальной информации.

— Я могу понять, почему не надо было следовать совету Дипака, — сказал я. — Чего я не понимаю, так это каким образом могла вкрасься ошибка в наш требник. Там же все довольно ясно сказано о меновщиках и голубях.

Я показал ей это место. Она внимательно его прочла.

— В требнике нет никакой ошибки, — сказала она. — Вы просто неверно истолковали текст. Меновщиков действительно опрокинули, ведь меновщики — это вы, ребята.

— Хорошо, — сказал я, — но как быть с голубями?

— Голуби — это тоже вы. Самая распространенная разновидность голубя — глупый сизарь. Попавшись на удочку авторов этих книжек, вы поступили как незадачливые сизари. Только последний лопух способен поверить этим специалистам по обогащению. Сами подумайте, разве стал бы человек, знающий секрет быстрого обогащения, выдавать его за девять долларов девяносто пять центов?

Разумеется, она была права. Это лишний раз доказывало, что в нашем требнике заключена безграничная мудрость. Там, в Аббатовом винном погребе, я усвоил Седьмой закон духовно-финансового роста:

VII. ЕДИНСТВЕННЫЙ СПОСОБ РАЗБОГАТЕТЬ ПРИ ПОМОЩИ КНИГИ О ТОМ, КАК РАЗБОГАТЕТЬ, ЭТО НАПИСАТЬ ЕЕ.

Рыночная медитация седьмая

Многие ли мои знакомые читают книжки о том, как разбогатеть?

Многие ли из них разбогатели?

А где сейчас Маравилья?

Знал ли святой Тад, что в борделе находится султан?

Откровенно говоря, раньше вы задавали вопросы и получше. Но сегодня тяжелый день — для всех нас.

Не унывайте. Вы еще не растеряли своих способностей. К тому же вы прекрасный человек.

Ну что ж, пора выполнить упражнение. Начнем с разминки. Подойдите к книжным полкам и снимите оттуда все книги, сулящие легкий путь к богатству, власти, сексу и лакеям, отгоняющим машины гостей на стоянку. Теперь внимательно посмотрите на обложку каждой книги. Есть там данные о продаже? Например: «КНИГА, МГНОВЕННО СТАВШАЯ МЕЖГАЛАКТИЧЕСКИМ БЕСТСЕЛЛЕРОМ! ПРОДАНО БОЛЕЕ ЧЕТЫРЕХ МИЛЛИОНОВ ЭКЗЕМПЛЯРОВ!» Будем считать, что с каждого экземпляра автор получает около трех долларов. Возьмите листок бумаги. Теперь разделите его на две колонки. В левой напишите, сколько заработал автор на продаже книги. (Например: «12 миллионов долларов».) В правой колонке напишите, сколько вы заработали при помощи этой книги. (Например: «минус 9 долларов 95 центов».)

Повторите эту процедуру для каждой книги. Затем суммируйте цифры в обеих колонках. Если ваша общая прибыль превышает общую прибыль авторов... эй, бросьте, кого вы хотите одурачить?!

Если прибыль авторов больше вашей, скажем, в пять миллиардов раз, то какой урок мы можем из этого извлечь? (Подсказка: подумайте: «ну и лопух!»)

Без паники! Надежда еще есть. У нас в запасе еще один закон — и самое лучшее мы приберегли напоследок!

Молитва истинного поборника самосовершенствования

Господь, указавший народу Своему путь через долину смертной тени,

укажи мне путь через отдел улучшения личности в книжном магазине.

Помоги мне понять, которой из личностей становится лучше от каждой из этих книг на самом деле,

дабы все, что зарабатываю я в поте лица своего, оставалось в моем собственном кармане,

и пусть я неизменно буду давать решительный отпор тем, кто попытается заставить меня быть предприимчивым.

Помоги мне также постичь ту глубокую мудрость, которая ждет меня в конце следующей, заключительной главы.

Глава седьмая с половиной

Письмо от Аббата...

Новая миссия Каны...

Последний и самый главный закон

В то воскресенье почти вся программа «Шестьдесят минут» была посвящена событиям в Кане. Поскольку Аббата уже объявили в международный розыск, он и оказался в центре

внимания. Они сделали видеомонтаж его монашеской карьеры — от свадебного рекламного ролика и спуска по искусственному каналу с призраком Себастьяном до наручников. Меня даже передернуло, когда они показали, как он сообщает Хью О'Тулу о «секретном компоненте, который мы называем любовью», и тут же дали кадр с агентом БАТО, держащим в руке пластмассовое ведро «Канской красной» краски — уже с биркой «ВЕЩЕСТВЕННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО». Дотошные, как всегда, репортеры «Шестидесяти минут» взяли интервью у сеньора Баэсы в его винограднике в долине Майпо, а так же разыскали некоторых крайне недовольных покупателей, в том числе одну женщину, которая сломала бедро после того, как по пьяни выбросила свои инвалидные ходунки.

— БАТО закрыло канскую винодельню, — сообщил Уоллес.

На экране, за спиной Уоллеса, появилась фотография Аббата с надписью «РАЗЫСКИВАЕТСЯ ПОЛИЦИЕЙ». Когда Уоллес заканчивал свой репортаж, мне показалось, что на лице у него мелькнула улыбка:

— Что же до местопребывания этого странного монаха, то пока оно, похоже, одному Богу известно.

БАТО в конце концов установило, что Аббат прокрался в туристский автобус, нанятый монреальским отделением Общества святого Блеза. В одном донесении сообщалось, что он сел в поезд, отправлявшийся в Торонто.

Спустя месяц видели, как человек, похожий на него, задавал вопросы бармену в гостинице «Принсес» на острове Большой Кайман — где неделей раньше останавливался человек, похожий на монсеньера Маравилью. После этого след был потерян.

Сюжет, показанный в программе «Шестидесять минут», расшевелил отца Ганса. Мы заключили сделку с Ватиканом: если они выплатят все долги за невыполненные заказы, мы никому не расскажем об их нечистом на руку монсеньере. После уплаты долгов отпали все претензии к нам со стороны БАТО. Я заставил отца Ганса пообещать в письменной форме, что мы, монахи, останемся в Кане и не будем отправлены «совершать дела, угодные Господу, ни в один район, не выбранный по обоюдному согласию, в частности — ни в Кисангани, ни в любую другую общину на реке Конго».

Наши долги были погашены, но мы вновь оказались в привычном положении — без денег в банке и без определенных средств к существованию. Следовало ли нам снова заняться торговлей вином? Марка нашей продукции получила официальное признание — факт, безусловно, отрадный. И в то же время неприятный. Как новый настоятель Каны, я должен был думать о будущем монастыря, если он таковое имел.

Как-то раз, когда я сидел за своим рабочим столом, изучая каталог винодельческого оборудования, вбежал брат Джером с каким-то письмом.

— Почерк! — взволнованно воскликнул он.

Этот почерк я узнал сразу. Судя по штемпелю, письмо было отправлено из Каракаса. Я вскрыл конверт и прочел:

«Дорогой брат!

Надеюсь, это письмо попало к вам, а не к какой-нибудь назойливой правительственной ищейке. В последнем случае не стоит терять время на отправку вертолетов в Венесуэлу. Меня там уже не будет.

Сожалею, что вынужден был уехать в такой спешке. Я просто воспрянул духом, когда мне попала на глаза статья в «Геральд трибюн», где сказано, что вы с БАТО пришли к полюбовному соглашению. От некоторых сицилийских друзей я узнал, что вы заставили отца Ганса выложить часть украденных у нас денег. Кроме того, они сообщили мне, что уже получили остаток причитавшейся им суммы. Тем не менее, карман у этого священника-растратчика, любителя чужого «Фижака» и футбольного тотализатора, по-прежнему набит битком, и я намерен заполучить эти деньги назад, пока он все не промотал. Когда я до него доберусь, настанет мой черед прочесть ему последние слова святого Тада. Я ручаюсь, что после того, как мы с монсеньером М. распрощаемся навсегда, все станут говорить: «Воистину этот человек познал боль».

Я постоянно думаю обо всех вас. Вы не планируете возобновить производство вина? Конечно, я не вправе давать советы, и все же рискну. Прекращайте торговлю

вином. Забудьте и обо всем остальном, что обычно продают монахи — о сыре, варенье, пирожных и так далее. Пусть монастырь станет постиндустриальным. Вспомните о важнейшей миссии религии — о розничной торговле духовной мотивацией. Суть религии не в работе над собой, а в надежде на собственные силы. Вспомните о важнейшей миссии монашества — о сохранении и распространении вековой мудрости. Урежьте свои накладные расходы — выбросьте эти ржавые чаны, — и дайте людям то, чего они хотят на самом деле (помимо хорошего вина по сходной цене). Короче говоря, торгуйте утешением, а не совиным.

Ну, мне пора. Иду на футбол — матч может оказаться очень интересным.

Да благословит вас всех Бог, и не забывайте приберегать самое лучшее напоследок.

Ваш (бывший) Аббат».

Я привез письмо Филомене, уже ставшей послушницей в женском монастыре неподалеку. Мы встретились в гостевой комнате.

— Похоже, Аббат полон решимости изловить монсеньера Миловидного, — сказал я. — Мне бы очень хотелось оказаться рядом, когда это случится.

— Мне тоже.

— Я могу понять человека, который то и дело проигрывается вчистую. Это болезнь. Возможно, он заразился ею от отца. Но я никак не пойму, почему он забрал все наши деньги.

— Думаю, он пытался найти оправдание в том, что деньги ничего не значат, — сказала она, — но это не так. Он вырос в богатой семье, потом его отец всего лишился. Потому он и поступил на службу в Ватикан — это было почти то же самое, что вновь разбогатеть. Но он ненавидел Блютшпиллера. Просто изнывал от желания удрать от него подальше. Думаете, почему он провел так много времени у нас? В тот день, когда вы сообщили ему о приезде Блютшпиллера, он почувствовал страшную опустошенность.

— А как по-вашему, которым из способов святого Тада Аббат намерен умерщвлять его плоть?

— Вероятно, для начала он собирается отпилить ему голову, — сказала Филомена.

— Я желаю Аббату удачи. Но мне не совсем понятны остальные мысли, содержащиеся в письме. Что значит «торгуйте утешением, а не совиным»? Звучит так, словно он вычитал это у Дипака. Почему нельзя попросту делать приличное вино?

— Забудьте о вине, Зап, — сказала она и взглянула на письмо. — Мне нравятся эти слова о «постиндустриальном монастыре». Строки о «важнейшей миссии». По-моему, он нашел верный способ сокращения накладных расходов. Когда-то Церковь торговала индульгенциями, в обмен на наличные предоставляя людям отсрочку от Чистилища. Вот вам и минимальные накладные расходы.

— Ну что ж, если я решу начать торговлю индульгенциями, то непременно найму вас с Брентом делать информационно-рекламную передачу. «Постой, Себастьян! Не хочешь ли ты сказать, что следующие пятьдесят позвонивших получают тысячедневную отсрочку заключения в Чистилище, причем по невероятно низкой цене — всего за девятнадцать долларов девяносто пять центов? А в придачу, совершенно бесплатно — этот замечательный большой пляжный зонт?» Индульгенция — не лучшая страница истории Католической Церкви. В то время существовала так называемая Реформация. Хочется верить, что деньги для Церкви не самое главное. В конце концов, монахи дают обет нищеты.

— Ну конечно, — сказала она, — холостяку, которому не нужно содержать семью, легко читать проповеди о том, что деньги — зло. Наверняка распространение подобных идей было выгодно в те далекие времена, когда монастыри существовали на пожертвования дворян, делавших все, чтобы крестьяне не позарились на их богатство. Давайте не будем лукавить: деньги имеют большое значение. С какой это стати люди должны отказываться от денег?

— Ага, понятно. Нагорная проповедь была просто не совсем верно истолкована. На самом-то деле Иисус хотел сказать, что «блаженны стяжатели, ибо они будут ездить на заграничных машинах». Вы же сами в это не верите. Иначе вы не оказались бы здесь, в монастыре.

— Нет, — продолжала настаивать она, — мы, конечно, должны объяснять людям, что

деньги — это еще не все. Есть и другие важные вещи. Но им будет гораздо легче сосредоточить внимание на этих важных вещах, если они избавятся от денежных забот.

— Кажется, я начинаю улавливать смысл ваших слов.

— Я лишь хочу сказать, что люди станут слушать нас гораздо охотнее, если мы будем объяснять им, как заработать больше денег.

— Значит, по-вашему, мы должны заделаться специалистами по работе над собой? Вы же сами говорили, что они надувают своих читателей, как глупых сизарей.

— Конечно, надувают. Потому что хотят разбогатеть. Именно поэтому им и нельзя доверять. — Она лукаво посмотрела на меня. — Но предположим, что найдется человек, который знает, как разбогатеть, славится своими озарениями насчет выгодного помещения капитала, но при этом хочет оставаться бедняком. Человек, гарантией честности которого служит... обет нищеты.

Вот как случилось, что Аббатов Административно-отшельнический центр и в самом деле превратился в центр уединения для администраторов-отшельников. Это решение все время буквально лежало на поверхности. Вскоре у нас уже отбоя не было от служащих, стремившихся обрести вдохновение и мотивацию в тихом буколическом монастыре, носящем знаменитое название. Кана стала популярным местом для корпоративного ухода от мира. Биржевым маклерам с Уолл-стрит хотелось услышать историю о том, как Брокер наш спас Кану. К тому же их очень радовал тот факт, что монастырь когда-то был средоточием скандала. Брат Боб, который принимал предварительные заказы, сказал мне, что служащие секции слияния и поглощения предприятий постоянно просят в личную келью Аббата. Наши влиятельные клиенты выражали готовность раскошелиться на то, чтобы в течение нескольких дней испытывать на себе монастырский режим и даже незначительное умерщвление плоти. Правда, при этом они настоятельно требовали, чтобы им подавали хорошее вино из старого Аббатова погреба.

Никогда еще у нас не было так много повседневных забот. Администраторы вставали ни свет ни заря и шли с нами на утреннее богослужение. После простого, но сытного завтрака я читал отшельникам лекцию под названием «Семь законов духовно-финансового роста». Ближе к полудню начинали работать специальные кружки для тех многочисленных администраторов, которые всячески старались побороть свою пагубную привычку к учебным пособиям по самосовершенствованию и интенсивным курсам обучения. Брат Джин был абсолютно безжалостен по отношению к бывшим роббинсистам. Брат Тео с выздоравливающими ковианцами обращался помягче, зато добивался успеха. Время после полудня было посвящено отработке взаимодействия в коллективе посредством таких занятий, как скалолазание на горе Кана, преодоление полосы препятствий в виде колючих кустов и переправа на плотках по прозрачной воде через бывший «Каска-ад». После этого — повседневные домашние дела, затем — превосходный обед, приготовленный фра Филиппом, нашим монахом-новичком, потом — григорианские песнопения, медитация и, наконец — сон праведных.

Ближе к вечеру, когда наши клиенты занимались повседневными делами — тщательно мыли мраморные полы и ухаживали за растениями в саду, — я частенько подолгу прогуливался по бывшим канским виноградникам с сестрой Филоменой, нашей заведующей отделом подготовки руководящих кадров. Как-то раз, любуясь закатом с вершины горы Кана, мы обсуждали план расширения — наш список кандидатов в отшельники уже был составлен на восемь месяцев вперед и продолжал пополняться. Нам не хотелось, чтобы Кана превратилась в чрезмерно застроенное, переполненное место. В то же время не хотелось давать от ворот поворот людям, которые стремились в Кану за опытом и за мудрыми советами, содержащимися в «Семи законах». И тогда, глядя сверху на то место, где некогда мы жгли костер, Филомена подсказала мне идею этой книги. Сначала я и слышать об этом не хотел, но она сказала, что было бы несправедливо делиться нашей мудростью только с состоятельными слоями общества.

Вот так я и открыл Последний закон, поправку к нашему Седьмому закону: «Единственный способ разбогатеть при помощи книги о том, как разбогатеть, это написать ее...»

VII 1/2 ...ИЛИ КУПИТЬ ЭТУ КНИГУ.

Рыночная медитация седьмая с половиной

Где можно купить дополнительное количество экземпляров этой замечательной книги?

Ограничено ли количество экземпляров, которое я могу приобрести?

Если в моем книжном магазине из-за огромного спроса не осталось ни одного экземпляра, где можно найти еще — немедленно? (Подсказка: позвоните по телефону 800-733-3000. Или справьтесь по адресу www.randomhouse.com)

Как я смогу выразить признательность автору, помимо того, что куплю книгу за полную стоимость?

Это самые лучшие из всех ваших вопросов! Поздравляем! Вы, несомненно, выросли в духовном отношении. Наверняка не заставит себя ждать и финансовая сторона!

А теперь, прежде чем вы «появитесь в обществе и сразите всех своими познаниями», еще одно, последнее упражнение. Возьмите очень большой лист бумаги — лучше даже целую пачку. Запишите имена всех своих знакомых. Просмотрите содержимое «Ролодекса». Найдите кучу тех визитных карточек, сведения с которых вы так и не удосужились перенести в органайзер. Возьмите справочник вашего колледжа с указанием имен выпускников. Достаньте телефонную книгу. Не забудьте ни единого человека! Если возникнут вопросы, запишите их!

Теперь позвоните в банк. Спросите, сколько денег у вас осталось. Позвоните в компании, где вы получали кредитные карточки, и выясните, какова предельная сумма покупки товара. Прodelайте это для каждой кредитной карточки, лежащей в вашем бумажнике. Ни одной не упустили из виду? А как же та старая карточка «Мастеркард», что лежит на дне ящика письменного стола? Выясните, можно ли воспользоваться вашими кредитными карточками на бензин для покупки книг. Ну что, готовы? Давайте «расти»!

Отправляйтесь в ближайший книжный магазин. Возьмите с собой эту книгу и список. Отдайте список и все кредитные карточки — не забудьте ту «Мастеркард»! — продавцу и скажите: «Я хочу послать эту книгу всем, кто включен в список, и хочу заплатить полную стоимость» (очень важно).

Улыбается ли вам продавец? Вы приобрели нового друга? Видите, как приятно расти?

Молитва щедрого книголюбца

Господь, который написал «Книгу Книг», и звонил скромному
служителю Своему брату Запу,
и диктовал ему не только самую свежую информацию о
положении дел на бирже,
но и премудрость, содержащуюся здесь, в книге, что у меня в
руках,
сделай так, чтобы я постоянно рос в финансовом отношении, а
также в духовном,
и чтобы у меня хватало мужества — и кредита — на покупку
новых экземпляров этой книги,
а также любых аудиокассет, календарей, видеозаписей, наклеек на
бампер, футболок — с мерным кувшином или без него,
выпускаемых в качестве сопутствующих товаров для седьмого с
половиной поколения.
А если Ты узришь вдруг, что я стою сейчас в книжном магазине и
листаю эти страницы
в надежде почерпнуть украдкой их премудрость, не заплатив за
это,
тогда направь меня напрямиком к кассе Своей, дабы я смог отдать

автору то,
что воистину принадлежит ему.
Аминь!

О шрифте

Текст этой книги набран «питтом», шрифтом, созданным братом Питтом из Хардинга, английским монахом ордена святого Тадеуша. В 1435 году, когда ему надоело без конца переписывать иллюминированные рукописи от руки, брат Питт изготовил наборный шрифт и изобрел печатный станок. (Некий немец по имени Иоганн Гутенберг, гостивший в монастыре, украл оборудование и использовал его для выпуска первой печатной Библии.) Брат Питт создал свой шрифт для издания основополагающего текста монашеского ордена, «De Doloribus Extremis». Черта, пересекающая букву "t", имеет форму пилы, посредством которой был предан мученической смерти святой Тадеуш. Засечки в форме крыльев на концах основных штрихов литеры символизируют вознесение этого святого на небеса. Вертикальная черта посередине прописной буквы "S" символизирует надежды авторов, связанные с данным произведением.

Об авторе

Брат Зап — это прозвище монаха ордена святого Тадеуша, чей монастырь находится на севере штата Нью-Йорк. До пострижения в монахи он работал биржевым маклером в нескольких известных брокерских фирмах на Уолл-стрит.

В подготовке его книги к изданию также принимали участие Кристофер Бакли и Джон Тирни, оба — искренние приверженцы Семи с половиной законов™. Бакли является автором бестселлера «Здесь курят» и часто печатается в журнале «Нью-Йоркер». Тирни ведет колонку в газете «Нью-Йорк таймс».